

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
О Т Д Е Л Е Н И Е   Л И Т Е Р А Т У Р Ы   И   Я З Ы К А
П У Ш К И Н С К А Я   К О М И С С И Я

В Р Е М Е Н Н И К
П У Ш К И Н С К О Й
К О М И С С И И

1967—1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1970

Редактор
акад. М. П. АЛЕКСЕЕВ

7—2—2
157—70 (I пол.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В шестом выпуске «Временника Пушкинской комиссии», подводящем итоги изучения и популяризации творчества Пушкина за 1967 и 1968 годы, сохраняется прежняя программа издания.

В первом разделе «Временника» содержатся публикации записок Н. М. Смирнова о Пушкине, Жуковском и Н. К. Загряжской с послесловием и комментариями К. П. Богаевской и М. И. Гиллельсона «Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон» в связи с выходом в Милане издания записей Д. Ф. Фикельмон о Пушкине за 1829—1831 гг., осуществленного Н. Каухчишвили. В этом же отделе помещена статья Г. Ф. Турчанинова, заключающая в себе неизвестные ранее данные о черкесе Султане Казы Гирее, два произведения которого — «Долина Ажитугай» и «Персидский анекдот» — были напечатаны Пушкиным в его журнале «Современник».

В статье В. Э. Вацура «Уолпол и Пушкин» приводятся данные, свидетельствующие о знакомстве Пушкина с трудами английского писателя и историка XVIII в., в частности с его «готическим» романом «Замок Отранто» и полемическими сочинениями. Здесь же публикуется статья В. В. Крамер, представляющая собою обзор некоторых имеющих отношение к Пушкину материалов архива С. Д. Полторацкого; записи Полторацкого наглядно показывают его роль в сохранении и популяризации наследия Пушкина и в ряде случаев позволяют пополнять реальный комментарий к некоторым произведениям Пушкина.

В отделе «Обзоры» помимо перечня книг о Пушкине, вышедших в 1968 г., печатается ряд заметок, представляющих собой материал для полного комментария к сочинениям Пушкина, для его биографии и истории восприятия и изучения его наследия как в СССР, так и за рубежом.

Завершается «Временник», как обычно, хроникой основных событий в области пушкиноведения за 1967—1968 гг. Здесь же печатаются некрологи русским и зарубежным пушкиноведам.

Все цитаты из Пушкина даются по «Полному собранию сочинений» Пушкина (тт. I—XVI, Изд. АН СССР, 1937—1949) — если цитируемое издание не оговорено особо — в такой форме: Акад., том, страница (или номер письма); при многократных ссылках — без повторения условного обозначения «Акад.».

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

К. П. БОГАЕВСКАЯ

ИЗ ЗАПИСОК Н. М. СМИРНОВА

25 декабря 1909 г. В. О. Ключевский писал А. Ф. Кони: «Много лет тому, собирая разные старинные рукописи, я купил — у кого, теперь не помню, — несколько каких-то тетрадей старых. Рассмотрев их, я посредством продолжительных справок убедился, что это разрозненные части собственноручных записок Н. М. Смирнова, мужа известной в свое время Александры Осиповны, урожденной де Россет; он был губернатором в Калуге, потом сенатором. Записки не лишены исторического интереса. Но я никак не могу определить своего юридического к ним отношения. Как и откуда взяло их лицо, мне их продавшее, где его теперь найти, где находятся другие части записок, если они были написаны, остались ли после у автора их наследники и где они — про все это я ничего не знаю. Что мне делать с этими тетрадями, т. е. в какой мере я могу считать себя их владельцем, а не простым хранителем, и могу ли ими пользоваться печатно — вот вопросы, для меня не разрешимые, насчет которых мне очень хотелось бы знать Ваше мнение. Если это нисколько Вас не затруднит, сделайте мне превеликое одолжение, вразумив меня в моих недоумениях».¹

До сих пор неизвестно, при каких обстоятельствах исчезли записки из семьи мемуариста и пошли по рукам. Неизвестно также, что ответил Кони на вопрос Ключевского. Во всяком случае, последний не стал их печатать.² Они пролежали незамеченными в бумагах историка до 1962 г., когда А. А. Зимин опубликовал из них страницы о Жуковском и Пушкине (с пропусками и некоторыми неточностями).³

¹ В. О. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. Изд. «Наука», М., 1968, стр. 213—214.

² Письма Кони к Ключевскому хранятся в ГБЛ (ф. 36, п. 32, ед. хр. 24) и в Институте истории АН СССР (ф. 4, оп. 5, ед. хр. 146). — В своей незаконченной статье «Отмена крепостного права», 1910—1911 гг. Ключевский несколько раз ссылался на записки Смирнова (В. О. Ключевский, Сочинения, т. 5. Соцэкгиз, М., 1958, стр. 371—394).

³ А. Зимин. Пушкину тридцать пять лет... «Неделя», 1962, № 40, 30 сентября—6 октября, стр. 15.

На подлиннике записок нет ни фамилии автора, ни заглавия. Только на первом листе стоит: «Тетрадь 1. 1833, 1834». Затем следует столбиком оглавление с указанием страниц рукописи. Например: Отъезд царя на конгресс и заговор поляков; Неурожай; Н. М. Карамзин; Освобождение крестьян; Отъезд царя в Берлин; Жуковский; Пушкин.⁴

На записях о Жуковском и Пушкине тетрадь кончается. Против них на полях Смирновым проставлено: 1834. Предыдущая запись посвящена крестинам дочери вел. кн. Михаила Павловича Анны — 27 октября 1834 г. — и отъезду в тот же вечер Николая I с наследником в Берлин. Таким образом, записи о двух поэтах можно смело датировать ноябрем или декабрем 1834 г., что также вполне подтверждается и содержанием записок.

Приводим эти страницы о Жуковском и Пушкине.

Жуковский

У нас часто проводят вечера Жуковский, А. С. Пушкин и А. И. Тургенев, которые, верно, самые любезнейшие из всех тех, которых мы встречаем в петербургских вечерах. Жуковский более молчалив и очень любит слушать, но когда развеселится, рассказывает очень оригинально особенные смешные анекдоты. Он был одним главным членом Арзамасского общества, кажется, даже журналистом. Сие общество состояло из путников, буффонных, буффонили на словах и на бумаге, Блудов, Тургенева, Жуковский и многие другие были сего общества.

Жуковский, можно сказать, имеет девственную душу; он всегда спокоен и на вид кажется угрюм, когда же развеселится, смеется *du rire d'un brave homme*;^{*} кто его один раз увидит, уверится по одному его лицу в спокойной, доброй и чувствительной душе. Я никогда не видал его в гневе или в пылу какой-нибудь страсти, никогда не слышал его даже говорящим скоро или отрывисто, в самых даже спорах. Тронутый иногда обращением холодным двора, он никогда не жалуется, старается оправдывать сие тем, что он домашний при дворе, или даже сам говоря, что такой-то поступок должен был его рассердить, но что он сердиться не умеет и чувствует только печаль. Ему теперь за сорок лет и уже давно собирается жениться; находил на своем веку много женщин, которые ему нравились, но они никогда для него не были более, как милые творения (любимое слово его), он никогда не ощущал пылкой страсти, которая была бы довольно сильна, чтоб заставить его решиться на такое важное дело, и до сего времени боялся даже, что состояние его не довольно обеспечено, чтобы завести семейство. В нынешнем году ему дали пенсию пожизненную в ** руб. в год, и его друзья поздравляли его, что он довольно теперь богат для женатого даже человека, но он, кажется, останется только дру-

⁴ Институт истории АН СССР, Отдел рукописных фондов, ф. 4 (В. О. Ключевского), оп. 1, ед. хр. 211. Дневник сенатора Н. М. Смирнова (заглавие архивное). — Записи о Жуковском и Пушкине находятся на лл. 62 об.—68 (сам Смирнов нумеровал страницы: 127—134). На полях рукописи Смирнов указывал названия глав: «Жуковский», «Пушкин». В том же фонде имеется еще тетрадь записок Смирнова за 1841 г. (ед. хр. 212) и явно более позднего времени тетрадь, без даты, на французском языке (ед. хр. 213).

^{*} смехом простака (*франц.*).

^{**} Пропуск в подлиннике.

гом милых творений, а любовником быть не в его природе.⁵ Самое горячее чувство его к своему августейшему воспитаннику, чувство по роду и предмету, совершенно приспособленное его душе <...>.⁶

Душа Жуковского хотя никогда не ощущает страсти, способна чувствовать, т. е. понимать, самые воспламененные чувства. При рассказе прекрасного, высокого, возвышенного лицо его оживится и слово плавно вылетает из души его. Когда рассказывает про женщину, которая ему нравится или каким-нибудь чувством, или талантом, или улыбкою, или взором, «милое творение», — прибавляет он с вздохом, полным нежности.

Он большой охотник до музыки, целые часы готов слушать Бетховена, Моцарта, он гармоническими звуками попружается в сладкую мечтательность, лицо его одето вниманием, и душа его плавает в гармонии. Верный друг всем приятелям, коих у него очень много, он, ходатайствуя о них, может выйти из своего хладнокровия и разгорячиться, для себя он беспечен. Для него не замечательно, что он живет высоко и что высокая лестница вредна его здоровью; зато его кабинет обширный и наполненный приятными воспоминаниями, предметами, таблицами разных родов и шкапами, портфелями, им выдуманскими и которые составляют у него всегда большой расход. Я мог бы собрать о нем еще тьму подробностей, любопытных для потомства, каков поэт и наставник одного русского царя, но боюсь дать слишком большой объем сим запискам. Прибавлю только, что он был другом Карамзина, Петра Вяземского, Пушкина и что Мердер и он друг друга понимали и ценили.⁷

Пушкин

Совсем другого характера наш Пушкин. Нрава пылкого и ума столь же быстрого, пылкого, он обнимает предметы с большею живостью, жадностью и выражает свои понятия с большею резкостью, оригинальностью, душа его пылче (sic!), всеобъемлющее, но не столь глубока и не сохраняет так долго впечатления. Я не буду говорить о психическом и авторском достоинстве обоих, не считаю себя способным сочинить сей разбор, легкий только не многим, но буду описывать единственно в светском их быту. Жуковского уже описал, приступлю и к Пушкину, с которым с юности и с первого знакомства очень сблизился.

Пушкин предоброй и благородной души. Стихи, писанные в юности, «Кинжал», «Послание к Чадаеву», эпиграммы не были ему внушены ни убеждением, ни даже гонением, ибо гонение было после написания стихов. Он просто был молод, находился в обществе людей, имеющих таковые мысли. Он сии мысли изобразил в стихах, сие общество оным рукоплескало, и Пушкин продолжает писать в стихах желанья, надежды горячего республиканца, хотя оным никогда не был, но единственно потому что был молод и слабого характера, легко увлекаемого.

---

⁵ Смирнову осталось неизвестным сильное чувство Жуковского к М. А. Протасовой. 21 мая 1841 г. (в 57-летнем возрасте) Жуковский женился на Елизавете Рейтерн, дочери своего друга, немецкого художника.

⁶ Здесь нами опущены строки о воспитании Жуковским наследника Карла Карловича Мердера (род. 1788 г.), так же как и Жуковский, — воспитатель наследника. Умер в Риме 24 марта 1834 г. Жуковский написал ему некролог, в котором очень высоко оценил душевные качества Мердера. Смирнов в своих записках посвятил главу противопоставлению Мердера и Аракчеева. Пушкин записал в дневнике 25 апреля 1834 г.: «Мердер умер, — человек добрый и честный, незаменимый» (Акад., XII, 327). О его смерти пост упоминает также в письме к жене от 22 апреля 1834 г. (XV, 130).

Когда при воцарении нынешнего государя фельдъегерь привез его из деревни в Москву и прямо в кабинет царя и царь произнес ему прощение старых грехов и обещал покровительство, Пушкин в минуту перебрался, его благородная душа постигла благоденствие, милость сего царского поступка, и Пушкин на слова, как и в чувствах, стал вернейшим подданным и сыном царя-отца. Государь ему сказал, что он один хочет быть его цензором; с тех пор Пушкин ему должен посылать свои сочинения до печатания и после, по утверждении их, прямо печатает. Иногда случаются маленькие ссоры между августейшим цензором и поэтом, как-то за стихи не печатанные, но известные всему Петербургу: эпиграмма на происхождение некоторых наших аристократов,⁸ но Пушкин раскаивается, и царь забывает вину. Сердится также иногда и Пушкин за не-пропуск некоторых слов, стихов, но по воле высшей перемещает слова и стихи, без всякой, впрочем, потери для себя и публики. Не знаю почему, только, верно, из каприза лишает он в сию минуту нас поэмы «Медный всадник» (монумент Петра Великого), ибо те поправки, которые царь требует, справедливы и не испортят поэму, которая, впрочем, слабее других.⁹ Я видел сию рукопись; Пушкин заставляет говорить одного сумасшедшего, грозя монументу: «Я уж тебя, истукан»; государь не пропускает сие место вследствие и очень справедливого рассуждения: книга печатается для всех, и многие найдут неприличным, что Пушкин заставляет проходящего грозить изображению Петра Великого, и за что, за основание «города» на месте, подверженном наводнениям. Государь, зная, что Пушкин очень знаком с женою (бывшею тогда еще моею невестою в 1831 году), часто говорит с нею об нем и передает ему свои мнения через нее. Он прислал ей сей манускрипт с своими замечаниями, и точно, все были дельные, цензор был бы еще строже царя.

Пушкин в обществе коротких знакомых очень любезен. Он не имеет только глубоких познаний, как Жуковский, и, кроме литературы и истории, в других науках очень слаб, многими даже не занимался, но он много читал мемуаров, исторических сочинений и имеет счастливую память, посему его разговор очень занимателен, и в российской истории с Петра Великого он имеет очень обширные познания и знает большое множество анекдотов. Он рассказывает прекрасно и с особенным умом умеет найти во всяком предмете, во всяком анекдоте занимательную сторону, которая для многих глаз осталась бы неприметною. «Это очень занимательно» — «c'est très remarquable»,* — его любимые слова, и, выговаривая оные, он надует свои толстые губы, возьмет важную осанку и обе руки сунет в карманы панталон. При начале разговора он долго ищет слова и как будто в рассеянии, но когда разговорится или разгорячится, говорит скоро, употребляя всегда истинные выражения, окончив рассказ, вскочит со стула, руки в панталонах и начнет ходить, выкидывая как-то странно ноги вперед и переваливаясь направо и налево. Он очень любит спорить, горячиться, и переспорить или переговорить в споре его

⁸ Смирнов имеет в виду стихотворение «Моя родословная», написанное в октябре 1830 г. и ходившее по рукам в многочисленных списках. При жизни Пушкина опубликовано не было.

⁹ См. об этом статью: Т. Зенгер. Николай I — редактор Пушкина. «Литературное наследство», т. 16—18. Изд. журн.-газ. объедин., М., 1934, стр. 513—536 (о «Медном всаднике» — стр. 521—524). — Смирнов тут явно напутал. Николай I вернул поэту через А. О. Смирнову рукописи «Графа Нулина» и восьмой главы «Евгения Онегина» (см.: А. О. Смирнова. Автобиография (неизданные материалы). Подготовила к печати Л. В. Крестова. Изд. «Мир», М., 1931, стр. 182, 325). Рукопись же «Медного всадника» с замечаниями царя Пушкин получил 12 декабря 1833 г. от Бенкендорфа, о чем сам записал в дневнике (XII, 317). Также неточно Смирнов цитирует и стихи из поэмы.

* это замечательно (*франц.*).

трудно, даже в сухих безделицах. Про поэзию, стихи он редко говорит,¹⁰ его любимый разговор — времена Петра, Елизаветы, Екатерины, и он в свой век собрал много документов и рассказов, касающихся до сих времен. Так как все привыкли его слушать со вниманием, ему легко поставить разговор на любимые предметы.¹¹ В обществе он совсем забывает мнимую им независимость характера, быть в аристократическом салоне для него очень важно, хотя всеми старается силами скрыть свою слабость свою. Вельможа ему не поклонится нечаянно, он сердится, обижается и рад выпустить эпиграмму; вельможа с ним любезен, Пушкин внутренно радуется. Его представили при мне княгине Ливен,¹² он смутился и покраснел, начал говорить и через минуту принужденно засмеялся. Когда государь и великий князь с ним говорят, ему неловко, то на одну, то на другую станет ногу и, выткнув шею, не говорит, но рассказывает, как ученик, свой урок. В обществе он любезен только с короткими, с приятелями, в праве довольно ровен, когда не в духе, надует губы, ходит, качаясь, и говорит: «Грустно! Тоска!». Это — пиитическое брожение или тронутого самолюбия досада. В таком духе он долго был, когда его сделали камер-юнкером. Он уверял, что странно ему будет надеть придворный мундир, ему, преждему критику двора, *mais le fin mot de la chose*,* — ему было досадно, что не сделали камергером; в этом государь не догадался, и ему дали золотой мундир, чтоб только можно было бы его и особенно прекрасную его жену приглашать во дворец.¹³

Пушкин очень хорошо живет с женою, обожает ее и в этом обманул ожидания публики. Жена ему платит тем же чувством, любит его до ревности, хотя и не дает он ей причины ревновать. Пушкин в юности прикидывался оригиналом, и ему удалось в маленьких вещах сделаться оным: длинные в полвершок ногти, черный, застегнутый доверху в виде фуфайки жилет, оригинальные черты его костюма. Пишет он стихи в постели. Поедет на осень в деревню на несколько недель, лежит до двух в кровати и пишет стихи, потом вскочит на лошадь, проскачет несколько верст, окончится, приехавши, в ванну, пообедаст, и опять в постель и за стихи. Окончив, что он хочет, возвращается в город и начинает рассеянную жизнь,

¹⁰ Брат поэта Л. С. Пушкин тоже свидетельствовал: «О поэзии и литературе Пушкин говорить вообще не любил, а с женщинами никогда и не касался до сего предмета» (Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 9).

¹¹ Здесь уместно вспомнить строки из воспоминаний А. О. Смирновой: «Князь П. А. Вяземский, Жуковский, Александр Ив. Тургенев, сенатор Петр Ив. Полетика часто у нас обедали. Пугачевский бунт, в рукописи, был слушаем после такого обеда. За столом говорили, спорили; кончалось всегда тем, что Пушкин говорил один и всегда имел последнее слово. Его живость, изворотливость, веселость восхищали Жуковского, который, впрочем, не всегда с ним соглашался» (А. О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, письма. Изд. «Федерация», М., 1929, стр. 309).

¹² Кн. Дарья Христофоровна Ливен (1785—1857) — жена дипломата и государственного деятеля Х. А. Ливена (1777—1838), сестра Бенкендорфа. В 1835 г. она навсегда уехала из России. А. О. Смирнова писала о ней: «сухая, бездушная», «на вид сухая и гордая, страстно любила детей» (А. О. Смирнова. Автобиография, стр. 172 и 249). О знакомстве Пушкина с Ливен до сих пор не было известно.

* но разгадка этого (*франц.*).

¹³ 1 января 1834 г. поэт записал в дневнике: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам)» (XII, 318). — О возмущении Пушкина при получении известия об этом рассказывает и поэт Я. П. Полонский со слов того же Смирнова и Л. С. Пушкина (Я. П. Полонский й. Кое-что об А. С. Пушкине. В кн.: М. А. Цявловский й. Книга воспоминаний о Пушкине. Изд. «Мир», М., 1931, стр. 320—321). Впоследствии Смирнов писал, что Пушкину по его чину нельзя было дать звание камергера («Русский архив», 1882, № 2, стр. 239).

много и страстно играет в карты, в азартные игры, ездит в общество, сердится на свою судьбу, кричит: «Грустно! Тоска!» — и только некоторые утра жертвует поэзии и занятиям. Вообще пишет урывками, но зато с страстью, на сей счет совершенный он художник. Впрочем, так жил он до свадьбы, до 1831 года, теперь стал несравненно степеннее, все утра сидит дома, занимается в кабинете, допуская в оный одну жену, с каковою и в деревню не ездит более писать стихи. Он хотел в прошедшем году написать роман о Пугачеве, поехал в Оренбург собирать на месте сведения о сем любопытном феномене природы и написал историю, увлеченный важностью предмета. Теперь пишет историю Петра Великого и много занимается чтением касающихся до оного времени бумаг и истории. Многие его приятели считают его не способным к труду, требующему долгого терпения, но Пушкин в один прием сделает более, чем другой в несколько, а потом, вероятно, отложит свое второе заседание на долгое время. Нет нужды нам до времени, желательно только, чтоб он окончил свое предприятие, до сего же временей еще не написано ни одной строки.

Как люблю я Пушкина в веселом духе, как много он тогда рассказывает, как живо говорит, так весело смеется, хохочет, выказывая наружу все свои белые зубы. Его смех невольно заставит смеяться. Его доброе сердце не может ни на кого долго сердиться, он дует только на двор, и то притворяется. Нынешнее лето вдруг ему пришла фантазия выйти в отставку, вдруг снова обиделся быгь камер-юнкером и написал об оном письмо Бенкендорфу; государь рассердился, Жуковский кинулся бранить Пушкина и сей с повисшим хвостом писал снова Бенкендорфу, что он хочет остаться на службе, видя что это приятно царю¹⁴

Н. К. Загряжская

...вообразите себе старушку, которая в 1834 году рассказывает, что она находилась на той галере, на которой Петр III хотел спастись в Кронштадт. Маленькая и еще укороченная, сгорбленная летами, с рыжими пучками, в галстук, с большими очками сидит Наталья Кирилловна за бостоном с короткими своими, играет по пяти копеек и собирает по две фишки для бедных. В 12 часов оканчивается бостон, подают дурной ужин и начинаются с рассказами любезность Натальи Кирилловны. Она терпеть не может Петра Великого за то, что посылал в чужие края, любит Екатерину, обожает ее время, не верит минеральным водам и бранит молодых дам нашего времени за слабость их нерв.

«Я люблю твоего мужа, — говорит она жене Пушкина-поэта, — он любит мою матушку Екатерину Алексеевну и ты ее люби; если тебе скажут, что она имела любовников, не верь этому, а если и поверишь, то вспомни, что не надо чуждаться человечества».¹⁵

¹⁴ 25 июня 1834 г. Пушкин обратился с письмом к Бенкендорфу, в котором заключалась просьба об отставке (оно не сохранилось; см. ответ Бенкендорфа от 30 июня — XV, 171). 2 июля Жуковский послал записку Пушкину с советом взять свое прошение об отставке обратно, что Пушкин и сделал на другой же день, а Жуковскому так объяснил свой шаг: «Подал в отставку я в минуту хандры и досады на всех и на все. Домашние обстоятельства мои затруднительны; положение мое не весело; перемена жизни почти необходима» (XV, 173—174). Переписка на эту тему между Пушкиным, Жуковским и Бенкендорфом продолжалась до 6 июля.

¹⁵ Отрывок из той же тетради Н. М. Смирнова (Тетрадь 1, 1833, 1834, л. 25). В дневнике Пушкина от декабря 1833 г. читаем: «4 <го> вечером у Загряжской (Нат. Кир.) разговор о Екатерине: Нат. Кир. была на га-

Незаметный муж известной Александры Осиповны Смирновой-Россет, прославившейся своей красотой, умом и остроумием, характеризовался обычно как «добрый малый» (слова И. И. Козлова),¹⁶ «оригинал, человек чрезвычайно добрый, во всех отношениях благородный и честный, но взбалмошный и горячий иногда до бешенства» (Д. Н. Свербеев),¹⁷ «человек большого образования и золотого сердца», «человек благороднейших правил, отменно-горячего, любящего сердца, с деятельным участием относившийся к чужому горю и чужой беде» (П. И. Бартенев);¹⁸ «некрасивый и недалекий» (современный биограф А. О. Смирновой — Л. В. Крестова).¹⁹

А. О. Россет вышла замуж, не испытывая чувства любви, о чем сама неоднократно писала, оправдываясь ссылкой на уговоры императрицы Александры Федоровны и своей приятельницы А. П. Дурново.²⁰

Впоследствии она вспоминала: «... у меня не было ни одного года покоя и счастья с этим человеком. Сердце у него было доброе, но он был беспринципен и взбалмошен».²¹

Итак, доброту Смирнова отмечали все, но так ли он был не умен, как это принято думать? Даже не выносившая мужа А. О. Смирнова сказала как-то Н. Д. Киселеву: «... он очень умен, хотя и не блещит в салонах».²² Смирнова явно ошибается — ее муж не обладал ни большим умом, ни какими-либо дарованиями; не владел он и пером, как видно по его запискам. Но тем не менее и в записках, и в своих «памятных заметках» (написанных позже) он создал живой внешний облик поэта и сумел понять благородство его натуры, что удавалось далеко не всем современникам. Смирнов так вспоминал о Пушкине: «Кто был ближе к нему, кто пользовался его совершенным доверием, кому доступны были тайные струны его души, те уважали в Пушкине человека, столько же как и поэта, те открывали в нем ежедневно сокровища неистощимые и недоступные пониманию толпы так называемых приятелей».

Или: «Женитьба была его несчастье, и все близкие друзья его сожалели, что он женился. Семейные обязанности должны

лере вместе с Петром III во время революции» (XII, 316). 12 августа 1835 г. поэт записал три рассказа Загряжской, в том числе и упомянутый рассказ о дворцовом перевороте 28—29 июня 1762 г. (XII, 174—176).

¹⁶ Запись в дневнике И. И. Козлова от 29 февраля 1832 г. «Старина и новизна», кн. 11, СПб., 1906, стр. 51.

¹⁷ Записки Д. Н. Свербеева, т. II, М., 1899, стр. 291—294.

¹⁸ «Русский архив», 1882, № 2, стр. 227; 1899, № 4, стр. 623.

¹⁹ А. О. Смирнова. Биографический очерк. В кн.: А. О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929, стр. 44.

²⁰ А. О. Смирнова. 1) Записки..., стр. 235; 2) Автобиография, стр. 133—134, 187—188.

²¹ А. О. Смирнова. Записки..., стр. 152 (оригинал по-французски).

²² А. О. Смирнова. Автобиография, стр. 213.

были неминуемо отвлечь его много от занятий, тем более что, не имея еще собственного имени, живя произведениями своего пера <...> он готовял себе в будущем грустные заботы о необходимом для существования. Так и случилось. С первого года Пушкин узнал нужду, и хотя никто из самых близких не слышал от него ни единой жалобы, беспокойство о существовании омрачало часто его лицо».²³

Но, как и его жена, Смирнов был монархистом и поклонником царствующей семьи. Отсюда умиленные строки в его записках о царе-отце, об «августейшем цензоре»; отсюда же в корне неверное освещение вольнолюбивых взглядов Пушкина.

Смирнов порой ложно истолковывал настроения поэта. Так, самолюбие и повышенную впечатлительность Пушкина он воспринимал как «слабость» к «аристократическим салонам» и их представителям.

Пушкин познакомился со Смирновым в 1828 г., когда тот двадцатилетним молодым дипломатом вернулся из Флоренции в Россию. Смирнов сам называет этот год временем своей первой встречи с Пушкиным.²⁴ Знакомство их произошло, вероятно, в Петербурге, где поэт жил тогда безвыездно до середины октября 1828 г. и куда Смирнов приехал вскоре после возвращения на родину.²⁵

О взаимоотношениях Пушкина и Смирнова мы располагаем скудными сведениями, особенно до 1830-х годов. Известно, что Пушкин, понимая стремление Россет сделать хорошую партию, отговаривал ее от опрометчивого шага—брака с нелюбимым человеком, о чем она сама вспоминает: «Пушкин мне сказал: „Какую глупость вы делаете. Я его очень люблю, но он никогда не сумеет вам создать положения в свете. Он его не имеет и никогда не будет иметь“».²⁶

Если даже в словах «я его очень люблю» и имеется какая-то доля преувеличения, то в основном они сказаны Пушкиным, несомненно, искренно. Очевидно, Смирнов нравился поэту своей сердечностью, благородством, любовью к искусству (недаром Смирнова любили в семье Карамзиных).²⁷ К тому же Смирнов в некоторых вопросах был единомышленником Пушкина, противником крепостного права. В своих записках он рассказывает о попытках в 1820 г. братьев Тургеневых, А. С. Меншикова и

²³ Из памятных заметок П. М. Смирнова. «Русский архив», 1882, № 2, стр. 229—239.

²⁴ Там же, стр. 238.

²⁵ Письмо А. Я. Булгакова к брату от 11 мая 1828 г. «Русский архив», 1901, № 10, стр. 156.

²⁶ А. О. Смирнова. Автобиография, стр. 192. — Ср. ее слова, сказанные мужу в момент ссоры: «...ведь ты жетился для положения в свете, а Пушкин мне говорил, что ты своими манерами и спором портишь мое положение» (там же, стр. 171).

²⁷ А. О. Смирнова. Записки..., стр. 235.

М. С. Воронцова освободить своих крестьян; говоря о яром противодействии этому замыслу Аракчеева, Смирнов добавляет: «... и теперь, быть может, во всей России было бы уничтожено рабство, без всякого внутреннего волнения, одним влечением человеколюбивого патриотизма, иностранцы не могли бы нам упрекать сей остаток варварства, и история Александра приобрела бы прекрасную страницу, едва ли не прекраснейшую из всех прекрасных».²⁸

В дневнике Пушкина 29 июля 1831 г. появилась запись о том, что 26 июля государыня «позволила фрейлине Россети выйти за Смирнова» (XII, 200).

Пушкин был шафером на свадьбе Смирновых 11 января 1832 г. После свадьбы, в мае, молодые поселились на Литейном в доме Апраксина. Здесь Пушкин бывал у них, но недолго — 30 декабря Смирновы уехали за границу.²⁹

Сохранилась единственная и незначительная записка Смирнова к Пушкину, которую датируют февралем—маем(?) 1832 г. Смирнов просит дать ему на час карету. Он обращается к Пушкину как к близкому приятелю, на «ты» (XV, 23).

По возвращении из-за границы в конце августа 1833 г.³⁰ Смирновы жили по-прежнему в Петербурге, но на другой квартире — на Б. Конюшенной улице, рядом с Певческой капеллой.³¹ Здесь Пушкин читал у них «Историю Пугачева».

Несмотря на краткость дневника Пушкина 1833—1834 гг., в нем несколько раз встречается имя Смирнова и его жены.

14 декабря 1833 г.: «вечер у См<ирновых>».

8 марта 1843 г. «Вчера был у См<ирновых>».

2 апреля Пушкин, рассказывая в дневнике о выборах в члены Английского клуба и о том, что Смирнова забаллотировали, приняв за его однофамильца-игрока, заканчивает: «Смирнова, баллотировали снова, и он был выбран. — Это, впрочем, делает ему честь — он не министр и не обер-полицмейстер. И знак уважения к человеку частному должно быть ему приятно».

В записи от 21 мая сказано: «Вчера обедал у См<ирновых> с Полетикой, с Вельг<орским> и с Жук<овским>. Разговор коснулся Екатерины». Далее Пушкин излагает придворные анекдоты.

В июне 1834 г.: «Вечер у См<ирновых>; играл, выиграл 1200 р» (XII, 317, 321, 323, 329, 330).

---

²⁸ Тетрадь 1, 1833, 1834. Гл. «Освобождение крестьян», лл. 57 об.—58 об.

²⁹ Н. Н. Фокин. О памятных местах пушкинского Петербурга. «Пушкин и его время», вып. 1. Изд. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 545.

³⁰ Письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 27 августа 1833 г. Остафьевский архив, т. III. СПб., 1899, стр. 249.

³¹ Н. Н. Фокин. О памятных местах... стр. 545.

В списках долгов Пушкина дважды записано: 3000 — Смирнову (весна 1834 г.) и снова — 2000 (в 1836 г.).³² Вряд ли у поэта могли быть такие крупные карточные долги, вернее себе представить, что Смирнов, человек богатый, выручал Пушкина в моменты денежных затруднений.

И, наконец, последнее, что нам известно — шуточные строки в письме Пушкина к жене (около 27 июня 1834 г.) после родов Смирновой, ожидание которых тревожило ее друзей: «Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоих. Какова бабенка, и каков красноглазый кролик Смирнов? — Первого ребенка такого сделали, что не пролез, а теперь принуждены на двое разделить» (XV, 166).

В марте 1835 г. Смирновы уехали в Берлин и навсегда расстались с Пушкиным. Когда же в феврале 1837 г. до Парижа, где жили тогда Смирновы, дошло известие о трагической гибели Пушкина, Андрей Карамзин писал оттуда родным: «...Медом, член нашего немецкого посольства, чуть не выпарапал глаза Смирнову за то, что он назвал Пушкина *l'homme le plus marquant en Russie*».³³

Утверждение Смирнова, что Пушкин был одним из самых замечательных русских людей, свидетельствует о понимании им значения и величия поэта, что было доступно не всем лицам, знавшим Пушкина в 1837 г.

Впоследствии Смирнов написал свои «Памятные заметки» — воспоминания о поэте, без цитат из которых не обходится ни одна биографическая работа о Пушкине. Во многом они сходны с напечатанными выше записками. Вероятно, Смирнов пользовался последними при создании своих «Памятных заметок».

---

³² Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 363 и 383. — Долги эти отданы были опекой после смерти Пушкина (см.: Архив опеки Пушкина. Ред. и коммент. П. С. Попова. М., 1939, стр. 12—13, 117, 153—154).

* человеком наиболее замечательным в России (*франц.*).

³³ Письмо от 18 февраля/2 марта 1837 г. В кн.: Пушкин в письмах Карамзинных 1836—1837 годов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 401 (впервые: «Старина и новизна», кн. 17, М., 1914, стр. 297).

М. И. ГИЛЛЕЛЬСОН

ПУШКИН В ИТАЛЬЯНСКОМ ИЗДАНИИ ДНЕВНИКА Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН

Записи Д. Ф. Фикельмон о Пушкине стали известны в 1950-е годы; они были опубликованы как в отечественных, так и в зарубежных изданиях.¹ Теперь появился связный текст ее дневника за 1829—1831 гг.² Вставленные в раму светской хроники тех лет высказывания Д. Ф. Фикельмон о Пушкине получают большую емкость и глубину. В ее дневнике имеются сведения и отзывы о многих знакомых Пушкина; к ее записям о представителях столичного высшего света, судьбы которых соприкасались и порой перекрещивались с жизнью поэта, еще не раз будут обращаться исследователи. Кроме того, для пушкинистов существенны в этом издании сведения, содержащиеся во вступительной статье и в приложениях.

Изданию дневника предпослан пространный биографический очерк о Д. Ф. Фикельмон, написанный Н. Кауччишвили на обширном печатном и архивном материале (стр. 7—82). Биография Д. Ф. Фикельмон имеет следующие разделы: 1. Детство; 2. В доме Бутурлина; 3. В читальном зале Вьессо; 4. В салоне на набережной реки Арно (флорентийский салон Луизы Альбани, — М. Г.); 5. В доме Хитрово; 6. Молодая посланница; 7. Духовный облик Долли; 8. Между Неаполем и Петербургом; 9. Возвращение в Италию; 10. Пушкин и графиня Фикельмон

¹ Е. М. Хмелевская. Из дневника графини Д. Ф. Фикельмон (новый документ о дуэли и смерти Пушкина). «Пушкин. Исследования и материалы», т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 343—350; А. В. Флоровский. 1) Пушкин на страницах дневника графини Д. Ф. Фикельмон. «Slavia», 1959, годин XXVIII, seš. 4, стр. 555—578; 2) Дневник графини Д. Ф. Фикельмон. «Wiener Slavistisches Jahrbuch», 1959, Bd. VII, SS. 49—99; Н. В. Измайлов. Пушкин в дневнике гр. Д. Ф. Фикельмон. В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 32—37; Николай Раевский. Если заговорят портреты. Алмата, 1965.

² Nina Kauchtschischwili. Il diario di Dar'ja Fëdorovna Fiquelmont. Milano, 1968. — В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

(иностранные дипломаты, Пушкин и польское восстание, личные отношения Пушкина и графини Фикельмон; литературный отклик, дуэль, воздействия в области культуры); 11. Вяземский и Дарья Федоровна; 12. Другие друзья-писатели. По сути дела перед нами первая подробная биография Д. Ф. Фикельмон. Не имея возможности охарактеризовать все аспекты этого солидного исследования, остановимся на тех новых сведениях, которые имеют непосредственное отношение к Пушкину. Естественно, что главным образом в поле нашего зрения попадут те материалы, которые содержатся в разделе «Пушкин и графиня Фикельмон».

Н. Каухчишвили полагает, что согласие в семье Фикельмон и отсутствие в ее дневнике каких-либо признаний личного характера, связанных с ее знакомством с Пушкиным, опровергают рассказ П. В. Нащокина об интимности их отношений (стр. 53—55). Автор сосредоточил свое внимание на литературных и общественных вопросах, которые ему представляются наиболее существенными. В этом смысле особый интерес вызывают соображения Н. Каухчишвили о причастности Д. Ф. Фикельмон к творческой истории «Египетских ночей». Несколько лет тому назад Н. А. Раевский высказал предположение, что прототипом «молодой величавой красавицы» из этого произведения является Долли Фикельмон.³ Н. Каухчишвили разделяет гипотезу Н. А. Раевского и приводит дополнительные сведения по данному вопросу. Исследовательница сообщает запись Долли от 20 октября 1832 г., из которой явствует, что Фикельмоны покровительствовали заезжему импровизатору: «...на днях мы слушали немца-импровизатора Лангеншварца. Я несколько раз видела этого молодого человека и старалась быть ему полезной, впрочем, без большой удачи. Он очень молод, особенно в умственном отношении, но у него благочестивая душа, чистая и сердечная, как у молодой девушки. Его фигура вовсе не примечательна, но глаза прекрасны, часто полны вдохновения» (стр. 57).⁴ Из мемуаров Меттерниха, которые цитирует Н. Каухчишвили, видно, что Лангеншварц по протекции графа Фикельмона выступал в 1832 г. в Вене с импровизацией «Последний день Помпеи» (стр. 57); исследовательница справедливо напоминает, что в рассказе Пушкина среди тем, предложенных импровизатору, значится эта тема. Со своей стороны отметим, что на сходную тему Лангеншварц импровизировал и в Петербурге; 21 июня 1832 г. «Северная пчела» сообщала, что темой его очередной импровизации было «Извержение Везувия».⁵

³ Н. Раевский. Если заговорят портреты, стр. 133.

⁴ Об импровизаторе Лангеншварце см.: Е. Казанович. К источникам «Египетских ночей». «Звенья», вып. III—IV. Изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 187—204.

⁵ Там же, стр. 192.

Н. Каухчишвили пишет, что Д. Ф. Фикельмон присутствовал во Флоренции на выступлениях знаменитого итальянского импровизатора Томассо Стриги (1778—1836); в 1827 г. он выступал в Неаполе и импровизировал на тему «Смерть Клеопатры» (стр. 57). Исследовательница предполагает, что Д. Ф. Фикельмон могла рассказать Пушкину об импровизациях Стриги. В обоснование своего мнения она приводит некоторые подробности из «Египетских ночей». Она полагает, что рассказ Д. Ф. Фикельмон запомнился Пушкину и привел к упоминанию в «Египетских ночах» секретаря неаполитанского посольства; эту должность занимал в то время С. Дентичи, с которым Пушкин, по всей вероятности, встречался в доме австрийского посланника (стр. 57). В «Египетских ночах» Пушкин мельком выводит молодого человека, недавно вернувшегося из путешествия, «брёдя о Флоренции». 20 октября 1832 г. Д. Ф. Фикельмон записала, что из Италии вернулся В. В. Сабуров (1805—1879), очарованный этой страной. «При нем находился маленький художник-сицилианец, истинное выражение южной непосредственности» (стр. 57). По мнению Н. Каухчишвили, впечатление, произведенное этим сицилианцем, возможно, побудило Пушкина назвать своего импровизатора неаполитанским художником.

Наблюдения Н. Каухчишвили, проясняя отдельные детали «Египетских ночей», свидетельствуют о том, что при изучении творческой истории этого произведения необходимо иметь в виду как образ самой Долли Фикельмон, так и те впечатления, которые Пушкин мог вынести, посещая ее салон.

Аргументацию Н. Каухчишвили можно подкрепить, как нам кажется, рассмотрением наброска «Мы проводили вечер на даче», предваряющего последнюю редакцию «Египетских ночей». Как известно из черновой редакции этого наброска, прототипом Вершнева был В. П. Титов;⁶ однако и другие действующие лица имеют своих прототипов. По-видимому, княгиня Д. — это Долли Фикельмон, и вечер на даче — это вечер на ее даче на Черной Речке, где бывал Пушкин. Дело, конечно, не в том, что инициал совпадает с именем Фикельмон; гораздо существеннее то, что именно говорит княгиня Д.: «Полноте, — вскричала хозяйка с нетерпением. — *Qui est-ce donc que l'on trompe ici?** Вчера мы смотрели Anthony, а вон там у меня на камине валяется *La Physiologie du mariage*. Неблагоприятно! Нашли чем нас пугать! Перестаньте нас морочить, Алексей Иваныч! Вы не журналист. Расскажите просто, что знаете про Клеопатру, однако... будьте благопристойны, если можно» (Акад., VIII, 424).

⁶ Об этом см.: И. Бикерман. Кто такой Вершнев? «Пушкин и его современники», вып. XIX—XX. Пгр., 1914, стр. 49—55.

* Кого здесь обманывают? (*франц.*)

Княгиня Д. упоминает аналитический этюд Бальзака «Физиология брака» (1829). Исследуя архив Фикельмон, Н. Каухчишвили установила, что Долли была внимательной читательницей произведений Бальзака; в начале 1830-х годов она прочла «Шагреновую кожу», «Евгению Гранде», «Сельского врача», «Сцены частной жизни». Пушкин, получавший книжные иностранные новинки из дома Фикельмон-Хитрово, конечно, не мог не знать о ее интересе к творчеству французского романиста. Задумав придать княгине Д. черты Д. Ф. Фикельмон, Пушкин, естественно, заставляет ее прибегнуть к авторитету Бальзака.

Дневник Д. Ф. Фикельмон позволяет нам раскрыть прототипы еще двух действующих лиц из отрывка «Мы проводили вечер на даче»: «Молодая графиня К., кругленькая дурнушка <в черновиках: маленькая дурнушка>, постаралась придать важное выражение своему носу, похожему на луковицу, воткнув в репу, и сказала:

— Есть и нынче женщины, которые ценят себя подороже. . .

Муж ее, польский граф <в черновиках: промотавшийся польский граф>, женившийся по расчету (говорят, ошибочному), потупил глаза и выпил свою чашку чаю.

— Что вы под этим разумеете, графиня? — спросил молодой человек, с трудом удерживая улыбку.

— Я разумею, — отвечала графиня К., — что женщина, которая уважает себя, которая уважает. . . — Тут она запуталась; Вершнев подоспел ей на помощь.

— Вы думаете, что женщина, которая себя уважает, не хочет смерти грешнику — не так ли?» (VIII, 425).

Графиня К., по всей вероятности, Александра Ивановна Корвин-Коссаковская (урожд. Лаваль), а ее муж, поляк по происхождению, граф Станислав Осипович Корвин-Коссаковский. 1 августа 1829 г. Д. Ф. Фикельмон занесла в дневник: «Вечером у Лавалей был бал в честь Зинаиды (дочери Лавалей, — М. Г.) и обручение Коссаковского с младшей дочерью, которая совсем непривлекательна» (*qui n'est guère jolie* — p. 92). Их свадьба состоялась в сентябре того же года, а год спустя, 24 сентября 1830 г., Д. Ф. Фикельмон записала: «На днях Коссаковские давали бал: изящные апартаменты, отменный круг гостей, хорошо устроенный, оживленный вечер, но я без удовольствия бываю у них. Они оба в плохих отношениях с мадам Лаваль из-за денежных вопросов; можно было бы извинить г-на Коссаковского, который ссорится со своей тещей, но я не вижу ничего, что могло бы извинить холодность жены к своей матери. Эта маленькая особа, бессердечная и ребячливая, попавшая в руки расчетливого и эгоистичного человека. . .» (стр. 143).

Слова Пушкина об ошибочном расчете графа К. вполне согласуются с этими подробностями семейных обстоятельств С. О. Корвина-Коссаковского, о которых поэт был осведомлен,

так как он был знаком со всем их семейством; отмечая посещение раута у В. Ф. Одоевского, Пушкин записал 8 апреля 1834 г.: «Вся семья гр. Л.**, гр. Кас., идеализированная ее мать» (XII, 324).

Ироническое отношение автора к графине К. и ее мужу совпадает с неприязненной оценкой четы Корвин-Коссаковских самим Пушкиным. 20 декабря 1835 г. сестра поэта, Ольга Сергеевна, сообщив мужу, что Александр считает С. О. Корвин-Коссаковского очень глупым, далее писала: «Что же касается его жены, то она не любит Александра; ей пришло в голову говорить с ним о его стихах, а так как он отвечал сухо, то она сказала насмешливым тоном: „Знаете ли, monsieur, что ваш Годунов может казаться интересным в России?“ „Мадам, так же, как вы кажетесь хорошенькой женщиной в доме вашей маменьки“. С тех пор она равнодушно смотреть на него не могла».⁷

Пушкин включил в число действующих лиц этого отрывка Сорохтина, студента, обожателя Н. Н. Гончаровой, фамилией которого он решил воспользоваться, чтобы вывести на сцену — по очень вероятному предположению Н. В. Измайлова — Александра Ивановича Тургенева.

«Разговор коснулся как-то до m-me de Staël. Барон Дальберг на дурном французском языке очень дурно рассказал известный анекдот: вопрос ее Бонапарту, кого почитает он первую женщиною в свете, и забавный его ответ: „Ту, которая народила более детей“ <...>

— Какая славная эпиграмма! — заметил один из гостей.

— И поделом ей! — сказала одна дама. — Как можно так не ловко напрашиваться на комплименты?

— А мне так кажется, — сказал Сорохтин, дремавший в гамбсовых креслах, — мне так кажется, что ни m-me de Staël не думала о мадригале, ни Наполеон об эпиграмме. Одна сделала вопрос из единого любопытства, очень понятного; а Наполеон буквально выразил настоящее свое мнение. Но вы не верите протодушию гениев.

Гости начали спорить, а Сорохтин задремал опять» (VIII, 420).

И тонкость реплики, и чуткая дрема во время салонного разговора — все здесь избличает истинного прототипа — А. И. Тургенева; вспомним, что еще в 1817 г. Пушкин в послании к нему писал:

Ленивец милый на Парнасе,
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе
И спишь у графа де Лаваль.

⁷ «Литературное наследство», т. 16—18. Изд. журн.-газ. объедин., М., 1934, стр. 797—798.

Наконец, в фигуре Вольской отображены черты графини А. Ф. Закревской, которую Пушкин хотел изобразить еще раньше в отрывке «Гости съезжались на дачу» (1828) под тем же именем.

Итак, шесть действующих лиц отрывка «Мы проводили вечер на даче» (Вершнеф, княгиня Д., графиня К., граф К., Сорехтин, Вольская) имеют прототипы. Раскрыть их помогает нам наряду с другими источниками дневник Д. Ф. Фикельмон.

Как уже отмечалось нами, в записях дневника Долли Фикельмон мы встречаем имена многих знакомых Пушкина; на его страницах постоянно мелькают упоминания о дипломатах, аккредитованных в Петербурге; с большинством из них Пушкин был знаком. Оставляя в стороне записи о Геккерне, уже известные по ранее вышедшим публикациям, и не претендуя на полный охват темы, остановимся на характеристике сотрудников австрийского посольства, с которыми Пушкин неоднократно встречался в салоне Фикельмон, а также выясним круг лиц, которые были наиболее близки к австрийской посланнице.

24 февраля 1831 г. Д. Ф. Фикельмон записала: «Вот уже неделя как у нас новое лицо в посольстве: это граф Луи Литта. Ему двадцать восемь лет, у него приятная внешность, никакого намека фатовства, он весь *итальянская непосредственность* («*toute la franchisez italiana*»), сочетание крайней живости, сердечности и почти что наивности, которое присуще лишь итальянцам. Он разговорчив, и это нас как-то оживит, так как ледяное совершенное молчание Лобковица и Сали, равно как и Кайзерфельда, нас парализует. Наши обеды самые грустные на свете; я надеюсь, что Литта придаст им хоть немного жизни» (стр. 155).

Модиньяни Луиджи Литта (1803—1855), назначенный в 1831 г. одним из секретарей австрийского посольства, быстро сблизился с семейством Фикельмон. Уже 21 мая 1831 г., вслед за известной записью о приезде Пушкина с женой из Москвы, Д. Ф. Фикельмон отмечает: «Теперь очень часто бывают маленькие вечера у мамы или у нас, я их очень люблю; в них принимают участие Сюлливан, Ленский (в издании ошибочная транскрипция: Леский, — *М. Г.*) и Литта, Тизенгаузены, когда они были здесь, и одна Лили, с тех пор как они уехали; иногда еще один-два человека. Это вечера очень разговорные» (стр. 160).

Можно думать, что Пушкин был вхож в этот узкий круг салона Фикельмон. Во всяком случае он был хорошо знаком с участниками этих немногочисленных вечерних бесед в доме Фикельмон-Хитрово.

Тизенгаузены — это старшая сестра Долли Екатерина Федоровна (1803—1888), для которой Пушкин написал стихотворение «Циклоп», и семья их дяди Павла Ивановича Тизенгаузена (1774—1864), состоявшая из его жены Юлии, уродд. Па-

леп (1782—1862) и их детей: дочери Елены (1804—1889), прозванной в домашнем кругу Лили, в замужестве за Григорием Андреевичем Захаржевским (1792—1845), комендантом Зимнего дворца; дочери Аделаиды (1807—1833), смерть которой отмечена в дневнике Пушкина; дочери Наталии (1810—1899), в замужестве за Виктором Никитичем Паниным (1801—1874), чиновником Министерства юстиции; сыновей, молодых офицеров, Эдуарда (1809—1885) и Фердинанда (1811—1870). Со всем этим семейством Пушкин, конечно, сталкивался у Д. Ф. Фикельмон и Е. М. Хитрово.

Пушкин был коротко знаком со статс-секретарем Государственного совета по департаменту дел Царства Польского Адамом Осиповичем Ленским (1799—1883). Записывая свое посещение Аничкова дворца, Пушкин отметил в дневнике 18 декабря 1834 г.: «Я заговорил с Ленским о Мицкевиче и потом о Польше. Он прервал разговор, сказав: „*Mon cher ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne. Choisissons un terrain neutre, chez l'ambassadeur d'Autriche par exemple*“ *».

Модиньяни Луиджи Литта неоднократно упоминается в дневнике Д. Ф. Фикельмон; она отмечает его жизнерадостность, талант рисовальщика; доброжелательный, молодой, заразительно веселый, он с первых же дней своей жизни в России стал своим человеком в семье Д. Ф. Фикельмон. Его знакомство с Пушкиным впервые было отмечено А. В. Флоровским, который установил, что в письме поэта к Е. М. Хитрово от второй половины октября—ноября 1831 г., прося передать сочинения Манцони графу Литта, Пушкин имел в виду не графа Юлия Помпеевича Литта (или его сына), а графа Модиньяни Луиджи Литта.⁸

Имя О'Сюлливана де Грасс (1798—1866), бельгийца по происхождению, секретаря голландского посольства в Петербурге в 1828—1831 гг., упоминается в письме Пушкина к Е. М. Хитрово (май 1831 г.). По разысканиям Б. Л. Модзалевского, «О'Сюлливан был в числе участников того маскарада у великой княгини Елены Павловны, 4 января 1830 г., на котором графиня Е. Ф. Тизенгаузен произнесла стихотворение «Циклоп», сочиненное для нее Пушкиным. В изданной по поводу маскарада брошюре «*Vers chantés et récités*» (St. Pétersburg, 1830) находится на стр. 6-й и шутивное стихотворение за подписью Сюлливана, произнесенное, вероятно, им самим в женском костюме: *La chevelure de Bérénice*.⁹

Летом 1831 г. О'Сюлливан покинул Россию. Отмечая свое сожаление об его отъезде, который произошел в середине авгу-

* Любезный друг, здесь не место говорить о Польше. Изберем нейтральную почву, например у австрийского посла (*франц.*)

⁸ См.: «Slavia», 1959, годн. XXVIII, seč. 4, стр. 567.

⁹ Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. 1827—1832. Изд. АН СССР, Л., 1927, стр. 114—115.

ста 1831 г., Д. Ф. Фикельмон пишет: «В течение целого года мы видались ежедневно; его характер исполнен доброты; это человек, которому можно вполне доверять, и этим он драгоценен в узком кругу. Он умен, с ним легко и приятно общаться, у него всегда ровное настроение. Он возвращается в Бельгию, так как его положение как бельгийца на службе голландского короля более невыносимо; он возвращается к родному очагу. Пустота, оставляемая им в нашем кружке, очень велика» (стр. 168).

Итак, после восстания Бельгии против Голландии О'Сюлливан уехал на родину. С этого времени между ним и Д. Ф. Фикельмон завязывается переписка. К сожалению, Н. Каухчипвили не удалось обнаружить письма австрийской посланницы к О'Сюлливану; однако и в его письмах имеются упоминания о Пушкине, вызванные сообщениями его корреспондентки. Отвечая на письмо Д. Ф. Фикельмон, в котором она сообщала ему о своем первом впечатлении от Наталии Николаевны, О'Сюлливан писал 13 января (н. с.) 1832 г.: «Как бы мне хотелось увидеть появление в гостиной вдохновительницы поэта, восхитительный портрет которой (т. е. Н. Н. Пушкиной, — М. Г.) сделан Вами». И далее он заметил: «Это заставляет меня бояться за ее мужа, что станет с его гением вблизи такой красоты» (стр. 47).

Получив от Д. Ф. Фикельмон известие о гибели Пушкина, О'Сюлливан ответил ей 9 апреля (н. с.) 1837 г.: «Какая ужасная история эта дуэль, оборвавшая жизнь бедного Пушкина. Это страшная драма. Я вспоминаю похвалы, которые Вы расточали его прелестной жене в одном из Ваших писем. Как этот барон Геккерн (т. е. Дантес, — М. Г.) испортил свое прекрасное положение! какое будущее он себе уготовил! Мне говорили, что он покидает Россию, хорошее воспоминание он там оставит. Несколько месяцев тому назад мне вспомнилась небольшая история, которую Пушкин мне рассказал как-то вечером в Вашем салоне; я решил развить ее и положить в основу новеллы, в которой мог бы запечатлеть некоторые воспоминания о России. Когда-нибудь, любезная графиня, я надеюсь прочесть Вам этот маленький роман, если я его закончу, и он составит пару с тем, заглавие которого Вы мне дали. Этот же будет назван: Политика и поэзия, предмет достаточно широкий, как Вы видите» (стр. 58).

О'Сюлливан не выполнил задуманного; во всяком случае, его печатные труды нам неизвестны. Навсегда останется тайной, какую устную новеллу поведал ему Пушкин в салоне Фикельмон. Но разве не примечательно, что свой «небольшой роман», в основу которого О'Сюлливан собирался положить рассказ Пушкина, он предполагал озаглавить «Политика и поэзия»? Нам представляется, что сюжет был значительным; в противном случае О'Сюлливан, мысленно возвращаясь к беседе с Пушкиным, вряд ли задумал бы труд на такую политически острую тему.

Мы не знаем, когда состоялась беседа Пушкина и О'Сюлливана; но, учитывая, что их разговор происходил в салоне Д. Ф. Фикельмон, можно высказать предположение о том, что беседа имела место весной 1831 г. Подобная догадка исходит из следующих соображений: О'Сюлливан стал завсегдатаем салона Д. Ф. Фикельмон лишь за год до своего отъезда из России, т. е. летом 1830 г.; как явствует из дневника Д. Ф. Фикельмон, наиболее регулярно он посещал дом австрийского посланника в апреле—августе 1831 г.; между тем Пушкин уехал из Петербурга в августе 1830 г. и возвратился в столицу около 20 мая 1831 г.; прожив неделю в столице, Пушкин поселился на лето в Царском Селе; он вернулся в Петербург во второй половине октября того же года, когда О'Сюлливан уже был за границей. Таким образом, можно думать, что их беседа состоялась 21 мая 1831 г., когда Пушкин посетил дом австрийского посланника. Если наше предположение справедливо, то отклик на эту беседу можно усмотреть в письме Пушкина к Е. М. Хитрово, которое датируется примерно 25 мая; в своей записке Пушкин писал: «Я сейчас уезжаю в Царское Село и искренно сожалею, что не могу провести у Вас вечер. Будь что будет с самолюбием Сюлливана. Вы так находчивы — придумайте что-нибудь такое, что могло бы его успокоить» (XIV, 426; подлинник по-французски). Возможно, Пушкин и О'Сюлливан условились продолжить беседу, но отъезд Пушкина не позволил осуществить это намерение.

1830—1831 гг. — время остренного внимания Пушкина к европейским событиям. Во встречах с иностранными дипломатами в салоне Фикельмон, в переписке с Е. М. Хитрово во время своих отлучек из столицы, в получаемых через ее посредство французских газетах и брошюрах черпал Пушкин разнообразную информацию о европейских делах. 21 августа 1830 г. Пушкин писал из Москвы Е. М. Хитрово: «Как я должен благодарить Вас, сударыня, за любезность, с которой Вы уведомляете меня хоть немного о том, что происходит в Европе! Здесь никто не получает французских газет, а что касается политических суждений обо всем происшедшем, то Английский клуб решил, что князь Дмитрий Голицын был неправ, издав ордонанс о запрещении игры в экарте. И среди этих-то орангутангов я осужден жить в самое интересное время нашего века!» (XIV, 415; подлинник по-французски).¹⁰

Между тем сохранились далеко не все письма Е. М. Хитрово к Пушкину за эти годы.¹¹ По всей вероятности, сведения, содер-

¹⁰ Об этом см.: Б. В. Томашевский. Пушкин и Июльская революция 1830 г. (Французские дела 1830—1831 гг. в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово). В кн.: Письма Пушкина к Е. М. Хитрово, стр. 301—361; М. Д. Беляев. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово. Там же, стр. 257—300.

¹¹ Анализ переписки и отношений Пушкина с Е. М. Хитрово см.: Н. В. Измайлов. Пушкин и Е. М. Хитрово. Там же, стр. 143—204.

жавшиеся в ее письмах, имели существенное значение для ориентации Пушкина во французских делах, для уяснения отношения правительства России к Июльской революции и некоторым другим важным политическим событиям, затрагивавшим кардинальные проблемы европейской политики и дипломатии. В какой-то мере восполнить лакуны писем Е. М. Хитрово к Пушкину могут соответствующие записи дневника Д. Ф. Фикельмон. Вполне вероятно, что всесторонняя информация и интерпретация политических событий, содержащаяся в ее дневнике, становились известными Пушкину частично по письмам Е. М. Хитрово, частично из личных бесед поэта с Д. Ф. Фикельмон и ее мужем, когда по возвращении в Петербург он возобновил посещение их салона.

Первые известия об Июльской революции Пушкин получил еще в Петербурге; он выехал в Москву 10 августа, а уже в начале месяца французские события горячо обсуждались в гостиницах столицы. Д. Ф. Фикельмон записала 15 августа: «В течение двух недель нет иных разговоров, иных мыслей, как о французской революции. События произошли так быстро, избрание Филиппа I так скоро последовало за отречением Карла X, что не было времени поразмыслить; во время этих огромных событий народ Парижа показал себя настолько просвещенным, таким полным единой воли, храбрости и мудрости, что им можно лишь восхищаться» (стр. 140).

- Европа продолжала бурлить. 6 ноября 1830 г. Д. Ф. Фикельмон заносит в дневник: «Общество все еще объято смертельной тоской; ныне единственный дом, где при встречах проскальзывает немного веселости, это наш: вторники и пятницы (приемные дни в салоне Фикельмон, — М. Г.) проходят очень хорошо, но разговоры постоянно весьма серьезные: европейские события не таковы, чтобы веселить умы. Все в равной мере озабочены, ибо дело не только во французской революции и полном потрясении Бельгии; последствия, которые они могут иметь для всей Европы, вот что вызывает трепет. Опасение войны, которая вскоре же может стать всеобщей, вот что заставляет содрогаться! Мы, возможно, накануне какого-то насильственного перелома, который невозможно предвидеть, но который представляется неизбежным, когда наблюдаешь брожение, вид помешательства, овладевший всеми умами: повсюду недостаток покоя и удовлетворения; среди молодежи нет более религиозного чувства, но дух восстания против Неба, равно как и против всех земных властей; потребность расторгнуть все связи, всё, что напоминает сдерживающее начало; перед французской революцией была чрезвычайная порча нравов и отвратительная распущенность, которая должна была привести к подрыву основ общества и к великим несчастьям; а в настоящее время — ужасное распутство ума, своеволие идей, невообразимое мо-

ральное бесчинство, чувство возмущения против всех старинных учений, против всего святого, всего спокойного; демон *гордости* овладел человеком, и он полагает себя более сильным, чем Небо; это новая *война Титанов*» (стр. 146).

Оценка исторических событий дана Д. Ф. Фикельмон с исключительной проницательностью. Конечно, в широте охвата происходящего сказывалась ее всесторонняя образованность. Выйдя замуж за графа Карла-Людвига Фикельмона (1777—1857) — их свадьба состоялась 3 июня 1821 г. (стр. 19; тут же напечатано письмо Александра I к Е. М. Хитрову от 10 (23) января, в котором он поздравлял ее со скорым замужеством дочери) — Долли испытала сильное интеллектуальное влияние своего супруга. Изучив ее архив, Н. Каухчишвили установила, что еще в 1820-е годы Д. Ф. Фикельмон читала сочинения Саллюстия, Цицерона, Вергилия, Тьерри, Тьера, Данте, Петрарки, Полициана, Манцони, Гёте, Шиллера, Виланда, Клопштока, Новалиса, Жана Поля, Гофмана, Мильтона, Байрона, Фенелона, Ларошфуко, мадам де Жанлис, Шатобриана, мадам де Сталь, Ламартина, Гюго, Бенжамена Констан, Ламенне, Монталамбера и многих других писателей (стр. 20—21).

Но эрудиция сама по себе, при всей ее основательности, не была достаточной для того, чтобы почувствовать неизбежность наступающих событий, неотвратимость разрушения старого мира. Только проницательная историческая интуиция, слывавшая воедино знания того, что было, с тем, что происходило у нее на глазах, позволила Д. Ф. Фикельмон предвидеть будущее. Она чувствовала, что порвалась «связь времен», что потерпело крушение авторитарное сознание, что происходит распад нравственных начал и привычных норм общежития.

Нам представляется заслуживающим внимания то, что в окружении Пушкина находилась женщина острого ума, чувствовавшая и предрекавшая неотвратимость социальных катаклизмов. Мы не знаем, как относился Пушкин к прорицаниям Д. Ф. Фикельмон, но вряд ли можно сомневаться в том, что они были ему известны: ведь историко-философские вопросы не раз являлись предметом оживленных споров в салоне австрийского посланника. До последнего времени предполагалось, что участниками подобных бесед, высказывавшими свои точки зрения, были Пушкин, Вяземский, А. И. Тургенев и граф Фикельмон; теперь в круг этих имен необходимо включить хозяйку салона. Неоспоримая заслуга Н. Каухчишвили в том, что она на основании многочисленных архивных данных раскрыла духовный облик Д. Ф. Фикельмон; по своему интеллектуальному уровню Долли жила «с веком наравне» и была достойной собеседницей Пушкина и его друзей.

Интерес к историко-философской проблематике с особенной силой проявился в 1836 г. при обсуждении в салоне Фикельмонов

«Философического письма» Чаадаева. Дневниковые записи А. И. Тургенева устанавливают, что дважды (27 XI и 6 XII 1836) у Фикельмонов шла беседа о Чаадаеве.¹² Из разысканий Н. Каухчишвили стало известно, что Фикельмоны ознакомились с «Философическим письмом» Чаадаева еще до приезда А. И. Тургенева в Петербург. Исследовательница напечатала письмо графа Фикельмона к Меттерниху от 7(19) ноября 1836 г., целиком посвященное Чаадаеву. В этом письме граф Фикельмон писал: «В Москве в литературном периодическом журнале под названием „Телескоп“ напечатано письмо, написанное русской даме полковником в отставке Чаадаевым; он задался целью выяснить с исторической точки зрения причины, которые продолжительное время удерживали русскую нацию в невежестве и варварстве и которые со времен Петра Великого привили ей ложную цивилизацию, придавшую только внешний лоск высшим классам и оставившую большинство народа коснеть в прежнем варварстве. Первоначально это письмо было написано по-французски несколько лет тому назад; оно является первым из серии писем, общее количество которых мне неизвестно; я читал первое и третье. Они не предназначались для опубликования; однако автор проявил непоследовательность, согласившись на перевод и напечатание первого письма; московский цензор пропустил его, то ли не оценив его, то ли по нерадению. Оно упало, как бомба, посреди русского тщеславия и тех начал религиозного и политического первенствования, к которым весьма склонны в столице. Автор считает, что своим продолжительным невежеством и всеми своими бедами Россия обязана гибельному решению заимствовать религию и цивилизацию из Византии, падавшей от гнилости, вместо того, чтобы примкнуть к римской церкви, которая так высоко вознесла цивилизацию на всем Западе. Эта тема развернута с большим талантом, но и с чувством непомерной горечи по отношению к своей стране, которое сильно унижает ее. Этого одного указания достаточно, чтобы дать понять Вашей Светлости, какое впечатление должна была произвести такая публикация; оно тем более значительно, что автор заканчивает утверждением, что Россия никогда не сможет достичь истинной цивилизации, пока она будет отделять себя, как это происходит до сих пор, от могучего интеллектуального движения Запада, понимая, однако, это движение в религиозном и истинно монархическом смысле. Более чем вероятно, что это письмо появится в иностранных газетах; поляки из духа враждебности не преминут дать ему ход. Это обстоятельство сможет осложнить положение автора. Император, исходя из того, что только больной человек мог написать в таком духе

---

¹² П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. ГИЗ, М.—Л., 1928, стр. 274, 276.

о своей родине, ограничился пока распоряжением, чтобы он был взят под наблюдение двух врачей и чтобы через некоторое время было доложено о его состоянии. Поступая подобным образом, император имел явное намерение как можно скорее прекратить шум, вызванный этим письмом. Будет ли это понято и оглашение его за границей не помешает ли этому намерению?

«Князь Козловский, который в настоящее время служит в Варшаве, исповедует те же религиозные принципы, что и господин Чаадаев. Я знаю, что он отправился отсюда с намерением использовать доверие маршала Паскевича, чтобы попытаться смягчить его поведение в отношении католиков. Его пребывание в Варшаве может наделать много зла и в других отношениях. Опасно допускать контакт между человеком с подобными взглядами и поляками. Его потребовал маршал; здесь никто не помышлял поставить его в подобное положение» (стр. 203—204).

Донесение графа Фикельмона свидетельствует о его широкой осведомленности. Он не только знает, что первое «Философическое письмо» является началом публицистического цикла, но он также прочел третье письмо, которое так и не увидело в то время света. Как известно, имелись корректурные листы невышедшего номера «Телескопа», в котором третье «Философическое письмо» было набрано. Трудно с достоверностью утверждать, читал ли граф Фикельмон эти корректурные листы или у него была рукописная копия французского оригинала; на наш взгляд, более правдоподобно думать, что он каким-то образом добыл корректурные листы. Но как бы там ни было, в русском переводе или во французском оригинале, третье «Философическое письмо» граф Фикельмон читал. Это обстоятельство представляется существенным, так как оно имеет непосредственное отношение к вопросу о том, в каком объеме знал Пушкин «Философические письма». Из его переписки известно, что он читал первое, шестое и седьмое письма. Специальные исследования, посвященные теме «Пушкин и Чаадаев», не содержат никаких дополнительных сведений по интересующему нас вопросу.¹³ Тем большее значение приобретает факт знакомства графа Фикельмона с третьим «Философическим письмом». Мы не знаем, от кого именно австрийский посланник его получил; можно лишь предполагать, что основным источником его сведений о Чаадаеве были Пушкин и Вяземский; но это лишь гипотетическое построение, исходящее из характера их отношений; вместе с тем отнюдь не

---

¹³ М. О. Гершензон. Чаадаев и Пушкин. В кн.: А. С. Пушкин, Сочинения, т. VI, изд. Брокгауза—Ефрона, Пгр., 1915, стр. 258—265; В. А. Меликян. П. Я. Чаадаев и А. С. Пушкин. Уч. зап. Ереванского русского пед. инст., № 1, Ереван, 1949, стр. 81—92; Ф. И. Берелевич. П. Я. Чаадаев и А. С. Пушкин. Уч. зап. Тюменского пед. инст., т. XVIII, кафедра истории, вып. 5, Тюмень, 1962, стр. 121—147.

исключено, что граф Фикельмон мог достать третье «Философическое письмо» и от других лиц; но это не первостепенно. Гораздо существеннее то, что было бы слишком большой патажкой предполагать, что граф Фикельмон, если он получил корректурные листы или французский оригинал из другого источника, не показал третье «Философическое письмо» Пушкину. Ведь печальная история с «Телескопом» взбудоражила умы, о ней шли постоянные толки в гостиных, и у нас нет никаких оснований предполагать, что австрийский посланник утаил третье «Философическое письмо» от своих русских друзей. Донесение графа Фикельмона Меттерниху позволяет, на наш взгляд, с большой долей уверенности утверждать, что Пушкин читал и третье «Философическое письмо».

Католик граф Фикельмон, как проскальзывает из его донесения, сочувствовал историко-философской концепции Чаадаева, хотя и предполагал, что при напряженности русско-польских отношений, при остроте вопроса о положении польских католиков публикация «Философического письма» Чаадаева могла осложнить обстановку. Обращают на себя внимание слова графа Фикельмона о возможности появления «Философического письма» в иностранных газетах. Предположение австрийского посланника не оправдалось, но тем не менее эта нереализованная версия свидетельствует о том, что подобные опасения имели место и, по-видимому, Пушкин был о них осведомлен. Возможно, что польский аспект появления «Философического письма» Чаадаева волновал не только графа Фикельмона, но и Пушкина. Известно, что он предполагал опубликовать в «Современнике» статью Ф. Ф. Вигеля о польско-русских отношениях и лишь запрет цензуры, признавшей неуместным обсуждение в печати этого вопроса, помешал его намерению.

Однако если Пушкину могли быть близки некоторые тактические соображения графа Фикельмона, то в оценке историко-философской концепции Чаадаева между ними, как это видно из письма Пушкина к Чаадаеву от 19 октября 1836 г., существовали глубокие расхождения; католические симпатии Чаадаева, хотя они отражались в какой-то степени оппозиционный пафос московского философа, были полностью чужды Пушкину.

В своем донесении граф Фикельмон остановился на позиции князя П. Б. Козловского; говорил ли он на эту частную тему с Пушкиным, мы не знаем; зато сохранилось письмо П. Б. Козловского к Вяземскому из Варшавы от 26 ноября (8 декабря) 1836 г., в котором он писал о Чаадаеве, о Пушкине и о современной журналистике и мемуарной литературе. Из этого письма ранее были опубликованы лишь два небольших отрывка, непосредственно касающиеся Пушкина.¹⁴ Учитывая, что это инте-

¹⁴ «Литературное наследство», т. 58. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 132.

ресное письмо, по всей вероятности, было известно Пушкину (скорее всего он читал его; менее вероятно, что знал в пересказе Вяземского), приводим наиболее ценную его часть: «Мнение мое о письмах Чаадаева отгадать Вам будет не трудно: но дело идет не о том, а о том, чтоб весь Ваш мудрый синклит отстоял его невинным и прикрыл своею человеколюбивою защитою безумное его стремление к мученичеству. Как бы ни странны казались его мысли, все-таки человек, не посягающий на существующее правление, не оскорбляющий высокую особу монарха, не ищущий в неблагоприятной своей искренности ничего, кроме доброй правды, все-таки и в самых заблуждениях своих достоин заступления за себя от всех тех, у которых есть перо и сердце. Многие из вас доступны к генералу графу Бенкендорфу, и я твердо надеюсь, что Вы не оставите без покровительства журналиста и автора. Конечно, было бы лучше не начинать таковые разговоры, которые не производят убеждения, а подвергают убеждающего неприятностям; но граф Бенкендорф охотно примет Ваше братско-литературное ходатайство за невинную дерзость. Вот о чем надобно думать, оставляя времени решение в таком важном споре. — Спросите у Пушкина, надобна ли ему необходимо статья о паровых машинах, о которой говорил мне граф Виельгорский; и будет ли она довольно новою, чтобы заманить читателей? ибо печальная вещь ломать себе голову и писать без надежды некоторой пользы. Старынкевич болен; но при выздоровлении его, я не оставлю терзать его ежедневно, чтобы он Вам что-нибудь сообщил из своего собрания бумаг любопытных. Что до меня касается, любезнейший князь, я давно уже перестал любить историю и не уважаю никакими записками, как только являющимися и писанными тогда, когда человек перестанет бояться людей и начнет бояться бога; тогда ни брат, ни сват не будут награждены похвальною фразою и самая ложь не иначе явится, как в одежде смиренного оправдания. Современные исторические бумаги суть не что иное, как сети, в которых уловляются люди добросовестные, думая, что попали в колодец истины, тогда как ее более находится в ценсурованных газетах. Оппозиционные журналы тем хороши, что не имеют на себе личину правдолюбия, а именно объясняют, что пишут в неприязненном духе: следовательно, Вам остается судить и нет обмана без пристрастия. — В моих математических и физических глупостях нет ничего ложного, и кто хочет научиться, не останется в опасении, что ему через два дни скажут, что все им выученное вздор. — Если я буду писать о паровых машинах, то не могу ли назвать любителей просвещения у нас в отечестве *Петровыми*, а ненавистников *Алексеевыми*. Мне кажется, что таковые названия весьма разительны и тем удобнее употреблены быть могут, что царствующие над нами суть правнуки Петра, а не внуки Алексея; название не

обидное, но которое многих неискренних бойцов пристыдит; а стыд дело хорошее. <...>

«Что делает Александр Сергеевич? Я о нем думаю гораздо больше, нежели о граните Английской набережной. Этот человек был рожден на славу и просвещение своих соотечественников».¹⁵

В пушкинском кругу наиболее содержательные письма постоянно становились известными всем его участникам. Несомненно, что это письмо П. Б. Козловского, в котором он просил друзей заступиться за Чаадаева, Вяземский показал Пушкину и Жуковскому.

Донесения графа Фикельмона Меттерниху и письмо П. Б. Козловского Вяземскому помогают нам вникнуть в ту духовную атмосферу, которая окружала Пушкина в последние месяцы его жизни. Все более становится очевидным, что, несмотря на травлю поэта, приведшую к его гибели, он не прекращал исключительно напряженной, поразительно интенсивной умственной деятельности, много сил отдавал «Современнику» — по его просьбе Вяземский просил П. Б. Козловского о доставлении его собственных статей, а также, как теперь мы узнаем, по-видимому, о доставлении бумаг из исторической коллекции любителя литературы, чиновника в Царстве Польском Н. А. Старынкевича,¹⁶ — остро переживал историю с Чаадаевым, обсуждая разные аспекты, связанные с опубликованием первого «Философического письма», с Вяземским, А. И. Тургеневым и, по всей вероятности, с графом Фикельмоном.¹⁷

В дневнике Д. Ф. Фикельмон много места уделено польско-русским событиям 1830—1831 гг.; дополнением к дневниковым записям служит опубликованная в приложениях переписка Вяземского с Д. Ф. Фикельмоном за эти годы: письма Вяземского печатаются впервые; письма Д. Ф. Фикельмон, появившиеся ранее в русском переводе («Русский архив», 1884), теперь стали доступны во французском оригинале.

Позиция Д. Ф. Фикельмон в польском вопросе совпадала с точкой зрения Вяземского; известно, что Д. Ф. Фикельмон не одобряла стихотворение Пушкина «Клеветникам России». Не стоило бы вновь касаться этого вопроса, если бы Н. Каухчиш-

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5083, лл. 346—347 об.

¹⁶ О Н. А. Старынкевиче см.: В. Н. Орлов. К пребыванию В. К. Кюхельбекера за границей в 1821 г. «Литературное наследство», т. 60, кн. 1. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 559—560. — Предполагалось участие в «Современнике» также Н. И. Павлицева, писавшего 6 (18) октября 1837 г. С. А. Соболевскому: «Покойный Александр Сергеевич» желал, чтобы я для его Современника написал что-нибудь о польской литературе. Я обещал...» (ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, № 8, л. 7).

¹⁷ Нам непонятно утверждение Н. Каухчишвили, что впервые «Философическое письмо» было напечатано по-французски в 1830 г. (стр. 76); это явное недоразумение.

вили не опубликовала бы нового документа, который позволяет уточнить комментарий письма Пушкина к Е. М. Хитрово об этом стихотворении.

Стихотворение Пушкина «Клеветникам России» имело широкий общественный резонанс. Сразу же после выхода его в свет стали появляться в списках переводы и переложения его на французский и немецкий языки. Один из переводов на французский язык был получен Пушкиным от Е. М. Хитрово; в начале октября 1831 г. Пушкин писал ей: «Спасибо, сударыня, за изящный перевод оды — я заметил в нем две неточности и одну опisku переписчика. *Иссякнуть* означает *tarir*; *скрижали* — *tables, chroniques*. *Измаильский штык* — *la bayonnette d'Ismaël*, а не *d'Ismaïlof*» (XIV, 440—441; подлинник по-французски).

При первой публикации этого письма Пушкина сообщалось: «Автор его нам неизвестен, как неизвестен и текст; предположение, невольно возникающее при первом взгляде, — что переводчиком была сама Е. М. Хитрово — мало вероятно: слишком краток, небрежен и сух отзыв Пушкина о переводе. Но очень возможно, что Е. М. Хитрово сообщила его Пушкину как анонимный — и тогда не исключено предположение об ее авторстве».¹⁸

До настоящего времени этот комментарий оставался в силе. Правда, Л. Б. Модзалевский, ссылаясь на письмо О. С. Павлицевой к мужу от 6 октября 1831 г. (Пушкин и его современники, вып. XV, стр. 96), в котором упоминалось о неудачном переводе этого стихотворения ее «бывшим поклонником» Бакуниным, высказал предположение, что автором этого перевода был Н. М. Бакунин,¹⁹ однако подтверждений этому не нашлось, а в свете новых данных оно должно быть отведено.

Н. Кауччишвили отыскала в Венском государственном архиве и опубликовала следующий текст перевода «Клеветникам России»:

«Aux calomnieurs de la Russie

Quel est ce bruit, orateurs du peuple? Pourquoi menacez-vous la Russie de vos malédictions? Qui est-ce qui vous soulève? Est-ce la rébellion de la Lithuanie? Laissez-la. C'est une querelle entre des Slaves, c'est une querelle de famille, un ancien débat déjà mis en balance par le sort. Ce n'est pas à «vous» à ²⁰ décider cette question.

Déjà, de longue date, ces deux races se déchirent entre elles; et plus d'une fois tantôt leur parti, tantôt le nôtre a plié sous l'ouragan. Lequel résistera dans cette lutte inégale de l'orgueilleux polonais ou du fidèle Russe?

¹⁸ Письма Пушкина к Е. М. Хитрово, стр. 133. — Отметим две неточности, вкравшиеся в биографический очерк Н. Кауччишвили о Д. Ф. Фикельмон: письма Пушкина к Е. М. Хитрово были напечатаны в 1927 г., а не в 1929 г.; комментатором этого письма был Н. В. Измайлов, а не Б. Л. Модзалевский.

¹⁹ А. С. Пушкин. Письма, т. III. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 590—591.

²⁰ В тексте публикации ошибочно: nous.

Les ruisseaux des Slaves viendront-ils s'écouler dans la mer russe? Est-ce elle qui sera tarie?

Laissez-nous! Vous n'avez pas lu nos chroniques ensanglantées. Cette inimitié de famille vous est étrangère, incompréhensible. Le Kremlin et Prague sont muets pour vous! Vous êtes follement séduits de la hardiesse de cette lutte désespérée et vous nous haïssez!

Pourquoi, répondez? Est-ce parce que, sous les décombres de Moscou en flammes, nous n'avons pas reconnu la voix insolente de celui dans lequel vous trembliez tous? Est-ce parce que nous avons plongé dans le néant cette idole qui opprimait les empires? Est-ce pour avoir racheté de notre sang la liberté, l'honneur et la paix de l'Europe?²¹

Vous êtes terribles en paroles, essayez sur le fait! Croyez-vous que le vieux héros, reposant sur son lit, ne retrouve pas de forces pour ressaisir la baïonnette d'Ismail? Croyez-vous que la parole du Tsar soit sans force? que la guerre avec l'Europe soit nouvelle pour nous? Les Russes auraient-ils perdu l'habitude de la victoire? sommes nous trop peu?

Et doutez-vous que depuis Perm jusqu'à la Tauride, depuis les froids rochers de la Finlande jusqu'à la brûlante Colchide, depuis le Kremlin jusque aux murs de la Chine, la terre russe, s'il le fallait, ne se levât entière, hérissée et reluisante d'acier? Envoyez-nous donc orateurs du peuple, envoyez-nous vos fils irrités. Il y a pour eux de la place dans les champs de la Russie, au milieu des tombeaux qui ne leur seront pas étrangers! (pp. 202—203).

Ошибки, указанные Пушкиным в письме к Е. М. Хитрово, исправлены, и, таким образом, нет сомнения в том, что перед нами тот самый перевод, который Е. М. Хитрово посылала Пушкину. Однако кто был переводчиком, остается неясным: либо Е. М. Хитрово, либо один из сотрудников австрийского посольства в Петербурге.

Этот авторизованный перевод (если пользоваться современной терминологией) не случайно оказался в Венском государственном архиве; он был послан Меттерниху при письме графа Фикельмона от 2 (14) ноября 1831 г., в котором последний, сообщая о патриотическом подъеме в России, писал: «Такая же мысль отразилась в стихах Пушкина, верный перевод которых я здесь присоединяю. Они были написаны поэтом в Царском Селе и были одобрены императором. Благодаря этому они еще более привлекают внимание» (стр. 54).

Как мы видели, богатый архивный материал, приведенный в книге Н. Каухчишвили, позволяет уточнить ряд проблем, связанных с изучением жизни и творчества Пушкина. Нам приятно отметить, что настоящий труд Н. Каухчишвили является достойным и плодотворным продолжением ее прежних исследований по русской литературе пушкинской поры, которые, как известно, получили положительную оценку в нашей научной прессе.²²

²¹ В тексте публикации ошибочно: l'Empire.

²² А. Д. Михайлов, Сильвио Пеллико в России. «Вопросы литературы», 1965, № 11, стр. 235—236; В. Нечаева. П. А. Вяземский в Италии. «Вопросы литературы», 1966, № 3, стр. 231—233; М. Гиллельсон. Из истории итальянско-русских литературных связей. «Русская литература», 1966, № 2, стр. 246—250.

Итальянское издание дневников Д. Ф. Фикельмон бесспорно доказало их важность как исторического источника. Вместе с тем это издание, ограниченное 1829—1831 годами и содержащее ряд купюр — еще раз подчеркнем, что перед нами связный, но не полный текст, — побуждает высказать пожелание о необходимости русского издания этих дневников. Микрофильм, хранящийся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом), дает возможность осуществить это издание, столь необходимое для историков русской литературы XIX в.

Г. Ф. ТУРЧАНИНОВ

СУЛТАН КАЗЫ ГИРЕЙ — КОРРЕСПОНДЕНТ ПУШКИНСКОГО «СОВРЕМЕННОКА»

В фондах Всесоюзного музея Пушкина (Ленинград—г. Пушкин) находится небольшой карандашный портрет изображенного в профиль молодого офицера русской армии в фуражке и мундире 44-го драгунского Нижегородского полка. Фуражка надета небрежно, мундир с эполетами распахнут. Офицер красив: гордо посаженная голова, нос с горбинкой, черные небольшие усики, тонкое, холотное лицо. Перед нами явно представитель знатной фамилии.

Это тот самый Султан Казы Гирей,¹ первое литературное произведение которого «Долина Ажитугай» было напечатано Пушкиным в «Современнике» и о котором он отозвался восторженно и значительно:² «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей, черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Казы Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как, наконец, магометанин с глубокой душою смотрит на крест, эту *хоругвь Европы и просвещения*».³

¹ Размер портрета 9,6×7 см. Черный графит. Что Султан Казы Гирей запечатлен на рисунке в форме 44-го драгунского Нижегородского полка, устанавливается по фотографии с упомянутого портрета, помещенной в IV томе «Истории 44-го драгунского Нижегородского полка», составленной В. Потто, СПб., 1894, первый вкладной лист между стр. 128—129. На фотографии портрет немного уменьшен: 8,7×6,3 см.

² «Современник», т. I, 1836, стр. 155—169. Во 2-м томе «Современника» за тот же год напечатано другое произведение Султана Казы Гирея «Персидский анекдот», стр. 133—139. После публикации этих произведений Султан Казы Гирей, по моим данным, больше не печатался.

³ Слова «хоругвь Европы и просвещения», набранные Пушкиным курсивом, взяты из очерка «Долина Ажитугай» и принадлежат Султану Казы Гирею.

Что мы знаем о нем, этом офицере русской армии, черкесе и потомке крымских Гиреев? Пока что не так много. Этому в значительной мере способствовало то обстоятельство, что Султана Казы Гирея почти постоянно смешивали с Султаном Хан Гиреем, его командиром по Кавказско-горскому полуэскадрону конвоя е. и. в. в Петербурге, хотя, казалось, смешать их было трудно, если знать, что султан — это титул, Казы и Хан — личные имена, а Гирей — родовые имена. Из источников, в которых Султан Казы Гирей смешивается с Султаном Хан Гиреем, укажу: «Путеводитель по Пушкину» (приложение к «Красной Ниве»), М., 1931, стр. 344 и др.; примечания к VIII т. Сочинений Пушкина, изд. «Academia», М., 1936, стр. 771; примечания к V т. большого издания «Academia», М., 1936, стр. 615—616; Л. П. Семенов. Пушкин на Кавказе. Северо-Кавказское краевое изд., Пятигорск, 1937, стр. 72—73, и др. Частично это неверное утверждение проникло в примечания последующих изданий сочинений Пушкина. См., например, VII т. юбилейного 10-томного издания 1949 г., где на стр. 705 сказано: «Казы Гирей был участником Персидской кампании 1826—1827 гг. Умер в 1843 г. (разрядка моя, — Г. Т.). В 1843 г. (вернее, в 1842 г.) умер (по некоторым сведениям, был отравлен мюридами) Хан Гирей, а не Казы Гирей.

Нельзя в этом случае полагаться и на местные, кавказские издания. Так, например, в опубликованной в 1958 г. в г. Нальчике книге Ш. Б. Ногимова «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев» Б. А. Гарданов на стр. 31 хронологическими рамками жизни Султана Казы Гирея ставит 1801—1843 гг., явно смешивая его уже не с Султаном Хан Гиреем (1808—1842), но с каким-то другим однофамильцем Казы Гирея. Надеюсь, что с публикацией этой статьи путанице будет положен конец. Кстати, о Султани Хан Гирее не так давно был опубликован обстоятельный очерк, написанный покойным этнографом М. О. Косвеню, «Адыгейский историк и этнограф Хан Гирей».⁴

Султан Казы Гирей — закубанский черкес. Родился в 1808 г. Свое детство, отрочество и отчасти юность провел в междуречье Кубани и ее притока Большого Зеленчука. Это явствует из его автобиографического произведения «Долина Ажитугай».⁵ Вот

⁴ В кн.: Этнография и история Кавказа. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 184—208.

⁵ Долина Ажитугай лежит в устье р. Б. Зеленчук при впадении ее в Кубань. Не лишним будет сказать, что топоним «Ажитугай», по другим источникам — «Хажитугай», представляет собой слово тюркское и в переводе на русский язык означает «Долина Ажи» или «долина Хажы», ибо тугай — это «долина», «пойма», а Ажи или Хажы — имя собственное. Недавно было напечатано утверждение, что Казы Гирей «возвращал читателя „Современника“ к пушкинскому „Путешествию в Арзрум“». Автор „Долины Ажитугай“ пятью годами позже посетил те же места, которые описал в своем „Путешествии“... Пушкин» (М. П. Еремин. Пушкин —

несколько мест из этого очерка, подтверждающих автобиографичность произведения.

«Я въехал на гору, и тут все воспоминания о прошедшем дружно столпились предо мною. Мысли летели к давно минувшим годам беспечного детства...» «и слеза благодарности брызнула из глаз, очарованных видом родных мест».⁶ «Все звало меня к прежним забавам юности: вот стоит березка, подле которой виднеются следы разрушения давно покинутого мной крова...».⁷ «Под моими ногами быстро катился Инжиг...».⁸ «В прежние времена берега его были усеяны ветвистыми деревьями, в тени которых купался я в жаркий день лета...».⁹

В этих местах Султан Казы Гирей прожил до 1825 г. К такому заключению приводит одно место из того же произведения «Долина Ажитугай».

После того как он 3 июня 1834 г. налюбовался с холма родной долиной, Казы Гирей отправился по Инжигу (Б. Зеленчуку) вверх в русское укрепление на нем — Ярускан.¹⁰ Во время посещения этого укрепления Султан Казы Гирей вспомнил: «...думал ли я десять лет тому назад видеть на этом месте русское укрепление и иметь ночлег у людей, которым я грозил враждою, бывши еще дитятею».¹¹

Казы Гирей говорит это 3 июня 1834 г., и он точен — 10 лет назад, т. е. в 1824 г., здесь этого укрепления не было. Ярусканское (Ерусонское) укрепление было основано в 1828 г. и ликвидировано в 1836 г.¹² Следовательно, в 1824 г. Султан Казы Гирей еще жил в этих местах, не состоя на службе в русской армии.

публицист. Гослитиздат. М., 1963, стр. 271). По-видимому, автор монографии имеет очень туманное представление как о географии Кавказа вообще, так и о пути следования А. С. Пушкина в Арзрум.

⁶ Долина Ажитугай, стр. 155—156. — Здесь и далее разрядка моя, — Г. Т.

⁷ Там же, стр. 156.

⁸ Напечатано «Иижиг». Исправлено мной. Гидроним «Инжиг» — слово черкесское. По-русски это р. Большой Зеленчук. Опечатка в тексте произведения свидетельствует о том, что в рукописи *н* и *и* в графическом отношении были настолько схожи, что их можно было перепутать и что Султан Казы Гирей не держал корректуры своего произведения. Одновременно следует исправить тюрк. *кишик сил* на *кйишик син* 'покосившаяся статуя' (там же, стр. 167). Султан Казы Гирей с детства был двуязычен и в одинаковой мере владел черкесской и тюркской речью.

⁹ Там же, стр. 157.

¹⁰ В русской адаптации на картах Ерусон.

¹¹ Долина Ажитугай, стр. 160.

¹² Это устанавливается по «Военно-исторической карте северо-западного Кавказа с 1774 г. и до окончания кавказской войны, составленной Е. Д. Фелицыным» и приложенной к 1-й части «Истории Хоперского полка Кубанского казачьего войска», составленной В. Толстовым (Тифлис, 1900). На карте везде указаны годы возведения укреплений и крепостей и их ликвидации.

Военную службу Султан Казы Гирей начал в Закавказье 17-летним юношей в 1825 г. в 7-м карабинерном (в дальнейшем — Ериванском) полку рядовым. С этим полком он участвовал в персидско-русской войне 1826—1827 гг., был произведен в унтер-офицеры и награжден медалью.

Кто привлек черкеса Казы Гирея в русскую армию — сказать трудно. Вероятно, Казы Гирей определился на службу под влиянием какого-то своего соотечественника, уже служившего в ней. Не исключено, однако, что Султана Казы Гирея толкнуло на этот шаг и то обстоятельство, что он рано остался если не сиротой, то единственной опорой семьи. На это прозрачно намекает следующее место из его произведения: «...я беседую со стройно текущими волнами знакомых берегов, где всё для меня дышит воспоминаниями; где я единственный отрок матери моей вкушал блаженство любви... Тут я рос надеждой для вдовы безутешной и тут же простился с нею беспечной моей юности».¹³

К сожалению, ранний период жизни Султана Казы Гирея, как и конец его жизни, за отсутствием необходимых печатных и архивных материалов остается пока что недостаточно известным.

В 1830 г. мы застаем Султана Казы Гирея в Петербурге, юнкером, в составе Кавказско-горского полуэскадрона под командованием Султана Хан Гирея.¹⁴

Полуэскадрон входил в состав «Собственного е. и. в. конвоя» и находился в ведении шефа жандармов и командующего императорской главной квартирой генерал-адъютанта А. Х. Бенкендорфа.¹⁵

Первый по кавалерии офицерский чин корнета Султан Казы Гирей получил 1 мая 1832 г.¹⁶ и далее успешно восходил по служебной лестнице, хотя и не с такой быстротой, как это делал его командир Султан Хан Гирей, достигший за 12 лет службы в полуэскадроне чина полковника и звания флигель-адъютанта двора е. и. в.

Кавказско-горский полуэскадрон конвоя е. и. в. был сформирован из представителей горской аристократии — князей, султанов, узденей — в конце 1828 г. Состав его обновляли каждые 4 года.

«Цель, с которою его величеству угодно было назначить в собственный конвой горцев, — писал А. Х. Бенкендорф, — есть та, чтобы прослужившие здесь (т. е. в Петербурге) 4 года могли по возвращении на Кавказ рассказами в кругу их семейств болес

¹³ Долина Ажитугай, стр. 164.

¹⁴ О нем см. сноску 4.

¹⁵ С. Петин. Собственный е. и. в. конвой. 1811—1911. 2-е изд., СПб., 1911.

¹⁶ Там же, стр. 138.

и более привлечь своих соотечественников к дружным с нами сношениям и дать им понятие о том, что, вероятно, в столь отдаленном крае горцам совершенно неизвестно, чему они и верить не хотят, не удостоверясь в том лично».¹⁷

Служившие в полуэскадроне горцы, особенно высокопоставленные, имели полную возможность общаться с образованной русской знатью. В свободное от военных занятий время, а этого времени у них было достаточно, они изучали русский язык, посещали театры, заводили знакомства на балах и в салонах.

Султан Казы Гирей из числа других оказался в этом отношении в наиболее выгодных условиях. Он бессменно оставался в Петербурге до осени 1840 г., т. е. жил в столице 10 лет. Его поездки на Кавказ, вроде той, которая послужила ему поводом написать воспоминания о долине Ажитугай, были, по-видимому, нечастыми.

Обращает на себя внимание тот факт, что Султан Казы Гирей в год написания произведения «Долина Ажитугай» (1834), т. е. на пятом году службы в Кавказско-горском полуэскадроне, уже в совершенстве владел русским литературным языком и был в какой-то мере знаком с русской художественной литературой.

Язык «Долины Ажитугай» пересыпан русскими поговорками и крылатыми выражениями: хоть шаром покати; на безрыбье и рак рыба; пуля дура, а штык молодец и т. д.¹⁸ Здесь же мы находим и четверостишие из «Элегии» К. Н. Батюшкова: «Есть наслаждение и в дикости лесов...».

Нет сомнения, что толчок к литературной деятельности Султану Казы Гирею дал А. Н. Муравьев, взявший на себя посредничество в ознакомлении с его произведениями А. С. Пушкина. Предположение это вытекает из текста того письма Султана Казы Гирея к А. Н. Муравьеву, которое было опубликовано и прокомментировано Л. Б. Модзалевским.¹⁹

В этом письме Султан Казы Гирей просит Муравьева «достать (собственно «вернуть») ему «тетрадочку, написанную по желанию друга (т. е. Муравьева. — Г. Т.) и им представленную на суд русских литераторов». Из этого же письма мы узнаем, что у Казы Гирея, «кроме этого, ничего нет».

Произведениями, включенными в тетрадочку, начиналась литературная деятельность Казы Гирея, а включены в нее были,

---

¹⁷ Там же, стр. 81.

¹⁸ Заметим, кстати, что во время службы в Кавказско-горском полуэскадроне в Петербурге депшиками у Султана Казы Гирея были только русские солдаты, в то время как у Султана Хан Гирея — туземцы (ЦГВИА, ф. 7, оп 8, д. № 303). Мне представляется, что этот факт можно рассматривать как меру, избранную Казы Гиреем для повседневного общения с представителями живой русской речи.

¹⁹ «Литературный архив», т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 20—22.

по-видимому, только «Долина Ажитугай» и «Персидский анекдот».

За напечатание первого Пушкин получил письмо от Бенкендорфа, в котором тот выражал неудовольствие тем, что означенная статья корнета Казы Гирея не была предварительно представлена на его рассмотрение или на рассмотрение начальника его штаба, а сам Казы Гирей, как явствует из цитируемого выше письма, не знал, что без разрешения начальства офицерам полускадрона выступать в печати не дозволяется.

Л. Б. Модзалевский совершенно логично заключает, что Султан Казы Гирей получил разрешение начальства на печатание своих произведений, поэтому-то и появился во втором томе пушкинского «Современника» его «Персидский анекдот». Однако, как мне представляется, дело обстояло значительно сложнее. Разрешение было дано, но Казы Гирей при этом столкнулся с таким неудовольствием начальства, что после выхода в свет 11 апреля 1836 г. «Долины Ажитугай», пожелал, как это явствует из его письма к А. Н. Муравьеву, получить обратно «Персидский анекдот», который находился в одной тетрадке с «Долиной Ажитугай» у Пушкина.

Не будучи лично знаком с Пушкиным и действуя через А. Н. Муравьева, Казы Гирей по каким-то причинам обратно тетрадки, видимо, не получил. «Персидский анекдот» вышел в свет 3 июля 1836 г. в следующем, втором, томе «Современника», который был подготовлен к печати В. Ф. Одоевским и А. А. Краевским.

Следует обратить внимание на тот факт, что письмо Султана Казы Гирея А. Н. Муравьеву, датированное Л. Б. Модзалевским второй половиной апреля 1836 г., оканчивается словами: «По расположению Вашему ко мне друг Ваш, а по литературе брат Ваш Казы Гирей свидетельствует Вам глубочайшее почтение». Мы не знаем, когда и при каких обстоятельствах завязалась дружба между Султаном Казы Гиреем и А. Н. Муравьевым, но мы будем в дальнейшем еще иметь возможность не один раз вспомнить об А. Н. Муравьеве в связи с дальнейшей судьбой Султана Казы Гирея.

28 октября 1840 г. Султан Казы Гирей, дослужившись в Кавказско-горском полускадроне до чина штаб-ротмистра, был переведен майором на Кавказ «в 44-й Нижегородский драгунский полк с прикомандированием к (этому) образцовому кавалерийскому полку для изучения порядка службы».²⁰

44-й драгунский Нижегородский полк, куда Султан Казы Гирей прибыл в начале 1841 г., стоял в ту пору в Кахетии (Грузия) в местечке Карагаач. В этом полку Казы Гирей пробыл недолго, ибо в 1846 г. мы застаем его уже командиром Моз-

²⁰ С. Петин. Собственный е. и. в. конвой, стр. 138.

Султан Казы Гирей. Портрет работы Г. Г. Гагарина.
1842. Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

докского казачьего полка, расквартированного в станице Науурской на Тереке.

В 1842 г. в драгунском Нижегородском полку и был нарисован тот карандашный портрет, который впервые опубликован генералом Потто в IV томе «Истории» этого полка²¹ и который я вторично публикую здесь по оригиналу.

Обстоятельства появления в свет карандашных портретов офицеров 44-го драгунского Нижегородского полка В. Потто связывает с фактом ухода из полка его командира генерала С. Д. Безобразова в связи с его новым назначением. Генерал пользовался большим уважением у офицеров и рядового состава полка, и вот, «провожая Безобразова, офицеры поднесли ему

²¹ Указание на то, что портреты были сделаны в 1842 г., дано на стр. VIII «Приложения» к IV тому «Истории» полка, Тифлис, 1894.

на память небольшой подарок, не представляющий материальной ценности, но замечательный как по идее, так и по чувствам, которые ими руководили. Это был маленький, тисненой кожи футлярчик, заключавший в себе портреты целого полка, сделанные в размере нынешних визитных карточек. В настоящее время подобные портреты, конечно, не представляли бы собою ничего особенного или оригинального, но тогда, когда не было ни фотографий, ни дагерротипов, когда все приходилось рисовать от руки, это был подарок редкий и выдающийся.

«Портреты сделаны карандашом, но настолько искусно, что по прошествии слишком 50 лет²² не утратили своей первоначальной свежести. Сколько помнят старые нижегородцы, их рисовал некто Дежебури, разжалованный в Нижегородский полк из гвардейских офицеров за карикатуры на тогдашнего министра финансов графа Кашкина».

То, что портреты будто бы рисовал некто Дежебури, — неверно. В публикации при книге даны 18 портретов. Они расположены по три в ряд, каждые три на одной полосе листа и в углу каждой полосы, на первой справа, а на остальных слева, стоят инициалы Г. Г., принадлежащие руке Григория Гагарина. Портрет Казы Гирея помещен на первом вкладном листе в третьем нижнем ряду, крайним справа. На нем инициалов художника нет. Кроме этих портретов, среди иллюстраций, характеризующих жизнь 44-го драгунского Нижегородского полка, в книге имеются и другие рисунки Г. Г. Гагарина.²³

В 1958 г., когда я впервые увидел оригинал портрета Султана Казы Гирея в Музее-квартире Пушкина, меня, естественно, заинтересовал вопрос о его происхождении. Портрет поступил в музей из коллекции тбилисского литературоведа И. К. Ениколопова. В ответ на мой запрос И. К. Ениколопов сообщил мне, что портрет вместе с другими, общим числом до 40, хранился в офицерском собрании Нижегородского драгунского полка; в 1918 г. полк распался и инвентарь его пропал или попал в частные руки; коллекция портретов была позднее приобретена И. К. Ениколоповым у антиквара, но не полностью. В настоящее время в его собрании находится около 12 портретов офицеров Нижегородского драгунского полка и лиц, имеющих отношение к этому полку (фамилии большинства обозначены).

---

²² IV том «Истории 44-го драгунского Нижегородского полка» В. Потто вышел в свет в первой половине 1894 г. (цензурное разрешение 14 апреля 1894 г.). В «Примечаниях» к гл. X «Истории» (на стр. 196, № 22) сказано: «Снимки с этих портретов помещены в настоящем издании с обязательного дозволения фрейлны е. и. в. А. С. Безобразовой».

²³ О Г. Г. Гагарине как художнике и о пребывании его на Кавказе см.: Русский биографический словарь, СПб., 1914; А. Н. Савинов. 1) Г. Гагарин. Изд. Третьяковской галереи, М., 1950. 2) Г. Г. Гагарин. Изд. «Искусство», М., 1951.

О пребывании в 1846—1848 гг. Султана Казы Гирея в должности командира Моздокского казачьего полка мы узнаем из очерка Ф. С. Гребенца «Курганы в окрестностях станицы Змейской (Терского казачьего войска)».²⁴

Оказывается, Султан Казы Гирей, будучи командиром Моздокского полка, живо интересовался историей Терской области и, в частности, историей Татар-тупа, того самого Татар-тупа, который во время путешествия в Арзрум посетил А. С. Пушкин.

Ф. С. Гребенец в своем археологическом очерке приводит даже выписку из архива Султана Казы Гирея, содержащую, как он отмечает, «далеко не безынтересные сведения» из истории Татар-тупа и появления и существования на Кавказе русского поселения вообще и казачества в частности.²⁵ Материалы эти, совершенно выпавшие из поля зрения немногочисленных биографов Султана Казы Гирея, еще ждут своего исследования.

К годам пребывания Султана Казы Гирея в Моздокском полку относится еще один интересный документ, устанавливающий, что давнее знакомство его с А. Н. Муравьевым, содействием которого он начал печататься в пушкинском «Современнике», за время, прошедшее с 1836 г., не прекращалось.

Этот ханжествующий адепт православия был, по-видимому, не столько заинтересован в развитии писательской деятельности Султана Казы Гирея как «брата по литературе», сколько в вовлечении его как магометанина в лоно православной церкви.

В 1848 г. А. Н. Муравьев выпустил в свет книжку «Письма о магометанстве». Письма разъясняют «превосходство христианской веры над мухаметанством» и обращены к одному лицу, как мне представляется, вымышленному, которое, будучи христианином, возглавляет в Грузии некое воинское соединение, состоящее из магометан, и которому часто приходится быть в затруднительном положении, когда речь заходит о вере.²⁶ Для

²⁴ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 14, отдел третий, Тифлис, 1915, стр. 1—30.

²⁵ Там же, стр. 3—5.

²⁶ А. Н. Муравьев. Письма о магометанстве. СПб., 1848. — Книга напечатана в типографии III Отделения собственной е. и. в. канцелярии. Содержит 7 писем. Первое письмо написано 16 марта 1847 г. в Тифлисе, второе — в Петербурге 20 июля 1847 г., третье — 24 декабря 1847 г. в Сергиевой пустыне, четвертое — даты и места написания не имеет, пятое написано 20 марта 1848 г. в Петербурге, шестое — 22 апреля 1846 г. в Петербурге и седьмое — 10 апреля 1848 г. в страстную (великую) субботу в Москве.

Второе издание «Писем о магометанстве» вышло в Москве в 1849 г., а третье, и последнее, — в Казани в 1875 г. В третье издание дополнительно включено восьмое письмо, напечатанное в апреле 1871 г. в «Трудах Киевской духовной академии». Мною перечислены все письма книжки потому, что при печатании их типографским способом в издании 1875 г. в двух из них в датировке допущены опечатки: во втором письме вместо 1847 г. напечатано 1874 г. и в шестом письме вместо 1846 г. напечатано 1864 г. Если не сделать этих поправок, последовательность мысли автора писем оказывается нарушенной.

данной статьи из писем представляет интерес только одно, шестое, написанное 22 апреля 1846 г.

Оно адресовано тому же лицу, что и пять предыдущих писем, но совершенно неожиданно начинается такими словами: «Не для тебя и не к тебе было писано письмо сие, любезный друг, потому, что оно предшествовало моей поездке в Грузию, где мы сошлись с тобой.²⁷ Нет, я писал его другому давнему моему знакомцу из числа образованных и благонамеренных мухаммедан, но я присоединяю это письмо к тем, которые написал тебе, потому, что нахожу (его) полезным, после предварительных сведений, мною изложенных, на вопросы христианства о вере мухаммедовой. . .».²⁸

Это письмо, по мнению А. Н. Муравьева, является полезным каждому магометанину, так как содержит краткое изложение бесед Муравьева с его другом «черкесом К**».

Вот в некоторых выдержках это краткое изложение, — собственно письмо Муравьева к «давнему знакомцу из числа образованных и благонамеренных», черкесу К**: «Отвечаю тебе, любезный К**, на твоё поздравление с нашим светлым праздником,²⁹ которое мне приятно было получить и от мухаммеданина. Но моя духовная радость смутилась тем, что я прочел на конце твоего письма о несчастной опытности, тобою приобретенной от обращения с невежественными людьми, „будто бы все равно быть христианином или мухаммеданином, лишь бы только быть честным человеком“.³⁰ Как тяжело такое необдуманное слово?!».³¹

Изложив далее в письме к черкесу К** в краткой форме сущность христианства, А. Н. Муравьев советует ему «креститься — ибо нет другого спасения».³²

Я полагаю, что данное письмо написано А. Н. Муравьевым к Султану Казы Гирею. В настоящее время мы не знаем другого образованного черкеса К**, которому мог бы писать (точнее, отвечать на письмо) А. Н. Муравьев, тем более что, как явствует из письма, оно адресовано на Кавказ: «Скажу тебе известие для тебя приятное: может быть, мы увидимся нынешней осенью, потому что я имею намерение провести зиму в Гру-

²⁷ Здесь и далее разрядка моя, — Г. Т.

²⁸ А. Н. Муравьев. Письма о магометанстве, стр. 142.

²⁹ Т. е. с праздником Пасхи. Она в 1846 г. праздновалась 7 апреля (старого стиля).

³⁰ Заковыченные слова принадлежат черкесу К** (т. е., как я полагаю, Султану Казы Гирею). Эти слова заключали неизвестное нам его письмо к А. Н. Муравьеву.

³¹ А. Н. Муравьев. Письма о магометанстве, стр. 143—144.

³² Там же, стр. 152.

зии, а в Ставрополь и на воды думаю приехать в половине сентября. Итак, постарайся увидиться со мной или по сю сторону Кавказа, или по ту, но до того времени поспеши отвечать мне. Прости! Обнимаю тебя мысленно и желаю тебе спасения свыше всего».³³

Состоялась ли эта встреча, поспешил ли черкес К** (т. е. Казы Гирей) ответить А. Н. Муравьеву, — неизвестно. Известно только то, что «апостольское» письмо А. Н. Муравьева осталось втуне. В 1846—1848 гг. Султан Казы Гирей христианства не принял.³⁴

О жизни Султана Казы Гирея начала 50-х годов XIX столетия известно немного: есть сведения, что в это время в чине полковника он был начальником Кисловодского укрепления.

24 декабря 1853 г. полковник Султан Казы Гирей назначается командиром 5-й Хоперской бригады линейного казачьего войска,³⁵ расквартированной в станице Баталпапинской,³⁶ и продолжает оставаться в ней до осени 1859 г., участвуя в ряде военных операций на правом фланге Кавказской военной линии.³⁷

Таким образом, через 19 лет Султан Казы Гирей оказался снова в тех местах, которые он знал с детства и которые живописал в своем произведении «Долина Ажитугай». Годы службы Султана Казы Гирея в 5-й Хоперской бригаде ознаменовались для него двумя событиями. В 1855 г. Султан Казы Гирей «женился на красавице казачке Лучкиной» и, приняв в связи с этим православие, стал именоваться Андреем Андреевичем Султаном Казы Гиреем.³⁸

---

³³ Там же, стр. 152—153.

³⁴ Судя по цитированному выше письму, у черкеса К** была книга Нового завета с Деяниями апостолов.

³⁵ В. Толстов. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. В 2-х частях. Тифлис, 1900—1901 гг., с приложениями к 1-й и 2-й частям. Тифлис, 1901.

³⁶ Ныне город Черкесск, столица Карачаево-Черкесской автономной области РСФСР.

³⁷ В. Толстов. История Хоперского полка..., ч. 2, гл. IV, Тифлис, 1901, стр. 103—127 и «Приложения» к 1-й и 2-й частям, стр. 78.

³⁸ Там же, «Приложение», стр. 78. — Среди офицеров, входивших в 5-ю Хоперскую бригаду Хоперского полка, фамилия Лучкиных представлена двумя ветвями. Одна идет от есаула Лучкина Филиппа Прокофьевича, служившего в полку в 1776—1793 гг., сыновьями которого являлись войсковой старшина Иван Филиппович, служивший в 1794—1835 гг., и есаулы Яков Филиппович, служивший в 1792—1822 гг., Лев Филиппович, служивший в 1801—1819 гг., и сотник Михаил Филиппович, служивший в 1801—1814 гг. Другая ветвь Лучкиных представлена есаулом Михаилом Ивановичем, служившим в полку в 1834—1855 гг. (см. «Историю Хоперского полка», «Приложение», стр. 82, 84, 85, 89). К какой из этих ветвей принадлежала казачка Лучкина — жена Султана Казы Гирея, — установить можно будет лишь тогда, когда станет известным ее имя и отчество.

Мне представляется, что решающим мотивом, побудившим Султана Казы Гирея принять христианство, была его любовь к красавице казачке Лучкиной, ставшей его женой, а не многолетнее пропагандистское давление на него со стороны его давнего друга Андрея Николаевича Муравьева, хотя и оно имело значение. Обратим внимание на то, что в крещении Султан Казы Гирей принял своим именем и отчеством имя своего духовного наставника Андрея Муравьева.

Есть сведения, что, по крайней мере на первых порах, как это часто бывает с неофитами вообще, новообращенный был ревностным христианином.

Археолог Нарышкин, посетивший в 1867 г. с археологической целью верховья р. Кубани и беседовавший с заведующим каменноугольными копями, что расположены близ впадения р. Каракент в Кубань, сообщает: «Он (т. е. заведующий) уверял меня, что у самых верховьев реки Теберды, 25 верст выше Сантйской церкви, есть еще 3-я церковь. Султан Казы Гирей, бывший бригадным командиром в станице Баталпашинской, впоследствии принявший христианство, посетил эту церковь лет 10-ть назад.³⁹ В склепе, находящемся под нею, были найдены два тела в гробах, одежда на них довольно хорошо сохранилась. Султан, как человек новообращенный, был весьма набожен и приказал поставить в склепе имевшийся с ним образ, собираясь в скорости быть еще раз в этом месте. Смутные обстоятельства тогдашнего времени помешали ему исполнить это намерение...».⁴⁰

В период командования 5-й Хоперской бригадой Султан Казы Гирей с живым интересом относился к росту просвещения и культуры среди своих соплеменников. Ф. В. Юхотников, преподаватель словесности в Ставропольской гимназии, где обучались горцы из состоятельных слоев населения, в своей статье «Нечто о горцах, учащихся в Ставропольской гимназии» от 21 декабря 1858 г. пишет: «К чести горцев, занимающих почетные места в русской службе, должно отнести и то, что многие из них, приезжая в Ставрополь и не имея даже, среди воспитывающихся юношей, родственников, постоянно и всех своих призывали к себе и ласками, и увещаниями побуждали их к новым успехам... Не могу не упомянуть с уважением об этих немногих

---

³⁹ Т. е. примерно в 1857 г., — Г. Т.

⁴⁰ Отчет г. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Святию) с археологической целью в 1867 году. Известия Русского археологического общества, т. 8, СПб., 1877, стр. 357. — Сообщение Нарышкина относится к 20 сентября 1867 г. Под «смутными обстоятельствами» 1857 г. заведующий угольными копями близ Каракента разумеет обострение военной обстановки в районе р. Кубани на правом фланге Кавказской линии (см.: В. Толстов. История Хоперского полка..., ч. 2, стр. 116—117).

людях, истинно понимающих благо просвещения своей родины. Имена их: султаны Адиль Гирей и Казы Гирей и князь Магомет Лоов». ⁴¹

Успехи горцев, обучавшихся в Ставропольской гимназии в области русской словесности под руководством Ф. В. Юхотникова, ⁴² были настолько заметны, что на них, например, в 1859 г. сочувственно откликнулись «Отечественные записки» в № 2, в отделе «Современная хроника России».

То, что произошло в 1858 г. в Ставропольской гимназии, не могло быть не замечено. Из 36 сочинений, представленных на конкурс гимназистами 6 и 7 классов, первую и вторую премии получили не русские воспитанники, а горцы: абазин Адиль Гирей Кешев за сочинение «О сатирическом направлении литературы при Петре, Екатерине и в настоящее время» и осетин Иналуко Тхостов за сочинение «Кавказ по Пушкину, Лермонтову и Марлинскому». ⁴³

Трудно себе представить, что этими успехами горцы были обязаны только Ф. В. Юхотникову. Вероятно, в «увещеваниях к новым успехам» какая-то доля принадлежала султанам Адиль Гирею и Казы Гирею, которые оба, каждый в свое время, занимались один публицистической и этнографической, а другой художественно-литературной деятельностью. ⁴⁴

Во всяком случае, упомянутые выше два воспитанника Ставропольской гимназии в дальнейшем вложили свою лепту в культурное развитие своих малых народов.

Кешев выступал в печати с литературно-этнографическими статьями под псевдонимом Каламбий ⁴⁵ в 1860—1861 гг. в «Рус-

---

⁴¹ Газ. «Кавказ», 1858, № 100, стр. 529—530. — Разрядка моя. — Г. Т.

⁴² О Федоре Викторовиче Юхотникове см.: А. Лилов. Ф. В. Юхотников (некролог). «Московские ведомости», 1861, № 283; Воскресенский И. Воспоминания о Ф. В. Юхотникове. «Наше время», 1862, № 12; М. Краснов. Историческая записка о Ставропольской гимназии. Ставрополь-Кавказский, 1887. — По сообщению автора некролога, Ф. В. Юхотников, умерший в 1861 г. в молодых годах, окончил Московский университет и по рекомендации проф. Грановского, который считал его одним из своих лучших учеников, определился в 1855 г. преподавателем русской словесности в Ставропольскую гимназию. Ф. В. Юхотникову принадлежит ряд этнографических статей о горцах Северного Кавказа.

⁴³ Газ. «Кавказ», 1858, №№ 100 и 101.

⁴⁴ Черкес Султан Адиль Гирей (1821—1876) печатал литературно-публицистические и этнографические статьи в основном в 1846—1847 гг. Список этих произведений и сведения о его жизни приведены М. О. Косвеню в его сочинении «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке», ч. II (Кавказский этнографический сборник, т. II, М., 1958, стр. 211).

⁴⁵ Раскрытие псевдонима принадлежит преподавательнице Адыгейского педагогического института в г. Майкопе Л. Г. Голубевой (см.: «Дружба народов», № 9, 1963, стр. 261—268; Тр. Карачаево-Черкесского НИИ, Черкесск, вып. IV, 1965, стр. 165—213).

ском вестнике», а Тхостов — с этнографическими статьями по Осетии в «Терских ведомостях» за 1868—1869 гг.⁴⁶

8 сентября 1859 г. Андрей Андреевич Султан Казы Гирей был произведен в генерал-майоры и, оставив 5-ю Хоперскую бригаду, до 1864 г. «состоял при Кавказской армии».⁴⁷

В 1864 г. в списке генералов, «состоящих при Кавказской армии», его уже нет. По-видимому, он вышел в отставку.

На этом собранные мною сведения о Султане Казы Гирее обрываются... Где прожил остаток своей жизни и когда умер Султан Казы Гирей, мне неизвестно.

---

⁴⁶ М. О. Косвен. Материалы по истории... , стр. 224—225.

⁴⁷ Кавказский календарь на 1860—1864 гг. Тифлис. — См. также указатель к «Списку генералам по старшинству», СПб., 1863 г., стр. 523.

В. Э. ВАЦУРО

УОЛПОЛ И ПУШКИН

Имя Горация Уолпола, писателя и историка, теоретика литературы и искусства, лица, заметного в культурной жизни английского, да и французского восемнадцатого столетия, обычно не связывается с именем Пушкина. Между тем немногочисленные упоминания Пушкина об Уолполе заслуживают анализа, хотя бы как указания на один из исторических и литературных источников, из которых Пушкин черпал свои представления о «веке просвещения» в Европе, лежавшие в основе его исторической концепции. Они позволяют судить и о степени осведомленности Пушкина в интеллектуальной жизни того столетия, которое с начала 1830-х годов становится предметом его обостренного внимания.

1

Среди многочисленных и разнообразных источников, которыми Пушкин пользуется в 1825 г. в Михайловском и позже, занимаясь вопросами классической и романтической трагедии, привлекает внимание один, прямо Пушкиным не упоминаемый. Это известное письмо Вольтера к Г. Уолполу от 15 июля 1768 г., напечатанное впервые в «*Mercur de France*» и затем вошедшее в собрания сочинений Вольтера, — письмо, в котором Вольтер продолжил и развил начатый Уолполом спор о достоинствах и значении Шекспира. Оно содержит несколько связанных между собою тем, которые ближайшим образом интересовали Пушкина в период работы над «Борисом Годуновым»: о Шекспире и французских трагиках, о рифме в трагедии, о сценическом правдоподобии. Последняя тема особенно занимала Пушкина в эти годы; на протяжении 1825—1830 гг. он возвращается к ней несколько раз (О трагедии, 1825; черновое письмо Н. Н. Раевскому, 1825; наброски предисловия к «Борису Годунову», 1829; О народной драме и драме «Марфа Посадница», 1830), находя себе теоретическую опору в недавно прочитанном «*Cours de la littérature dramatique*» А. Шлегеля, где шла речь о неправдоподобии клас-

сических «единств».¹ Однако в общем контексте статей Пушкина ощущается и внутренняя полемика, и мы вправе предположить, что он учитывал в них не только Шлегеля, но и некоторого не названного противника, а может быть и нескольких. Во всяком случае констатировать искусственность «единств» Пушкину уже явно недостаточно, и он оставляет их, чтобы перейти к анализу самого принципа «правдоподобия» в драматическом искусстве.

Как раз на этом принципе Вольтер особо останавливался в письме к Уолполу. Выступая в защиту «единств», Вольтер требовал, чтобы они не нарушали жизненной достоверности изображаемого на сцене. «Искусство, — писал он Уолполу, — становится, таким образом, более трудным, а побежденные трудности во всяком роде приносят удовольствие и славу» (*les difficultés vaincues donnent en tout genre du plaisir et de la gloire*).² Развивая близкую мысль, Пушкин писал о необходимости для писателя «повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа», «несмотря на затруднительность правил» (Акад., XI, 66), а в статье «О поэзии классической и романтической» (1825) прямо повторяет вольтеровскую формулу: «побежденная трудность всегда приносит нам удовольствие» (XI, стр. 37). Однако вслед за тем он считает необходимым показать условность самого понятия «правдоподобия» в драме, т. е. разрушить в самой основе стройную логическую аргументацию Вольтера. В статье «О народной драме...» в противовес достоверности действия он выдвигает как единственно возможный для драматического искусства принцип достоверности психологии, детерминированной народным бытом и историей, — уже реализованный практически в «Борисе Годунове».

На пути этой заново создаваемой «по системе отца нашего Шекспира» драматической эстетики вновь оказывалась поэтика подновленной классической трагедии, допускавшая и даже предполагавшая аллюзионность, «применения», в которых Пушкин не без основания видел прямое следствие непреодоленного метафизического антиисторизма.³ Пушкин направляет свой удар против аллюзий и, как и прежде, начинает борьбу не с эпигонами, а нормализаторами и теоретиками системы — любопытный показатель историчности его собственного историко-литературного мышления. Он вновь обращается к Вольтеру, который «60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств, заставлял он свои лица кстати и некстати выражать правила своей фило-

¹ Н. К. Козмин. Взгляд Пушкина на драму. СПб., 1900, стр. 29 и сл.; ср. также стр. 15 (о теории Дидро).

² *Voltaire. Correspondance*, t. 69. Ed. Th. Bestermann. Paris, 1961, p. 254. Ср. близкие суждения в его «Discours sur la tragédie».

³ См.: Г. А. Гукровский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. Гослитиздат, М., 1957, стр. 10 и сл.

софии» (XI, стр. 272). Характеристика эта принадлежит более позднему времени (1834 г.); в 1820-е годы Пушкин имеет в виду скорее теоретические декларации Вольтера. Он вспоминает «Послание к Маффеи», предпосланное «Меропе». В библиотеке Пушкина сохранился второй том собрания сочинений Вольтера 1817—1820 гг., разрезанный на этих страницах,⁴ где Вольтер обосновывает свой отход от изображения наивной простоты греческих нравов, чтобы сделать трагедию более соответствующей вкусам и понятиям тридцати тысяч компетентных судей драматического искусства, составляющих парижский партер. Эти суждения Вольтера вели Пушкина прямо к истокам спора Вольтера с Уолполом; Уолпол открыл полемику, процитировав их и обратив против «фернейского патриарха» его собственное оружие насмешки. «Я не буду затевать спора о той *espèce de simplicité*, — писал он, — которой требует парижский партер, как и о тех колодках, которыми тридцать тысяч судей сковали свою поэзию...» «Задачей Маффеи было изобразить события из истории греков, и уж, конечно, афиняне могли с неменьшей основательностью, чем парижский партер, судить о греческих нравах и об уместности представления их на театре».⁵ Это возражение было частью апологии Шекспира, «блистательнейшего из гениев» английской нации, которую развертывал Уолпол в острейшей полемике с Вольтером.

В «Письме к издателю „Московского Вестника“» — наброске теоретического предисловия к «Борису Годунову» — Пушкин сослался как раз на этот примечательный эпизод в истории преромантического шекспиризма и изложил его в лаконичном замечании: «Расин ... изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о версальских балетах, как Юм или Валь<поль> (не помню кто) замечает о Шекспире в подобном случае» (XI, стр. 69). Пушкин приводит ссылку по памяти и не вполне точно; собственная его позиция не идентична позиции Уолпола, который противопоставлял Шекспиру Расина в той же мере, что и Вольтера; однако в данном случае нам важны не эти различия, а факт знакомства Пушкина с подлинным текстом Г. Уолпола. Дело в том, что цитированное Пушкиным место есть не что иное, как фрагмент из знаменитого предисловия ко второму изданию «готического романа» Уолпола «Замок Отранто», где основоположник этого жанра формулировал его теоретические основы, опираясь на завоевания преромантической и раннеромантической эстетики. Элементы этой эстетики и входят в трансформированном виде в создаваемую Пушкиным теорию «истинно романти-

⁴ См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. Пушкин и его современники, вып. IX—X. Пб., 1910, № 1491.

⁵ Гораций Уолпол. Замок Отранто. Жак Казот. Влюбленный дьявол. Уильям Бекфорд. Ватек. Изд. подг. В. М. Жирмунский и Н. А. Сигал. Изд. «Наука», Л., 1967, стр. 15. Перевод В. Е. Шора.

ческой» драматургии. То же обстоятельство, что Пушкин вспоминает именно Уолпола, особенно интересно, если иметь в виду его несколько своеобразную литературную судьбу.

Роман Уолпола, стоявший в начале генеалогического ряда: А. Радклиф, Льюис, Метьюрин и далее В. Скотт и Байрон; роман, получивший при своем выходе неслыханную популярность в Англии, — остался почти незамеченным на континенте. Его французский перевод (1767) был встречен критикой холодно;⁶ успех скандала имело лишь «антивольтеровское» предисловие. К 1790-м годам, когда волна «готической» литературы достигает апогея в Европе и начинает проникать в Россию, время Уолпола уже прошло. Он оказался безнадежно архаичным и был заменен новыми именами — в первую очередь именем А. Радклиф. Быть может, поэтому он не был переведен на русский язык, и едва ли не единственными читателями его оказывались те русские аристократы, которые тяготели к английской культурной традиции. Так, «Замок Отранто» знали в семье А. Р. Воронцова; в письмах Е. Р. Дашковой и Д. П. Бутурлина мы находим явные следы интереса к роману.⁷ Не исключена возможность, что на какие-то печатные или рукописные материалы об Уолполе или даже на его сочинения Пушкин мог натолкнуться еще в 1823—1824 гг., занимаясь в библиотеке Воронцова;⁸ к этому времени сочинения и переписка Уолпола начинают выходить книга за книгой как в английских, так и во французских изда-

⁶ A. Killen. Le roman terrifiant ou le roman noir de Walpole à Anne Radcliffe et son influence sur la littérature française jusqu'à 1840. Paris, 1923, pp. 75—78.

⁷ По-видимому, к 1794 г. относится письмо Е. Р. Дашковой к А. Р. Воронцову с упоминанием о романе; описывая некое здание, видимо, псевдоготического стиля, она замечает: «Оно похоже на замок Отранто (так!) сэра Горация Уолпола» (Архив князя Воронцова, кн. XII. М., 1877, стр. 360. Подлинник по-французски). Из письма совершенно ясно, что роман известен как Дашковой, так и ее адресату. Еще более любопытна развернутая характеристика Уолпола в письме Д. П. Бутурлина из Москвы к тому же Воронцову от 2 ноября 1799 г.: «Скажите мне, прошу вас, не приходилось ли вам в ваше пребывание в Англии знать лично лорда Орфорда, тогда Горация Уолпола? Я принялся читать по-английски его сочинения, которые вышли в новом хорошем и полном издании, и очень им интересуюсь. Он долго жил в Париже и был в близкой дружбе с мадам дю Деффан. Это во всех отношениях интересный человек» (там же, кн. XXXII, вып. 263. Подлинник по-французски). Сын этого Бутурлина, граф М. Д. Бутурлин, 17-летним юношей общался с Пушкиным в Одессе: он сохранил англофильские традиции семьи (см.: Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина. В кн.: Пушкин. Статьи и материалы, вып. III. Одесса, 1926, стр. 28). О личном знакомстве А. Р. Воронцова с Уолполом мы ничего не знаем; его ответное письмо Бутурлину если и было написано, видимо, погибло с архивом Бутурлина в 1812 г. Из русских знакомых Уолпола известен И. И. Шувалов (переписку их см.: «Литературное наследство», т. 29—30. Изд. АН СССР, М., 1937, стр. 290).

⁸ См.: М. П. Алексеев. Пушкин и библиотека Воронцова. В кн.: Пушкин. Статьи и материалы, вып. II. Одесса, 1926, стр. 92—98.

ниях.⁹ Однако ни в произведениях Пушкина этого периода, ни в его письмах, где значительное место занимают вопросы эстетики и теории литературы, мы не встречаем ни имени Уолпола, ни признаков знакомства с его произведениями. Вероятно, оно осуществилось лишь к концу 1820-х годов, когда Пушкин в достаточной мере овладел английским языком; и, видимо, тогда же в его библиотеке появился «Замок Отранто» в составе пятого тома баллантайновской «Библиотеки романистов».¹⁰

На протяжении 1830-х годов Пушкин имел возможность расширить круг своих сведений о литературной деятельности английского писателя. Помимо переписки Вольтера в поле его зрения были и другие источники, которые мы сейчас не можем учесть полностью. Он мог знать, например, специальный очерк об Уолполе Вальтера Скотта (впервые напечатанный, кстати, в имевшемся у него томе «Ballantyne's Novelists' Library»), предисловие Байрона к «Марино Фальери», где соотносились поэтические достоинства вильсоновского «Города чумы» и «готической драмы» Уолпола «Таинственная мать», и т. д. Стоит упомянуть, что единственный известный нам отзыв о «Замке Отранто» в русской литературе этих лет находился в первом сборнике стихотворений В. Г. Теплякова — поэта, за литературной деятельностью которого Пушкин следил еще с 1820-х годов. Тепляков — человек вообще очень начитанный в «готической» литературе и, быть может, отчасти поэтому получивший от современников прозвище Мельмота, ценил «Замок Отранто»: в предисловии к стихотворению «Чудный дом» он упомянул об «ужасном и вместе ... привлекательном» рыцарском замке из «романа Горация Вальполя».¹¹ Неизвестно, прочел ли Пушкин самый роман; однако его библиотека пополнилась еще одним изданием «Замка Отранто» — лондонским изданием 1834 г., в одном переплете с «Ватеком» Бекфорда и «Венецианским разбойником» М. Г. Льюиса и с биографией Уолпола, извлеченной из обширного жизнеописания, написанного известным историком лордом Довером (Дж. Эллисом).¹² Очерк этот содержал сведения и о ли-

⁹ См. о хронологии их выхода, например: *Biographie universelle ancienne et moderne...*, t. 50 («Wa-Wim»). Paris, 1827, pp. 154—155; *J.-M. Quérard. La France Littéraire...*, t. X («Vab-Zyg»). Paris, p. 478.

¹⁰ Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина, № 567. *Ballantyne's Novelists' Library. Vol. 5. The Novels of Sterne, Goldsmith, Dr. Johnson, Mackenzie, Horace Walpole and Clara Reeve...* London, 1823.

¹¹ В. Тепляков, Стихотворения, М., 1832, стр. 194, 169—185. — В переписке Теплякова мы находим имена Радклиф, Метьюрина. 5 января 1833 г. А. Ф. Спада благодарит его за полученный экземпляр «Мельмота-Скитальца» и делится впечатлениями («Русская старина», 1896, № 3, стр. 671). П. П. Каверин (также приятель Пушкина) в 1824 г. в письме к Теплякову упоминает романы Радклиф («Русская старина», 1896, № 2, стр. 427).

¹² См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина, № 590. *Standard Novels. Vathek. By William Beckford, Esq.; The Castle of Otranto, by*

тературной позиции Уолпола, в частности систематическое изложение знаменитой «чаттертоновской истории», о которой Пушкин упомянул в статье «Песнь о полку Игореве».

Опровергая версию о поддельности «Слова», Пушкин в этой статье подыскивал исторические примеры немедленного распознавания пастиша. Известно, что апелляция к вкусу «знатока» была в этом отношении для Пушкина одним из важных аргументов. В статье о «Слове» он приводил перечень ученых и литераторов, «не усумнившихся» в его подлинности. Случай с Уолполом, распознавшим мистификацию в присланной ему Чаттертоном рукописи «средневекового монаха Роули», был для Пушкина историческим прецедентом.

Мы вправе предположить, что не только эпизод с Чаттертоном послужил Пушкину основанием для убеждения, что Уолпол принадлежал к кругу «истинных знатоков». Богатейшая картинная галерея Уолпола, купленная Екатериной II для Эрмитажа, его прославленный псевдоготический замок «Струберри-Хилл», о котором упоминал еще Карамзин в «Письмах русского путешественника», — вот на чем, не говоря уже о менее известных собственных исторических трудах Уолпола, основывалась его непререкаемая репутация авторитетного ценителя старины. Пушкин, конечно, знал об этом и имел случай не однажды видеть эрмитажные картины из коллекции Уолпола. Однако именно в случае с Чаттертоном он натолкнулся на сопротивление исторического материала. В первоначальном варианте он написал: «Вальполь тотчас узнал Чат<тертона>» (XII, стр. 388). Это было неверно, так как Уолпол вовсе не «сразу» заподозрил подделку; получив стихи Чаттертона в марте 1769 г., он вступил в переписку с автором и лишь в августе 1769 г., после обмена несколькими письмами с Чаттертоном и консультации с друзьями, вернул рукопись. И Пушкин вносит уточнение в окончательный текст: «Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха Cowley. Джонсон тотчас уличил Макферсона» (XII, стр. 147). Правка свидетельствует, что Пушкин знал некоторые детали этой истории, причем о позиции и поведении Уолпола ему было известно больше, чем о Чаттертоне. На эту мысль наводит характерная ошибка в имени предполагаемого автора стихов: Cowley вместо Rowley — так «старый монах» именуется во всех вариантах, вплоть до окончательного, а по-русски транскрибируется как «Коле» (XII, стр. 147, 388). Можно думать, что данный эпизод в статье о «Слове» рассказывался или по крайней мере корректировался по биографиям Уолпола в собственной библиотеке Пушкина, где он изложен со

Horace Walpole, Earl of Orford; The Bravo of Venice, by M. G. Lewis, Esq., London, 1834.

всей подробностью, причем имя «старого монаха Роули» нигде не упомянуто». ¹³

Итак, к 1836 г. в сознании Пушкина Уолпол присутствует как литературный деятель эпохи английского преромантизма, знаток древностей, арбитр литературного вкуса, причем, как мы видели на примере «Письма к издателю „Московского Вестника“», Пушкин сохраняет к нему не только исторический интерес. Обращение к основоположнику «готического романа» в 1820—1830-е годы было, по существу, равнозначно его литературному «воскрешению», так как Уолпол-литератор, как мы имели случай заметить, был в России почти неизвестен. При этом Пушкин проходит мимо его романа, и это тоже любопытная и закономерная деталь литературной эволюции; для него существует уже иной исторический облик Уолпола, нежели тот, в котором английский писатель появился на своей родине семьдесят лет назад; он прошел сквозь призму восприятия русского и французского восемнадцатого столетия и рассматривался в 1820-е годы под углом зрения споров о романтизме, в которые его суждения включились столь неожиданно и современно.

2

1830-е годы были для Пушкина временем углубленного изучения общественно-политической истории Западной Европы. Французский XVIII век — век Энциклопедии и французской революции — приковывает его внимание, давая пищу для аналогий с современной политической жизнью и выводов о направлении и характере исторического процесса. Этот интерес отражается в его критической прозе 1830-х годов; одна из центральных статей этого времени — «О ничтожестве литературы русской» (1834) дает сжатую характеристику «века Вольтера». «Все возвышенные умы следуют за [Вольтером]. Задумчивый Руссо провозглашается его учеником; пылкий Дидрот есть самый ревностный из его апостолов. Англия в лице Юма, Гиббона и Вальполя приветствуют Энциклопедию» (XI, стр. 272).

Легко заметить, что Пушкин опускает здесь, как несущественные, разногласия между философами. Знаменитая ссора Руссо и Вольтера не имела значения в системе данного историко-литературного построения, как неважен был для нее и спор Вольтера и Уолпола о Шекспире, на который Пушкин ссылался несколькими годами ранее. Это не означало, однако, что Пушкин прошел мимо перипетий общественно-литературной борьбы XVIII в. Пометы на полях рукописи Вяземского о Фонвизине, сделанные Пушкиным в 1832 г., свидетельствуют о дифференци-

¹³ Lord Dover. Sketch of the Life of Horace Walpole, Earl of Orford. In: Vathek, etc., pp. 132—133; Ballantyne's Novelists' Library, vol. 5, p. LXIX.

рованности его подхода к различным ее участникам, а статья «О ничтожестве литературы русской», не исключая и приведенной выше цитаты, полна отзвуками и рефлексамии прежних ожесточенных полемик, наложивших отпечаток и на конкретные оценки в ней литературных деятелей прошлого.

Пушкин вновь обращается к Уолполу и его французским связям. Уже многочисленные упоминания об Уолполе в переписке Вольтера давали материал о близком общении его с энциклопедистами. Читая Гримма в апреле 1834 г. (XV, стр. 128), Пушкин обновлял и пополнял свои сведения о приезде Уолпола в Париж и об отношении к нему самого Гримма, видевшего в нем человека «чрезвычайно умного» и с литературным дарованием.¹⁴ Вместе с тем в письмах Вольтера и Гримма упоминалось и о «споре философов», разделившем Руссо с кружком Даламбера, Вольтером и Юмом, — споре, в котором немаловажная роль принадлежала и Г. Уолполу.

В библиотеке Пушкина сохранилось издание, которое, без сомнения, обогатило представления Пушкина об этом споре, давая при этом информацию из первых рук. Это издание — два томика «Уолполианы» 1830 г.: собрания писем, мелких произведений Уолпола и биографических материалов о нем.¹⁵ Заметим кстати, что наличие его в библиотеке Пушкина есть показатель специального интереса к личности и деятельности английского писателя. Оба тома в части своей разрезаны и, несомненно, прочитаны или хотя бы просмотрены Пушкиным. Один из них (№ 1500 по описанию Б. Л. Модзалевского) заслуживает особого внимания. Он заключает в себе «Воспоминания, писанные в 1788 г. для услаждения мисс Мэри и мисс Эгнес Б<err>» и переписку Уолпола с Юмом 1766 г. Именно «Воспоминания» — собрание дворцовых и политических анекдотов — считались образцом жанра по материалу и изложению и, казалось бы, должны были заинтересовать Пушкина, автора светской хроники, «Дневника» и «Table-Talk». Однако «Воспоминания» в книге не разрезаны, а разрезан небольшой, но совершенно самостоятельный раздел, содержащий переписку Уолпола и Юма. Факт этот (не отмеченный в описании Б. Л. Модзалевского) существенен, так как свидетельствует о целенаправленном чтении. Письма же Уолпола и Юма как раз и были посвящены «ссоре философов».

Напомним основные этапы этого известного конфликта. Он начался ироническим письмом, которое Уолпол отправил Руссо от имени прусского короля. Руссо заподозрил авторство Юма и

¹⁴ Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot, depuis 1753 jusqu'en 1790, T. V. 1766—1768. Paris, 1829, pp. 320—322.

¹⁵ Walpoliana. Chiswick, 1830; Walpoliana. Reminiscences. Written in 1788, for the amusement of Miss Mary and Miss Agnes B***y. By Horace Walpole, late earl of Orford. Chiswick, 1830. См. также: Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, №№ 1499, 1500.

обвинил также Вольтера в причастности к кампании против него. Последовал резкий разрыв отношений. «Философы» разделились на два лагеря. Скандал распространился в литературной среде; помимо брошюр, выпущенных самими участниками спора, появился памфлет Дора «Совет мудрецам века» (*Avis aux sages du siècle*), где автор заявлял: «Часто наставники человечества ... становятся буффонами». Словечко «буффоны» было подхвачено; Вольтер отозвался на него оскорбленным письмом к Пезе от 5 января 1767 г. «Г. Даламбер и г. Юм, — писал он, — которые принадлежат к числу первых писателей Франции и Англии, не являются буффонами». ¹⁶ Со своей стороны, кружок Даламбера готовил издание «апологии» Юма; поскольку имя Уолпола должно было быть названо в книге, Юм обратился к нему с письмом. Виновник спора занимал в нем особую позицию: при ироническом отношении к Руссо, он еще в большей мере был настроен против Даламбера и его друзей. Поэтому его обмен мнениями с Юмом очень скоро перешел в споры и разногласия, причем предметом их стала позиция не столько Руссо, сколько Даламбера. Юму, который за время пребывания во Франции успел сблизиться с кружком Даламбера, пришлось защищать своих новых друзей от раздраженной агрессивности своего корреспондента. В пылу полемики Уолпол готов был отказать Даламберу вообще в каких бы то ни было достоинствах. «Я помню, что когда г-жа дю Деффан впервые упомянула его при мне, я сказал, что слышал о нем как о хорошем мимисте, но мне и в голову не приходило, что он хороший писатель». ¹⁷

Юм возражал, что Даламбер — человек выдающихся качеств, стяжавший себе славу как трудами в области математики, так и своей безукоризненной моралью. «Отвергнув щедрые посулы царицы и короля Пруссии, он показал, что стоит выше корысти и пустого честолюбия: он живет в Париже в приличном уединении (*agreeable retreat*), достойном литератора», отдавая половину своей скромной пенсии «бедным, с которыми он связан». ¹⁸ Вежливо, но решительно отводя упреки Уолпола французам за их якобы рабское преклонение перед «гениями», Юм видит степень просвещенности нации в том, насколько она умеет уважать интеллектуальную деятельность. Если англичане, продолжает он, не научились еще ценить своих ученых и литераторов, то это является печальным симптомом того, что они были просвещены лишь наполовину (*half-civilized*). ¹⁹

Однако Уолпол не поколебался в своем мнении о французских философах. Полемика 1766 г. своеобразно отразилась в его

¹⁶ *Voltaire's Correspondance*, ed. by Th. Bestermann, vol. 64. Genève, 1961, p. 33.

¹⁷ *Walpoliana*, p. 158.

¹⁸ Там же, стр. 164.

¹⁹ Там же, стр. 165.

гряднейших заметках, опубликованных во второй книжке «Услуполианы», сохранившейся в библиотеке Пушкина. На страницах 49—50 этого издания, разрезанных Пушкиным, мы находим три фрагмента: «французский характер», «французская нация» и — особенно важный для нас — «французские философы».

«Я восхищаюсь Вольтером и Гельвецием, — пишет здесь Уолпол, — Руссо мне никогда не нравился. Возьмите много аффектации и немножко безумия (frenzy) и вы получите его характер. Я находил французских философов столь бесстыдными, догматичными и назойливыми, что я презирал их беседу. Более всех других видов порока я ненавижу рассуждающий порок. Сами лишенные принципов, они представляются провозвестниками морали и чувства. Истинные философы древности были замечательны по своей скромности — первому признаку знания и мудрости; и они с почтением относились к народной религии. Наша новая секта — антирелигиозные фанатики, а, без сомнения, из всех человеческих характеров фанатичный философ — наиболее нелепый и, уж поистине, самый смехотворный».²⁰

Отзвуки этого спора слышатся в полемике Пушкина и Вяземского, развернувшейся в 1832 г. на страницах рукописи Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине». Одним из центров этой полемики был вопрос о французских энциклопедистах, о которых Фонвизин несколько раз резко отозвался в своих французских письмах. Poleмика шла вокруг имен Гиббона, Вольтера, Даламбера; как раз в ней на передний план выдвинулись мемуары Гиббона, на которого опирался Вяземский, защищая достоинства французского национального характера. Нет сомнения, что, называя Гиббона в 1834 г. в числе английских адептов Энциклопедии, Пушкин отправлялся от этого спора двухлетней давности. И здесь нам нужно обратить внимание на одно любопытное обстоятельство.

Дело в том, что, защищая энциклопедистов от нападок Фонвизина, Вяземский, быть может и вне зависимости от писем Юма, довольно близко воспроизводит его аргументацию, в частности, в отношении к Даламберу. «Даламберта, Дидерота, Мармонтеля, — замечает Вяземский, — описывает он (Фонвизин) шарлатанами, обманывающими народ за деньги, побродягами, таскающимися по передним вельмож для испрашивания милостыни. — Даламберта, коего бескорыстие обратило на него внимание Европы, когда он отказался от обольстительного приглашения Екатерины, желавшей ему поручить воспитание наследника престола, и от убедительных увещаний прусского короля, предлагавшего ему место в Берлинской академии!» Подчеркнутые слова Пушкин отметил на полях значком NB,

²⁰ Там же, стр. 49—50.

а несколько далее (на л. 78 об.) записал против характеристики Даламбера, что французский философ «был известен своим буффонством»,²¹ как будто прямо подхватывая эпитет, пущенный в оборот Дора и иронические замечания Уолпола. Как бы в продолжение полемики он пишет в одном из черновых вариантов статьи «О ничтожестве литературы русской»: «Когда писатели (речь идет о французских писателях XVIII в., — В. В.) перестали толпиться по передним вельмож, они dans leur besoin de bassesse (в их потребности к низости), обращались к народу, лаская его любимые мнения, или фиглярствуя независимостью и странностями, но с одною целию — выманить себе репутацию или деньги!» (XI, 504). Проблема социальной зависимости писателя стоит для Пушкина особенно остро в период активного наступления «коммерческой литературы» («демократии») на дворянскую культуру; литературная история Франции XVIII в. дает ему возможность ставить проблемы отношения писателя и общественных вкусов, социального поведения литератора и т. д., которые особенно волнуют в этот период его самого. Он ищет как положительные, так и отрицательные примеры, и на помощь ему неожиданно приходит Г. Уолпол. Самый ход рассуждений Вяземского в «Фонвизине» неизбежно приводил Пушкина к недавно прочитанным письмам, где он находил и замечания с «буффонстве» Даламбера, о независимости и странностях, якобы являющихся средством спекуляции, о заигрывании философов с общественным мнением — то, что в его глазах подтверждало и оправдывало впечатления Фонвизина. Пушкин опирается на переписку Уолпола и Юма как на один из исторических источников в ряду других, перерабатывая его показания так же, как перерабатывал некогда его литературно-теоретические высказывания в пределах своей собственной целостной системы — на этот раз социолого-исторической. Воспринятые идеи теряли в ней авторскую принадлежность, и, быть может, поэтому в произведениях Пушкина единичны упоминания имени Уолпола; но они сохраняют для нас интерес не только как один из источников, вливавшихся в эту систему, но и как регистрируемый историко-литературный факт, позволяющий наметить еще одну линию связи, объединявшей разнородные работы и замыслы Пушкина в последнее десятилетие его жизни.

---

²¹ Новонайденный автограф Пушкина (заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине»). Подготовка текста, статья и комментарий В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсона. Изд. «Наука», М.—Л., 1968, стр. 99, также 39, 123—124.

В. В. КРАМЕР

С. Д. ПОЛТОРАЦКИЙ В БОРЬБЕ ЗА НАСЛЕДИЕ ПУШКИНА

Имя известного русского библиографа Сергея Дмитриевича Полторацкого (1803—1884) при жизни Пушкина почти не упоминалось рядом с именем поэта. Свидетельства об их общении крайне немногочисленны. В письмах Пушкина мы находим несколько упоминаний его исключительно в связи с карточной игрой, которой Полторацкий был страстным, но неудачливым приверженцем. Между тем Полторацкому суждено было сыграть весьма заметную роль в деле пропаганды творчества Пушкина за рубежом и сохранения его наследия в России. В настоящей работе мы остановимся на второй из указанных тем; первой в свое время была посвящена обстоятельная статья Ф. Я. Приймы.¹

Знакомство Пушкина и Полторацкого началось очень рано, — есть предположение, что они встречались в доме дяди Полторацкого, А. Н. Оленина, до 1817 г., когда С. Д. Полторацкий уехал в Одессу для продолжения образования в Ришельевском лицее. Не исключена возможность, что знакомство это было продолжено на юге; во всяком случае, П. В. Анненков обращался к Полторацкому за мемуарными сведениями о южной ссылке Пушкина.² В той или иной мере связь эта поддерживалась тем, что Пушкин был знаком или близок с многочисленной родней С. Д. Полторацкого — Полторацкими, А. П. Керн, Олениными.³ В 1827 г. в Москве возобновилось их личное знакомство: вернувшись из Михайловского, Пушкин живет в доме Ренкевичевой

---

¹ Ф. Прийма. С. Д. Полторацкий как пропагандист творчества Пушкина во Франции. «Литературное наследство», т. 58. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 297—307.

² Там же, стр. 299—300.

³ См.: Т. Г. Цявловская. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта. В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1963. Изд. «Наука», Л., 1966, стр. 14—17.

у Соболевского, с которым Полторацкий был дружен. По-видимому, в сентябре 1826 г. Пушкин собственноручно вписывает в альбом Полторацкого две последние строфы стихотворения «Кинжал».⁴ В 1826—1827 гг. Полторацкий — активный сотрудник «Московского телеграфа», он принадлежит к кругу Полевых и отчасти Вяземского и, по-видимому, встречается с Пушкиным довольно часто.⁵ Как раз к этому времени относятся письма Пушкина с упоминанием Полторацкого как своего партнера по игре в карты (письмо к С. А. Соболевскому от 15 июля 1827 г. уже из Петербурга — Акад., XIII, 331 — и к М. П. Погодину из Михайловского 31 августа 1827 г. — там же, стр. 340); через год, 1 сентября 1828 г., Пушкин сообщает Вяземскому о новых, причем неоднократных, встречах за карточным столом с Киселевым и «Полторацкими» (XIV, 26), одним из которых был, несомненно, Сергей Дмитриевич.⁶

Это — бытовой аспект общения. Были и другие. В записке Погодину от 31 августа 1827 г. находим характеристику: «Журнальный сыщик Сережа глуп...» (XIII, 340). Она несомненно относится к Полторацкому и осмысливается только в контексте литературной борьбы. К 1827 г. определилось настороженное, хотя еще и не враждебное отношение Пушкина к «Московскому телеграфу», а с другой стороны, выявился антагонизм между журналом Полевого и погодинским «Московским вестником», в котором активно сотрудничал Пушкин. Фраза о «журнальном сыщике» в известной мере дань литературным антипатиям Погодина и не исчерпывает отношения Пушкина к Полторацкому. Между прочим, она показывает, что псевдонимы «Московского телеграфа» не были в полной мере известны Пушкину. Как раз Полторацкий этим псевдонимом не пользовался, под ним скрывались братья Полевые и иногда Вяземский.⁷

---

⁴ «Голос мицувшего», 1923, № 1, стр. 22. — Описание этого альбома см.: Отчет Публичного и Румянцевского музея за 1886—1888 гг. М., 1889, стр. 104; автограф Пушкина ныне в ИРЛИ — см.: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом после 1937 г. Краткое описание. Сост. О. С. Соловьева. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 20 (№ 898).

⁵ Ср., например, упоминание о вечере у Полевого 19 февраля 1827 г. где присутствовали Пушкин, Вяземский, Полевые, Ф. Малевский, А. Мицкевич, И. И. Дмитриев, Е. А. Баратынский, С. Д. Полторацкий (см.: Т. Цявловская. Пушкин в дневнике Франтишка Малевского. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 266; В. Салинка. Письма Н. А. Полевого к С. Д. Полторацкому. В уч. зап. Литовского унив. — «Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Literatūra», IX, 1966, стр. 308—309).

⁶ См. комментарии к этим письмам в кн.: Пушкин. Письма I—III. Изд. «Academia», М.—Л., 1926—1935; а также комментарий М. А. Цявловского к записке А. С. Пушкина к Полторацкому от 25 III 1829 г. «Голос мицувшего», 1920—1921, стр. 120.

⁷ См.: М. И. Гиллельсон. Указатель статей и других прозаических произведений Вяземского с 1808 по 1837 г. Уч. зап. Горьковского унив., серия филологическая, вып. 58. Горький, 1965, стр. 321—322.

Связь с Полторацким Пушкин сохраняет и в 1829 г., в период обострения отношений с Полевым, которое закончилось напряженной литературно-общественной борьбой 1830—1831 гг. Во всяком случае, 2 апреля 1829 г. Пушкин дарит ему экземпляр только что вышедшей «Полтавы» с надписью: «Полторацкому от Пушкина. 2 апреля 1829. Москва».⁸ На этом эпизоде стоит остановиться подробнее.

Пушкин, конечно, знал, что С. Д. Полторацкий с молодых лет был библиографом и библиофилом, печатавшимся в ряде русских и иностранных изданий, что он был обладателем известной в России библиотеки, находившейся в его родовом имении Авчурино. Однако не только это побудило Пушкина подарить Полторацкому экземпляр «Полтавы». К 1849 г. относится запись Полторацкого следующего содержания: «Оленина, Анна Алекс., дочь Алексея Никол. и Елизаветы Марковны, в замужестве за полковником Фед. Алекс. Андро (1839), сыном покойного графа Ланжерона. Стихи о ней и к ней Александра Пушкина: 1) Посвящение поэмы „Полтава“, 1829, в „Сочинениях“, т. 2, 1838, стр. 261; 2) „Я вас любил“ (т. 4, стр. 142, 1841); 3) „Ее глаза“ (т. 9, стр. 142, 1841) 7 марта 1849. Потвердила мне это сама, сегодня, и сказала еще, что стихотворение „Ты и вы“ относится к ней (СПб., воскр. 11 дек. 1849)».⁹ Это сообщение Полторацкий повторяет и позднее в рукописном сборнике «Мой словарь русских писательниц...»: «Оленина, Анна Алексеевна, 1828. Посвящение ей „Полтавы“. Текст в издании Я. А. Исакова. СПб., 1859. Две строфы, 16 стихов (далее идет текст посвящения, идентичный всем текстам в изданиях сочинений Пушкина). Печатано курсивом, без означения имени Олениной. В Сочинениях Пушкина, издание Д. А. Исакова, СПб., 1859, т. 2-й, стр. 211—212».¹⁰ Запись сделана в Ницце, 19 ноября 1878 г.

Записи эти представляют первостепенный интерес. Если сведения Полторацкого достоверны, то ими разрешается длительный спор об адресате стихотворения «Я вас любил» и посвящения «Полтавы», т. е. о предмете так называемой утаенной любви Пушкина. В какой мере можно полагаться на сведения Полторацкого? Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что два из четырех названных стихотворений («Ты и вы», «Ее глаза»), несомненно, обращены к Олениной. В то же

---

⁸ Воспроизведение этой обложки см.: «Литературное наследство», т. 16—18. Изд. журн-газ. объедин., М., 1934, стр. 491.

⁹ РО ГБЛ, ф. 233 (Полторацкого), картон 38, ед. хр. 45.

¹⁰ РО ГПБ, ф. 603 (Полторацкого), ед. хр. 299, л. 57. — См. анализ «цикла» в статье Т. Г. Цявловской «Дневник Олениной» («Пушкин. Исследования и материалы», т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 247—292). Ср. также: М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 386 и сл.

время в перечень Полторацкого — Олениной не вошли некоторые другие посвященные ей стихи. Очевидно, что у Олениной не было намерения искусственно увеличить список за счет стихов с сомнительными адресатами, добросовестность же Полторацкого как библиографа достаточно хорошо известна. Речь может идти только об ошибке, семейной легенде. Вероятность такой ошибки уменьшается тем, что запись Полторацкого говорит, по-видимому, о двух взаимно корректирующих свидетельствах, из которых первое, добытое самим Полторацким, было лишь подтверждено вторым (словами Олениной). Относительно стихотворения «Я вас любил» мы имеем несколько свидетельств родственников Олениной об автографе Пушкина, вписавшего это стихотворение в ее альбом. Если это и было, как предполагает Т. Г. Цявловская, переадресовкой стихотворения, то Оленина, естественно, знать об этом не могла, и у нее были прямые фактические основания относить это стихотворение к себе. Важно, что свидетельство это восходит непосредственно к словам самой Олениной, в то время как данные, которыми мы располагали до сих пор, получены от потомков Олениной и относятся к чрезвычайно позднему времени (1934 и 1935 гг.). Данные эти получают, таким образом, серьезное подкрепление.

Более существенной является двукратная запись Полторацкого об адресате посвящения «Полтавы». Как известно, по сие время он не установлен окончательно. Доказательство П. Е. Щеголева, что им была М. Н. Волконская, опирается на косвенные данные преимущественно психологического порядка и ныне принимается большинством исследователей лишь за неимением прямых свидетельств. Уместно отметить, что предположение П. Е. Щеголева уже было подвергнуто сомнению, например, Б. В. Томашевским.¹¹ Запись Полторацкого является первым и единственным таким свидетельством. Не являясь окончательным и бесспорным решением пушкиноведческого спора, идущего уже несколько десятилетий, она в то же время дает едва ли не наиболее вероятную из всех возможных кандидатур. Как мы уже отмечали, список Полторацкого — Олениной оказывается несомненным или почти несомненным в отношении трех названных в нем стихотворений. Это повышает степень достоверности четвертого сообщения. Заметим при этом, что Полторацкий повторяет его дважды — в 1849 и в 1872 году, причем в чрезвычайно категорической форме, чего он никогда не делал

---

¹¹ См.: П. Е. Щеголев. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. XIV. СПб., 1911, стр. 17—181, 200—210. — О современном состоянии вопроса см.: «Пушкин. Итоги и проблемы изучения». Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 388; а также комментарий Б. В. Томашевского в издании: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 563—564.

в случае каких-либо сомнений (см. ниже). По-видимому, семейная традиция (как известно, А. А. Оленина была кузиной С. Д. Полторацкого) связывала посвящение «Полтавы» с именем Олениной. Текст посвящения не противоречит, а косвенно подтверждает сообщение Полторацкого. Прощальные строки поэта о «непризнанной любви», которая «некогда» принадлежала Олениной, как будто перекликаются со стихотворением «Я вас любил, любовь еще, быть может» и производят впечатление принадлежащих к тому же лирическому циклу; они были естественны в посвящении Олениной осенью 1828 г., когда была закончена «Полтава». 5 сентября 1828 г. Пушкин прощается с Олениной перед отъездом в деревню: черновые рукописи 1-й песни «Полтавы», писавшиеся вслед за тем, испещрены портретными зарисовками Олениной и записями ее имени. Быть может, экземпляр «Полтавы», подаренный Пушкиным Полторацкому сразу же по выходе, не только дань библиофильскому увлечению Полторацкого, но и результат укрепившихся дружеских связей с ближайшей родней Олениной. Небезынтересно и то, что как раз к 25 марта 1829 г. относится единственная записка Пушкина к Полторацкому (XIV, 40), необыкновенно интимный тон которой «свидетельствует об особенной симпатии, постоянном общении Пушкина с Полторацким в это время».¹² Эта записка — последняя, написанная Пушкиным перед отъездом в Арзрум, причем путь его лежит через Грузины, именуя дяди С. Д. Полторацкого — К. М. Полторацкого, которого связывали с племянником не только родственные отношения, но и интеллектуальные интересы.¹³

У нас нет сведений, встречались ли Пушкин и Полторацкий до 1836 г. В 1830—1832 гг. Полторацкий был во Франции и принимал участие в июльских событиях, а по возвращении на родину жил главным образом в Авчурине.¹⁴ Последняя документально засвидетельствованная встреча его с Пушкиным относится к 29 апреля 1836 г., когда Пушкин подарил ему свое собрание петербургских и московских «Ведомостей». Об этом эпизоде известно по статье В. Сорокина,¹⁵ который описал самые экземпляры газет, проданные в 1868 г. Полторацким Публичной библиотеке для заполнения лакун библиотечной коллекции. Автор статьи сообщил, что на заглавном форзаце каждого тома

---

¹² Т. Г. Цявловская. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго», стр. 17.

¹³ Ср. запись (недатированную) С. Д. Полторацкого в одном из томов «Моего сборника биографического»: «Константин Маркович Полторацкий, дядя мой. Разговор его с Наполеоном в 1814 г. Дядя диктовал мне этот разговор в селе своем Грузинах. Я напечатал его в 1855 году» (РО ГПБ, ф. 603 (Полторацкого), ед. хр. 291, л. 73 об.).

¹⁴ Об этом периоде жизни Полторацкого см.: О. В. Орлик. Россия и французская революция 1830 г. Изд. «Мысль», М., 1968, стр. 142—147.

¹⁵ В. Сорокин. Собрание «Ведомостей» С. Д. Полторацкого. «Книжные новости», 1937, № 23—24, стр. 67.

рукою С. Д. Полторацкого сделана надпись: «От А. С. Пушкина. СПб., 29 апреля 1836 г.», а «на полях некоторых страниц „Ведомостей“ уцелели от ножа переплетчика надписи: „Его превосходительству генералу-поручику Загряцкому,“ (дед Натальи Николаевны Гончаровой). Эти книги в числе других были взяты Пушкиным в имении его тещи, в Яропольце, о чем он писал Н. И. Пушкиной 26 августа 1833 г.: «Я нашел в доме старую библиотеку, и Наталия Ивановна позволила мне выбрать нужные книги» (XV, 74).

Сейчас мы имеем возможность пополнить сообщение В. Сорокина новыми данными. В архиве Полторацкого в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина сохранились два сделанных его рукой списка с означением всех номеров газет, переданных ему Пушкиным. Списки эти — распространенный (редакция «А») и краткий (редакция «Б»), — датированы 13 мая 1854 г. — в совокупности своей дают точное представление о составе собрания, бывшего в течение двух с половиной лет в библиотеке Пушкина. Приводим сводный перечень номеров, в основу которого положен список «А» (сведения, взятые из списка «Б», особо оговорены).

«От Александра Пушкина, в Петербурге 29 апреля 1836, получено в подарок Ведомостей

С.-Петербургских

- 1) 1757 г., № 12 и <№> 13;
- 2) 1759 г., 1 <одна> часть, полная без № 71 и № 103; без <№№> 819—822 («Б»);
- 3) 1760 г. неполн<ый> (без одного номера в одной части) («Б»), 1761 г. в 1-й <одной> части («Б»);
- 4) 1764 г. неполн<ый> (без одного номера) в перепл<ете> в саф<ьяновом> с зол<отым> обр<езом>;
- 5) 1765 г. (в 2-х частях. Полн<ый>). Не было № 51. Пополнил — также и перепл<ел>;
- 6) 1766 г. (в 1 <одной> части №№ 3—60). Не б<ыло> №№ 1, 2, 61—104;
- 7) 1767 г. (в одн<ой> части). Полн<ый> (ибо пополн<ил>);
- 8) 1768 г. (без №№ 1—52) (В 1-й <одной> части). Не разоб<рал> еще;
- 9) 1769 г. (в 2-х частях).

Московских

- 1) 1757 г. перепл<етено> в книгу под заглавием „Петербургские ведомости“ к № 5 («Б»)¹⁶.

¹⁶ РО ГБЛ, ф. 233 (Полторацкого), картон 5, ед. хр. 63. Список книг, полученных в подарок от А. С. Пушкина 1836, апрель 29.

Первое выступление Полторацкого с печатным отзывом о Пушкине относится, по-видимому, к 1821 г.; есть предположение, что именно ему принадлежит анонимная записка в февральском номере «Revue encyclopedique», переписанная затем Пушкиным в свою тетрадь.¹⁷ В следующем году Полторацкий помещает в том же журнале новую статью с подробным разбором «Вольности» и «Деревни», которые «были причиной преследования правительством молодого поэта, высланного в Бессарабию». Можно думать, что интерес Полторацкого к бесцензурным стихам Пушкина отчасти и был причиной того, что Пушкин в 1826 г. вписывает в его альбом заключительные строфы «Кинжала».

Став деятельным сотрудником «Московского телеграфа», Полторацкий продолжает пропагандировать творчество Пушкина на страницах журнала Полевого. Уже в это время он начинает собирать рукописи Пушкина: в его архиве в ГБЛ сохранилась обложка с пометой его рукой: «Собственноручные рукописи А. Пушкина. Две статьи в прозе и одно стихотворение, напечатанные в „Московском телеграфе“ 1825 и потом в „Русском вестнике“ 1842 в Петербурге. Подарены мне Полевым 18 апреля 1826. Москва. (Москва, 28 мая 1853)».¹⁸

К 1826 г. относится заметка Полторацкого «Литературные надежды»,¹⁹ где автор приводит сведения о том, что будет печататься в 1826 г., и называет пушкинских «Цыган»; он сообщает также об окончании «Бориса Годунова» и заканчивает статью словами: «Вот надежды, на которые полагаясь, мы осмеливаемся думать, что русская литература 1826 г. будет замечательнее прошедшего и запрошедшего годов».²⁰

Двумя годами позднее Полторацкий помещает в «Московском телеграфе» небольшую заметку о «Цыганах» в переводе

---

¹⁷ Ф. Я. Прийма. С. Д. Полторацкий как пропагандист творчества Пушкина во Франции. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 298. См. также: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 486.

¹⁸ РО ГБЛ, ф. 233 (Полторацкого), картон 164, ед. хр. 26. — Речь идет о статьях «О г-же Сталь и г. А. М-ве» (вторично в «Русском вестнике», 1842 г.) и «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова». В настоящее время автографы эти находятся в ИРЛИ (см.: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом после 1937 г., №№ 1070, 1072); обе статьи имеют сертификацию Полторацкого. Стихотворение — видимо, «Ex ungue leonem» (см. там же, № 889); впрочем, у Полторацкого был и автограф стихотворения «Цветы последние милей», находившиеся в особой обложке (там же, № 890). Таким образом, в руках Полторацкого сосредоточились, по-видимому, все автографы Пушкина, которыми располагала Полевая в 1825 г.; стихи «Друзьям» и «Телега жизни» были присланы Пушкиным в письма Вяземскому 29 ноября 1824 г. и 25 января 1825 г. (Акад., XIII, №№ 119, 129) и печатались в «Московском телеграфе» по спискам.

¹⁹ «Московский телеграф», 1826, № 4, отд. 2, стр. 111.

²⁰ Там же, стр. 116.

Ж.-М. Шопена. Как известно, Шопен, сотрудник «Revue encyclopedique», был переводчиком и «Бахчисарайского фонтана», кстати, присланного в редакцию журнала самим же Полторацким в апреле 1824 г., т. е. сразу же по выходе книги. «Удачный перевод „Бахчисарайского фонтана“ (о котором писал «Revue encyclopedique» и «Московский телеграф»), — замечает Полторацкий, — предупреждает в пользу нового перевода и заставляет радоваться, что лучшие произведения русской музы достаются на долю таким искусным прелазгателям, каков Шопен. <...> Он приступил также к переводу „Кавказского пленника“, „Онегина“ и вместе с приятелем своим г-ном Геро... намеревается особо знакомить Францию, а следовательно, и весь просвещенный мир со всеми замечательнейшими произведениями русской словесности».²¹

Основная деятельность Полторацкого по собиранию наследия Пушкина и очищению его от посторонних наслоений приходится на вторую половину XIX в.

Первая библиографическая работа о Пушкине, появившаяся в России менее чем через десять лет после смерти поэта, была связана с именем Полторацкого. Это были «Заметки для будущих издателей Пушкина. Письма к Полторацкому», напечатанные долгодетним другом и сотрудником Полторацкого И. А. Безсоновым в «Отечественных записках» 1846 г.²² Обращаясь к Полторацкому в традиционной форме «писем», Безсонов разбирает недостатки первого посмертного издания Сочинений Пушкина 1838—1841 гг., сравнивая его с текстами пушкинского «Современника» и считая основным недостатком издания неправильное, несистематическое размещение произведений поэта. Выбор Полторацкого в качестве адресата был не только актом дружеской приязни: на протяжении многих лет Полторацкого не покидала мысль о подготовке критического издания собрания сочинений Пушкина. 18 июля 1846 г. он пишет Безсонову: «Ради вас занялся сочинениями Пушкина. Какое множество напечатанного пропущено в глупом издании XI томов. Ну, будет вам на ваши заметки лет на 10, и писем лет на 100».²³

²¹ Там же, 1828, № 2, стр. 279—280.

²² «Отечественные записки», 1846, т. XIV, № 4, отд. VIII, стр. 109—119; № 5, отд. VIII, стр. 34—44; № 6, отд. VIII, стр. 121—131. — Ср. заметку Полторацкого о Безсонове в одном из его рукописных сборников, сделанную в Веве, 25 ноября 1874 г.: «Безсонов И. А. Увы! 22 июня 1848 скончался в Петербурге, и по прошествии 26 лет друг мой пребывает для меня незабвенным и незабываемым».

²³ РО ГБЛ, ф. 233 (Полторацкого), картон 2, ед. хр. 55, л. 4.

По-видимому, не удовлетворили его и издания Анненкова и Геннади; уже в 1875 г. престарелый библиограф, живя постоянно за границей, но также живо интересуясь жизнью России и ее литературой, записывает в связи с изданием Сочинений Державина Я. К. Гротом: «О, если бы каким магическим железом поручено было Гроту издать сочинения Пушкина! Тогда у нас было бы два примерных сокровища: издание Державина и Пушкина, и оба поэта имели бы незабываемый и достойный их памятник! Долго ли нам пробавляться теми безобразными изданиями, которые мы имеем до сих пор (январь 1875). А прошло уже 38 лет со времени его кончины, и нет еще издания, его достойного» (запись от 8/20 янв. 1875 г. Вебе). Спустя день Полторацкий снова возвращается к этой теме: «Последнее петербургское издание Пушкина (1870—71) имеет в заглавиях слова: Полное собрание сочинений Пушкина. Позволительно ли морочить нас возможностью полного издания? Мыслимо ли это? Скажите, в каком подземном, подземельном томе изволили бы вы напечатать „Гавриилиаду“». ²⁴

Этот нередкий у библиофилов второй половины века и вполне понятный для современника скептицизм по отношению к идее абсолютной полноты издания отнюдь не мешал Полторацкому в его работе по разысканию неизвестных произведений Пушкина. Работу эту он планомерно вел в течение десятилетий. Мы упоминали уже о хранившихся в его собрании автографах Пушкина. В 1862 г. он выступил в качестве публикатора и комментатора одного из них — стихотворения «Я видел вас, я их читал», ²⁵ написанного 20 октября 1826 г., т. е. в период интенсивного общения Пушкина с Полторацким. Стихотворение было напечатано и прокомментировано Полторацким с редким знанием исторических и бытовых реалий: даже если иметь в виду, что Полторацкий, по-видимому, знал адресата стихотворения — Е. А. Тимашеву, комментарий такого рода не мог явиться иначе, как в результате специальной исследовательской и собирательской работы. ²⁶

Особое внимание Полторацкий уделяет, однако, «не бывавшим в печати» стихам Пушкина. Как мы уже отмечали, интерес к бесцензурным пушкинским произведениям он проявляет еще

---

²⁴ РО ГПБ, ф. 603 (Полторацкого), ед. хр. 290, лл. 552, 553, 554. — Об отношении Полторацкого к «Гавриилиаде» см.: Н. Я. Эйдельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». Изд. «Мысль», М., 1966, стр. 38.

²⁵ С. Д. Полторацкий. Подлинный, собственноручный текст стихотворения, написанного Пушкиным в 1826 г. в альбом Е. А. Тимашевой. «Наше время», 1862, № 228, 24 октября.

²⁶ См. исследование Ф. Я. Приймы, посвященное этому стихотворению. «Литературный архив», т. 4. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 11—22. — Ср. также: М. И. Гиллельсон. Письмо А. Х. Бенкендорфа к П. А. Вяземскому о «Московском телеграфе». «Пушкин. Исследования и материалы», т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 423.

в 1820-е годы. В коллекции Полторацкого находилось несколько сборников произведений Пушкина в копиях, сделанных или исправленных им самим; в ряде случаев сборники эти служат источником текста бесцензурных произведений Пушкина.²⁷ Через руки Полторацкого прошли и ныне утраченные пушкинские материалы; некоторые из них были использованы издателями Пушкина, начиная с Анненкова и Бартенева.²⁸ Укажем, например, на список эпиграммы «В Академии наук» (датируется временем до 26 июня 1843 г.) с пометкой Полторацкого: «С собственноручной рукописи Пушкина (от Хлюстина)».²⁹ Это тот самый список, с которого была сделана копия Бартенева, служащая ныне источником текста. Он-то и должен теперь указываться в качестве источника текста, хотя копия Бартенева точна и самый текст остается, таким образом, без изменений. Несомненный еще интерес представляет и другая запись Полторацкого по поводу старого дела об «Андрее Шенье»: «Павел Воинович Нащокин (бывший с Пушкиным в самых тесных, дружеских связях) сказывал мне сегодня, что Пушкин писал к государю и государь приказал оставить всякое исполнение по этому делу (Москва, 9 авг. 1851 г.)». Справедливость этих известий мы сейчас проверить не можем; о письме Пушкина по поводу «Андрея Шенье» никаких сведений нет. (Не исключена возможность, что Нащокин смешал дело об «Андрее Шенье» с близким по времени делом о «Гавриилиаде»). К этой мемуарной записи приложены выписки из подлинного дневника М. А. Корфа (1826—1828) со сведениями об этом деле.³⁰

Непосредственным продолжением этой деятельности Полторацкого по собиранию и изучению бесцензурных стихов Пушкина было сотрудничество его с Герценом и Огаревым. В исследовательской литературе уже было высказано мнение, что именем Полторацкого открывается история борьбы за пушкин-

---

²⁷ 1) Так называемая тетрадь Лонгинова—Полторацкого, содержащая копии ранних лицейских стихов, политической лирики 1820-х годов, «Гавриилиады» и др. Описание ее см. в заметке П. К. Симоны «Неизданный труд М. Н. Лонгинова о Пушкине (1855—1856)» в кн.: М. Н. Лонгинов, Сочинения, т. I, М., 1915, стр. 573—576. 2) Сборник «Рукописные стихотворения». Тетрадь I, датированная 22 ноября 1857 г. и заключающая бесцензурные стихи. — Ныне хранится в ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 101. Характеристику ее см.: М. А. Цявловский. «Статья о Пушкине. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 31. 3) Тетрадь в переплете с копиями «Деревни», элегии «Погасло дневное светило» и др. (Хранится в ГБЛ).

²⁸ См., например: А. С. Пушкин, Сочинения, т. II. Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855, стр. 92; Акад., I, 441 (указание на строфу стихотворения «Козак», сообщенную Полторацким); «Библиографические записки», 1858, № 22, стлб. 688; Из пушкинианы П. И. Бартенева. Публ. и комм. М. Цявловского. В кн.: Летописи Гос. лит. музея. Кн. I. Пушкин. М., 1936, стр. 491—547.

²⁹ РО ГБЛ, ф. 233 (Полторацкого), картон 42, ед. хр. 2.

³⁰ Там же, ед. хр. 21.

ское наследство на страницах вольной русской печати; он был первым русским, пославшим Герцену отзыв на первую книгу «Полярной звезды», который был напечатан вместе с ответом Герцену во втором выпуске альманаха.³¹ Полторацкий указывал Герцену на неверную датировку второго послания к Чаадаеву и пенял ему за упоминание в «Полярной звезде» книги Галле де Кюльтюра «Царь Николай и Святая Русь», где напечатана сплетня о Милорадовиче и Пушкине.³² В работе Н. Я. Эйдельмана «Тайные корреспонденты „Полярной звезды“» мы находим ряд фактов, свидетельствующих, что Полторацкий систематически отправлял в Лондон запрещенные в России издания и списки неизданных стихотворений Пушкина. Вместе с тем, как и в приведенном выше случае, Полторацкий не ограничивался только ролью простого корреспондента. В своих заметках и переписке он постоянно возвращается к критическому анализу пушкинских материалов в «Полярной звезде». В последнее время Н. Я. Эйдельман опубликовал интереснейший отрывок из письма Полторацкого к Бартеневу от 19/31 октября 1876 г., содержащий критику легенды об игре в карты на письма Рылеева. Легенда эта была рассказана в примечании Герцена к публикации писем Рылеева к Пушкину в книге 6-й «Полярной звезды». Примечание гласило: «Списаны с копии, находящейся у С. Д. П. и сделанной сим последним с самого оригинала. С. Д. П. несколько раз просил у Пушкина этих писем для того, чтобы списать их. Пушкин все отказывался, обещаясь подарить ему самые письма. Раз за игрою П. ставил 1000 р. ассигнациями и предлагал Пушкину против этой суммы поставить письма Рылеева. В первую минуту Пушкин было согласился, но тотчас же опомнился, воскликнув: „Какая гадость проиграть письма Рылеева в банк! Я подарю вам их“. Но Пушкин все откладывал исполнение своего обещания, так что П. решился как-то перехватить их у него и списал. После этого Пушкин все не отступался от намерения подарить их ему, как говорит П., вероятно, все забывал».³³ В связи с этим Полторацкий писал П. И. Бартенеvu: «...я говорю о неверных, вздорных, сверх того, бестолковых строках в 6-ой книге Герценовской „Полярной звезды“, изданной в Лондоне в марте 1861 года на стр. 33 о метании будто бы в банке (вместо денег) подлинных писем Рылеева к Пушкину; это относилось в конце 1826 года к одной главе

---

³¹ Н. Я. Эйдельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», стр. 8—46.

³² «Полярная звезда» А. И. Герцена и Н. П. Огарева на 1856 г., кн. 2 (факсимильное издание). Изд. «Наука», М., 1966, стр. 251—252.

³³ «Полярная звезда», кн. 6 (факсимильное издание). Изд. «Наука», М., 1968, стр. 33.

Онегина, которой Пушкиным тогда не было еще написано ни одного стиха».³⁴

Разыскание затерянных в старой журнальной литературе произведений Пушкина неизбежно влекло за собой и иную задачу — очищение корпуса будущего собрания сочинений от наслоений многочисленной псевдопушкинианы. В этой связи представляет некоторый интерес история розысков первых печатных произведений Пушкина, в которой Полторацкий принял непосредственное участие. В 1856 г. «Северная пчела» со слов Полторацкого сообщила тщательно собранные им из печатных источников сведения о хронологии появления «Послания к другу-стихотворцу», уведолив читателей и о другом «драгоценном открытии» библиографа — стихотворении «Страшный суд» за подписью «А. Пушкин», помещенном в № 7 «Санкт-петербургского вестника» за 1812 г.³⁵ Стихотворение оказалось переводом из Жильбера, принадлежащим Алексею Михайловичу Пушкину, известному переводчику «Тартюфа»; сведения эти, полученные от Вяземского, Полторацкий поспешил опубликовать спустя несколько дней,³⁶ таким образом публично признавшись в своей ошибке. С. А. Соболевский не оставил без внимания этот промах и осыпал друга-библиографа градом насмешек; из ответных писем Полторацкого видно, насколько тяжело он переживал эту свою ошибку.³⁷ Однако как раз этот эпизод, по-видимому, побудил Полторацкого собрать данные о всех поэтах, подписывавшихся «А. Пушкин». Во всяком случае, в «Рассказах о Пушкине, записанных со слов его друзей П. И. Бартевым в 1850—1860 годах» мы находим следующее примечание Бартева: «Доселе еще не разыскано, какие первые стихи написал Пушкин на русском языке. Перебирая Труды Общества любителей русской словесности, я встретил там стихи „На смерть Кутузова“ и под ними подпись „Пушкин“. Но, по уверению Полторацкого, они принадлежали Алексею Пушкину, о чем Полторацкий знает, кажется, от самого автора или от его родственников. Полторацкий насчитал до 9 (если не более) Пушкиных-писателей».³⁸ Эта ошибка приучила Полторацкого к осторожности, которая в иных случаях даже оказывалась чрезмерной. В 1858 г., когда С. А. Соболевский напечатал в «Библиографических записках» письма Пушкина к брату Льву,³⁹ Полторацкий немедленно откликнулся письмами к Собо-

³⁴ «Полярная звезда», кн. 9. Комментарии и указатели. Изд. «Наука», М., 1968, стр. 122.

³⁵ «Северная пчела», 1856, 10 июля (№ 153).

³⁶ Там же, № 158.

³⁷ См.: ЦГАЛИ, ф. 450 (Соболевского), оп. 1, ед. хр. 22.

³⁸ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860 годах. М., 1925, стр. 50 — Ср. также стр. 124.

³⁹ «Библиографические записки», 1858, т. I, № 1, стлб. 5—6.

левскому и Лонгинову. К сожалению, мы не располагаем письмами самого Полторацкого, но по ответам Соболевского и Лонгинова можно заключить, что Полторацкий подверг сомнению авторство Пушкина в отношении эпиграммы «Иной имел мою Аглаю» (в письме Пушкина Льву Сергеевичу от 24 января 1822 г.) и склонен был приписывать ее известному своим бретерством и нескромными стихами Р. И. Дорохову. Соболевский отвечал 14 марта 1858 г. со свойственной ему запальчивостью и нетерпением: «Что за прекрасное доказательство — рукоблудие Руфима Ивановича Дорохова!.. Эту эпиграмму читал мне Пушкин, я знаю имена Аглаи, Француза, Клита и Дамона, знаю, за что ее написал автор и чем был рассержен на Аглаю... Также знаю, что Дорохов в 1819 году или в 1820 был сослан солдатом на Кавказ, где и прожил лет 10 безвыездно, писал, не пользуясь авторской славой, которая могла бы перенести его стихи через Эльбрус и Черный Понт в Кишинев или Десну en l'an de grâse* в 1822. Вот исторические данные, и положим, что их нет и что рассудить дело нужно по логическим и моральным. Что следует допустить, знаменитый поэт Пушкин отжил ли стихи у неизвестного Дорохова? Честный Пушкин украл у Дорохова, известного плута, канальи и мерзавца, или Дорохов у Пушкина? — или ты не знаешь, что такое был Дорохов, un de nos bons amis les coquins? ** Правда, что Пушкин пишет брату: вот тебе моя эпиграмма, но весь склад речи и предостережение ее не распускать ясно утверждают, что он выдавал ее за свою».⁴⁰ 14 марта 1858 г. М. Н. Лонгинов в ответном письме Полторацкому также с уверенностью сообщает: «Пушкин не стал бы сообщать брату чужой эпиграммы и притом не называя автора, да еще прося не распускать ее, видно, он сам не хотел быть замешан в дело, если она разойдется».⁴¹

* от рождества Христова (франц.).

** один из самых отъявленных мошенников (франц.).

⁴⁰ РО ГПБ, ф. 603 (Полторацкого), ед. хр. 189, л. 35—36.

⁴¹ Там же, ед. хр. 145, л. 1. — В Рукописном отделе Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 233, картон 43, ед. хр. 37) хранятся следующие записи Полторацкого по этому поводу, которые он, вероятно, изложил в письмах своих к Соболевскому и Лонгинову: «Это стихотворение написано не Пушкиным, а Дороховым. (Дорохов — сын знаменитого генерала, освободителя Верея, товарищ Пушкина среди оргий жизни шумной, служил в гвардии и за дуэль был сослан на Кавказ. Там он жил и убит в сражении. Нам сообщили подлинник этой эпиграммы, написанной рукой Дорохова и подаренной им одному приятелю. Мы внесем эту рукопись в императорскую Публичную библиотеку как любопытный литературный документ). Заметьте, что Пушкин не называет его (стихотворение, — В.К.) своим, указание его, что «в нем каждый стих правда», еще более подтверждает наше показание. Во-вторых, многие места этих писем могут набросить тень на образ мыслей и характер Пушкина. Ни литература русская, ни личность Пушкина не потеряли бы ничего, если бы были исключены эти места, оскорбляющие нравственность читателя.

Непосредственно с псевдопушкинианой связаны и некоторые другие записи Полторацкого. Так, в 1864 г. он упрекает издателей «Русской потаенной литературы» в приписывании Пушкину эпиграммы «Для чего, скажи мне, Вигель». ⁴² «Если не ошибаюсь, — замечает он, — эта эпиграмма списана С. А. Соболевским, который неоднократно говорил мне, что множество из его стихов напечатаны в Сочинениях Пушкина как принадлежащие Пушкину». ⁴³ В сборнике 1872—1874 гг. он, напротив, собирал печатные данные об авторстве Пушкина в отношении эпиграммы на Карамзина («Послушайте, я сказку вам начну»), опубликованную дважды с именем Грибоедова; ⁴⁴ тем самым он исправляет и неверную атрибуцию в своем собственном списке. ⁴⁵

Особой областью занятий Полторацкого было библиографирование переводов Пушкина на иностранные языки. На необходимость работ такого рода обращал внимание еще И. А. Безсонов в своих статьях 1846 г. ⁴⁶ Он сожалел, что эти работы ведутся, как правило, от случая к случаю, и прямо обращался к Полторацкому: «Мне известно, что вы, дорожа всем, что относится к родному языку и писателям нашим, усердно собираете и храните многие из тех платежных расписок, которые выданы Европою, а в особенности Францией <...> представителям нашей образованности и нашего родного слова». ⁴⁷ Полторацкий ответил своему другу письмом от 21 июля 1846 г. (Безсонов находился в это время в Германии): «Вы пишете об указаниях на французские переводы Пушкина и говорите, что о них кое-где упо-

---

Список подлинной рукописи Дорохова:

Иной имел младую Фрину
За деньги иль свой черный ус,
Иной ее клал на перину,
Как итальянец иль француз,
Иной — что был собой картина,
Иной — что голосисто пел, —
Теперь скажи, моя мне Фрина,
За что твой муж тебя имел?»

⁴² Русская потаенная литература XIX столетия. Отд. I. Стихотворения, ч. I. Лондон, 1861, стр. 91. — Полторацкий ссылается на «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений» (Берлин, 1861), где в предисловии, подписанном «Русский», непринадлежность этой эпиграммы Пушкину повторена (стр. 11).

⁴³ РО ГИБ, ф. 603 (Полторацкого), ед. хр. 290, л. 481.

⁴⁴ «Русская старина», 1872, № 5, стр. 766; вторично «Русский вестник», 1873, № 9, стр. 235. — Ошибка была указана в «Русской старине» (1872, № 9, стр. 296) со ссылкой на сведения П. В. Анненкова (Пушкин, Собрание сочинений, т. I, 1871, стр. 525). В другом месте Полторацкий ссылается также и на письмо Вяземского Лонгинову от 17/19 декабря 1873 г. («Русский архив», 1874, февраль, стлб. 0545).

⁴⁵ См.: Акад., II, 1025.

⁴⁶ «Отечественные записки», 1846, т. XIV, № 4, отд. VIII, стр. 109—119; № 5, отд. VIII, стр. 34—44; № 6, отд. VIII, стр. 121—131.

⁴⁷ Там же, № 6, отд. VIII, стр. 121—131.

минается вскользь. Тут страдает литературное самолюбие вашего корреспондента СДП (Сергея Дмитриевича Полторацкого, — В. К.) — как же было вам не сказать ему в конце вашего 4-го письма, что он не вскользь, а подробно, *con amore*, и с чувством-расстановкой означил и продолжает означать французские переводы в его *Russie et France littéraires*». ⁴⁸

Претензия Полторацкого была вполне законна. В течение ряда лет он сообщал русским читателям в «Московском телеграфе» и французским — в «Revue encyclopedique» о переводах сочинений Пушкина. Информации этого рода он продолжал печатать в разных заграничных изданиях и после смерти поэта; так, несколькими годами позднее, в 1848 и 1855 гг., «Bulletin du Bibliophile Belge» опубликовал четыре статьи Полторацкого под заглавием «Русско-французская библиотека, или Русская и французская история и литература», где сообщены сведения о нескольких русских писателях и переводах их произведений на французский язык. Но в одном отношении Безсонов был прав: в рукописных сборниках Полторацкого содержалось большое количество заметок его о французских переводах Пушкина. Некоторые заметки, сделанные Полторацким в 1847—1848 гг. в Москве, Лейпциге, Брюсселе, Экс-ла-Шапеле и других городах, использовал Г. Н. Геннади в своей работе «Что писано о Пушкине». ⁴⁹

В том же письме Безсонову от 21 июня 1846 г. мы находим и отзыв об одном из французских переводов «Кирджали», принадлежавшем М. А. Ермолову (1794—1850), адъютанту Багратиона в 1812 г., переводившему в 1830 г. «Выстрел» (*Sylvio ou le coup réservé*). ⁵⁰ «Недавно в майских №№ „Illustration“, — пишет Полторацкий, — Viardot поместил французский перевод „Капитанской дочки“, а в февральском „Revue britannique“ Михайла Ермолов перевел „Кирджали“, присовокупив биографию Пушкина, переведенную им из английского журнала. Как это мы в Петербурге прогуляли с вами эту февральскую книжку „Revue britannique“? Вы теперь, вероятно, от нее недалеко. Возьмите брюссельское издание (fevrier, 1846) „Revue britannique“, там в биографии Пушкина найдете много дельного, но много и ошибок, поверхностных суждений. В переводе „Кирджали“ Михайл Ермолов порядочно наумничал и неверно соблюл мысли и выражения подлинника, множество прибавил своей приправы». Этот отзыв о переводе, малозначительном и не отмеченным кри-

⁴⁸ РО ГБЛ, ф. 233 (Полторацкого), картон 2, ед. хр. 55, л. 3.

⁴⁹ См.: Мой общий сборник. РО ГПБ, ф. 603 (Полторацкого). Q 107, XVII, л. 19 об.—20, 29 об.—30, 57 об., 93 об., 94, 95 об.—97. — Ср.: Г. Н. Геннади. Что писано о Пушкине. «Библиографические записки», 1858, т. I, стр. 512—513.

⁵⁰ О Михаиле Александровиче Ермолове см.: Дневник Пушкина. 1833—1835. Под ред. В. Л. Модзалевского. М.—Пгр., 1923, стр. 220—221.

тикой, характерен как свидетельство того, насколько ревниво и критически относился Полторацкий ко всему, что писали о Пушкине и что издавали после смерти поэта из его произведений.

Нам остается рассказать еще о двух записях С. Д. Полторацкого, дающих некоторые новые штрихи для комментария к Пушкину и истории отечественной пушкинианы; в записях этих сказалась та же тенденция к углубленному изучению пушкинской биографии и литературного наследия, которая определилась у Полторацкого еще в молодые годы. Они характеризуют и ту «пушкинскую атмосферу», в которой находился и которую сам создавал Полторацкий, и в этом отношении небезыntenесны для характеристики одного из первых русских пушкинovedов.

Первая запись рассказывает о встрече Полторацкого в 1866 г. с Н. Н. Анненковым, в прошлом литератором-дилетантом, тогда генерал-адъютантом, членом Государственного совета. «В Париже, во вторник 9/21 марта, — рассказывает Полторацкий, — перед тем как садиться за обеденный стол, разговорились мы о прежней русской литературе, и я повторил Анненкову мои давнишние вопросы, для чего он с такою упорною и неосновательною скромностью таит под спудом, в рукописях, свои литературные произведения, достойные печати. На столе его дочери, Ел. Ник. Нелидовой, лежал томик Стихотворений Пушкина, напечатанный в Лейпциге в 1861 году у Вольфганга Гергардта, мимоходом здесь сказать, с непростительными ошибками и опечатками. Я отыскал на стр. 147—148 „Мадригал“ Вольтера, переведенный Пушкиным под заглавием „Сновидение“. „Вот посмотрите, — говорю я Ел. Ник. и Анненкову, — как, например, переведено Пушкиным это прелестное стихотворение Вольтера: и не совсем верно и неудачно, мысль, выраженная Вольтером в первых двух стихах, даже вовсе не переведена Пушкиным“. Анненков взял у меня книжку, еще раз перечел перевод Пушкина и так же, как и я, удивился, нашед его неудовлетворительным. Я говорю ему, что в моем „Словаре русских писателей“ отмечено у меня восемь русских переводов в стихах этого „Мадригала“. Четыре из них перепечатаны мною в Москве, в 1858 году, в 1-й книжке „Материалов“ моих для „Словаря русских писателей“, но что об остальных четырех я нашел в старых русских журналах и книгах сведения в 1863 году и потому не мог напечатать в этой книжке 1858 года. Анненков спросил у меня об именах этих 8-ми переводчиков и о времени появления этих переводов. Не имел с собою в Париже моих литературных тетрадок, я мог только на память перечесть ему эти 8 имен и обозначить приблизительно время каждого перевода. За сим Анненков говорит мне: „Вот тебе и 9-й перевод“. Я взял карандаш и под его диктовку написал его перевод...»⁵¹

⁵¹ РО ГПБ, ф. 603 (Полторацкого), ед. хр. 298, лл. 48—53.

Этот отрывок из воспоминаний Полторацкого оказывается интересен еще с одной стороны. Жена Анненкова, дальняя родственница (двоюродная племянница) Полторацкого, — та самая Вера Ивановна Анненкова, урожденная Бухарина, которая была адресатом известных стихов Лермонтова и оставила недавно разысканные воспоминания о Пушкине. Лермонтове и петербургском литературном круге 1830 г.⁵² Полторацкий, таким образом, описывает встречу людей, лично знавших поэта, и увлечение Анненковых стихами Пушкина оказывается формой его посмертного культа. Литературная же история мадригала Вольтера на русской почве, подробно прослеженная Полторацким, оказывается и в настоящее время небесполезным материалом для комментария к «Сновидению», давая ему необходимый историко-литературный контекст.⁵³

Одна из последних записей Полторацкого о Пушкине касается статьи «Александр Сергеевич Пушкин», напечатанной в «Русской старине» (1874, № 8). Статья эта, принадлежавшая чиновнику III Отделения М. М. Попову, сообщала ряд ценных данных о Пушкине из архива III Отделения и отличалась благонамеренной тенденциозностью оценок и крайней невежественностью во всем, что выходило за пределы компетенции чиновника III Отделения. В редакцию «Русской старины» статью передал П. А. Муханов, скрыв имя ее истинного автора. Возмущенный Полторацкий записывает в Веве в 1874—1875 гг.: «Муханов, Павел Александрович, член Госуд совета, 1798—1872. Статья его о Пушкине («Русская старина», 1874, август). Я почти решительно полагаю, что эта несчастная статья принадлежит ему. В прекрасном, обстоятельном возражении Н. П. Барсукова («Русск. архив», 1874, декабрь), написанном в августе 1874 г. в Гамбурге со слов кн. Вяземского, Вяземский также намекает, что статья принадлежит Муханову». Спустя некоторое время Полторацкий снова возвращается к этой статье: «По предложению моему, которое, быть может, разделяют со мной и другие, эта статья, наполненная странными, вопиющими неверностями, должна принадлежать не кому другому, как Павлу Александровичу Муханову, и это меня изумляет и сокрушает. С Мухановым были мы с 1820 года до самой его кончины (1872) добрыми приятелями. Я знал его коротко, он писал обстоятельно, добросовестно, рассудительно; не могу постичь, каким же образом он допустил себе написать такую статью о Пушкине и отдать

---

⁵² См.: Ираклий Андроников Лермонтов Исследования и находки. Изд. «Художественная литература», М., 1964, стр. 145 и сл. Воспоминания Анненковой о Пушкине см. на стр. 173—175.

⁵³ Сведения о широком распространении в России «Мадригала» Вольтера позволяют с большей определенностью утверждать переводной характер «Сновидения» Пушкина, чем это сделано, например, в справочном томе Академического издания (см.: Акад., справочный том, стр. 145).

ее печатать». В приписке сбоку на этом же листе: «Эта статья о Пушкине составила лет 20 тому назад, т. е. около 1854 года. Я видел около того времени П. А. Муханова и в Варшаве и в Петербурге. Мы много беседовали о литературе и о библиографии. Как жаль, что он не показал мне этой статьи. От скольких литературных и исторических промахов я предохранил бы ее». ⁵⁴

Этой записью, как нельзя лучше выражающей отношение Полторацкого к памяти Пушкина, мы и закончим наш обзор, касающийся главным образом неизданных материалов архива Полторацкого. Материалы эти характеризуют его деятельность как заметную страницу в истории раннего русского пушкиноведения. Конечно, приведенными данными не исчерпывается работа Полторацкого в этом направлении, но и их уже достаточно, чтобы внести лишний штрих в биографию этого единственного из современников и знакомых Пушкина, кто активнейшим образом способствовал сохранению и выявлению его наследия во второй половине века. Мы пытались показать, что сведения, собранные Полторацким, в иных случаях могут иметь значение и сейчас как дополнительный материал для комментария к Пушкину. Рассыпанные же в его тетрадях биографические свидетельства, хотя скудные и лаконичные, сохраняют и по сей день значение первоисточника. Эти данные представляют известный интерес и как дополнительный материал для изучения прижизненной и посмертной репутации Пушкина и той борьбы за его наследие, которая началась еще при его жизни и в дальнейшем стала национальной культурной традицией.

---

⁵⁴ РО ГПБ, ф. 603 (Полторацкого), ед. хр. 295, лл. 30, 148.

П О Б З О Р Ы

В. В. ЗАЙЦЕВА

КНИГИ О ПУШКИНЕ 1968 года

- Андроников Ираклий. Утраченные записки. — В кн.: Андроников Ираклий. Лермонтов. Исследования и находки. Изд. 3-е. М., «Художественная литература», 1968, стр. 143—182.
Записки В. И. Анненковой. Опубликованы отрывки воспоминаний о декабристах, Пушкине и Лермонтове.
- Арго А. М. Звучит слово... Очерки и воспоминания. М., «Детская литература», 1968, 80 стр. (В мире прекрасного).
Стр. 44—51: Глава «Пушкин вслух».
- Асмус В. Ф. Вопросы теории и истории эстетики. Сб. статей. М., «Искусство», 1968, 654 стр.
Стр. 339—359: «Пушкин и теория реализма».
- Бенуа Александр. Иллюстрированный «Евгений Онегин». — В кн.: Александр Бенуа размышляет... М., «Советский художник», 1968, стр. 229—232.
Иллюстрации М. В. Добужинского к «Евгению Онегину», изданному в переводе Оливера Эльтона в лондонском издательстве «The Pushkin Press» в 1937 г.
- Бессараб Майя. Владимир Даль. М., «Московский рабочий», 1968, 164 стр.
Стр. 108—120: «Смерть Пушкина».
- Бонди С. О поэзии Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения. Евгений Онегин. М., «Детская литература», 1968, стр. 3—8. (Школьная б-ка).
- Бонди С. О романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения. Евгений Онегин. М., «Детская литература», 1968, стр. 245—270. (Школьная б-ка).
- Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия периода подготовки восстания декабристов (1816—1825 гг.). Куйбышев, 1968, 527 стр. (Ученые записки Куйбышевского пед. ин-та им. В. В. Куйбышева, вып. 56).
Стр. 346—380: Гл. 9. Социально-исторические взгляды А. С. Пушкина. Его воззрения на театр и историческую драму.
Стр. 381—500: Гл. 10. Драматургия А. С. Пушкина. «Вадим». Трагедия «Борис Годунов».
- Вацуро В. Э. и Гиллельсон М. И. Новонайденный автограф Пушкина. Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине». Подгот. текста, статья «Пушкин и книга Вяземского о Фонвизине», стр. 58—119 и коммент. В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсона. М.—Л., «Наука», 1968, 128 стр. (Акад. наук СССР, Отделение литературы и языка. Пушкинская комиссия).

- Вацуро В. «Подвиг честного человека». — В кн.: Прометей, 5. М., «Молодая гвардия», 1968, стр. 8—51.
- Пушкин и Н. М. Карамзин.
- Вересаев В. В. Невыдуманные рассказы. М., «Художественная литература», 1968, 640 стр.
- Стр. 174—175: «Исторические личности в поэме „Полтава“».
- Стр. 256—263: «Литературные записи. „Моцарт и Сальери“».
- [Написано в 1942 г.].
- Гессен А. ... Москва, я думал о тебе! Пушкин в Москве. М., «Детская литература», 1968, 344 стр. с илл. (По дорогим местам).
- Горелов А. Подвиг поэта. А. С. Пушкин. — В кн.: Горелов А. Очерки о русских писателях. 3-е изд. Л., «Советский писатель», 1968, стр. 31—72.
- Гуральник У. А. Русская литература и советское кино. Экранизация классической прозы как литературоведческая проблема. М., «Наука», 1968, 431 стр. (Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
- Стр. 70—95: Гл. 2. «Коллежский регистратор» и «Стандционный смотритель». Фильм-экранизация и литературная первооснова. (Впервые: Известия Акад. наук СССР, 1965, Серия литературы и языка, т. 25, вып. 6, стр. 521—529). Стр. 96—124: Гл. 3. «Капитанская дочка» Пушкина и ее экранные версии. Образ рассказчика в литературе и в кино.
- XXI герценовские чтения. (Межвузовская конференция). Филологические науки. Программа и краткое содержание докладов. 9 апреля—14 мая 1968 года. Л., 1968, 136 стр. (Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Стр. 88—89; А. И. Гербстман. Психологический анализ у Пушкина. Стр. 124—127: Ю. П. Суздальский. Об античных источниках стихотворения А. С. Пушкина «Арион».
- Дементьев Валерий. Признание в любви. — В кн.: Дементьев Валерий. Спас-камень. М., «Советская Россия», 1968, стр. 156—174.
- Впервые: Москва, 1966, № 2, 195—208. — I. Пушкин и Земфира. II. Еще твоей молвой... III. В Юрчанах.
- Долинина Н. Прочитаем «Онегина» вместе. Заметки о романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Л., «Детская литература», 1968, 168 стр. (Школьная 6-ка).
- Задонский Николай. Встречи с Пушкиным. — В кн.: Задонский Николай. Луна плывет над Араратом. Исторические этюды. Воронеж, Центрально-Черноземное кн. изд., 1968, стр. 97—119.
- Пушкин и Н. Н. Муравьев. Впервые публикуется письмо П. Н. Ахвердовой Муравьеву от 29 января 1837 г., сообщающее о гибели Пушкина.
- Иванов Вяч. Вс. О цветаевских переводах песни из «Пира во время чумы» и «Бесов» Пушкина. — В кн.: Мастерство перевода [1966]. М., «Советский писатель», 1968, стр. 389—412.
- Переводы стихов Пушкина на французский язык в 1936 г.
- История русской поэзии. В 2-х т. Т. 1. Л., «Наука», 1968, 560 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом)).
- Стр. 315—375: Гл. 5. Поэты пушкинского круга. Б. С. Мейлах. Введение. — П. А. Вяземский. — Н. М. Языков; И. М. Тойбин. Е. А. Баратынский; В. Б. Сандомирская. А. А. Дельвиг. Стр. 376—434: Гл. 6. Б. П. Городецкий. А. С. Пушкин.
- Карпов Н. В., Попов И. П. Антирелигиозные и антиклерикальные идеи в русской литературе XIX века. Специальный семинарий по курсу «Русская литература XIX века» для студентов-заочников факультетов русского языка и литературы пед. институтов. М., «Просвещение», 1968, 224 стр. (Моск. гос. заоч. пед. ин-т).
- Стр. 182—184: Тема 3. Атеистические мотивы в творчестве А. С. Пушкина.

Лавин Константин. В районе Пушкинских гор. Рассказ. — В кн.: Лавин К. Друзья недавних лет. Повести. Рассказы. М., Воениздат, 1968, стр. 305—316.

Воспоминания о боях во время Великой Отечественной войны.

Левина Ю. Музей-заповедник А. С. Пушкина. Село Большое Болдино. — В кн.: Музеи и архитектурные памятники Горьковской области. Горький, 1968, стр. 91—102.

Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., «Наука», 1968, 679 стр.

Стр. 170—230: А. С. Пушкин. Публик., вступит. статья (стр. 171—182) и коммент. А. Д. Соимонова.

Лурье А. Н. Поэма А. С. Пушкина «Медный всадник» и советская поэзия 20-х годов. — В кн.: Советская литература. Проблемы мастерства. Л., 1968, стр. 42—84. (Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 322).

Макогоненко Г. О «Повестях Белкина» А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Л., «Художественная лит-ра», 1968, стр. 5—20. (Народная б-ка).

Мейерхольд В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. Ч. 2. 1917—1939. М., «Искусство», 1968, 644 стр.

Стр. 299—309: «Пиковая дама». Пушкин и Чайковский. (1934 г.) [Постановка в Малом оперном театре (Ленинград). Впервые: Пиковая дама. Опера в 4 д. Муз. П. И. Чайковского. Л., 1935, стр. 5—11]. Стр. 373—418: «Борис Годунов» (неосуществленная постановка). [Впервые, в сокращении: Театр, 1966, № 3, стр. 79—90]. Стр. 419—432: «О Пушкине I. Пушкин-режиссер». (1936 г.). [Впервые: Звезда, 1936, № 9, стр. 205—211]. II. «Пушкин-драматург». (1937 г.).

Недосекин В. И. Пушкинские ассоциации при изучении архивного материала в курсе литературного краеведения. (К вопросу о прототипе образа Гринёва из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина). — В кн.: Литературное краеведение. Воронеж, 1968, стр. 37—44. (Известия Воронежского гос. пед. ин-та, т. 72).

Нестеров М. Н. Отражение социально-речевых стилей изображаемой эпохи в романе Ю. Н. Тынянова «А. С. Пушкин». — В кн.: Вопросы русского языка и литературы. (Сборник работ аспирантов). Краснодар, 1968, стр. 61—76. (Научные труды Краснодарского гос. пед. ин-та, вып. 94).

От Пушкина до Блока. Сб. статей. Краснодар, 1968, 296 стр. (Научные труды Краснодарского гос. пед. ин-та, вып. 60).

Стр. 5—22: Г. К. Евстифеева. Работа А. С. Пушкина над стилем романа «Евгений Онегин». Стр. 23—43: И. В. Уварова. Лирика А. Пушкина и «Татьяны милый идеал». Стр. 44—56: Л. А. Степанов. Возвышенное и комическое в образе Владимира Ленского.

Паина Р. Б. Горький о Пушкине. — В кн.: М. Горький. Проблемы творчества. Бельцы, 1968, стр. 13—33. (Бельцкий гос. пед. ин-т им. Алеку Руссо).

Писатель и жизнь. Сборник историко-литературных, теоретических и критических статей. Вып. 5. М., 1968, 196 стр. (Литературный ин-т им. А. М. Горького. — Союз писателей СССР).

Стр. 102—120: А. А. Тахо-Годи. Эстетическо-жизненный смысл античной символики Пушкина. Стр. 142—155: С. Д. Артамонов. Монтень, Шекспир, Пушкин. Филиация идей.

Поддубная С. В. О расхождении некоторых характеристик персонажей оригинала и перевода (на материале одного перевода «Бориса Годунова» А. С. Пушкина). — В кн.: Научно-теоретическая конфе-

рениция, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Филологические науки. Краткое содержание докладов. Февраль 1968 г. Л., 1968, стр. 56—59. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

Перевод Ч. Э. Тернера на английский язык.

Проблемы поэтики. Ташкент, ФАН УзССР, 1968, 168 стр. (М-во высш. и средн. спец. образования УзССР. — Самаркандский гос. ун-т).

Стр. 10—19.: Я. О. Зунделович. Из творческих связей Лермонтова и Пушкина. Стр. 20—23.: А. И. Гербстман. «Цицероновы Авгуры». [В этой статье автор цитирует стихи из «Евгения Онегина» (из не вошедших в основной текст «Странствий», Акад., VI, стр. 504):

Как цицероновы Авгуры
Мы рассмеялись гишком.

(XXXI, 4)

и сопоставляет с ними слова Печорина о д-ре Вернере («Тогда, посмотрев значительно друг другу в глаза, как делали римские авгуры, по словам Цицерона, мы начинали хотеть...»). На основании этого сопоставления автор считает, что Лермонтов запомнил пушкинские стихи, читанные им в рукописном списке, и изложил их прозой. Этот вывод, однако, представляется сомнительным, поскольку фраза об авгурах была летучей и часто употребляемой в начале XIX в., примеры чему в изобилии указаны в справочниках Лярусса].

Пронь Н. А. Существительные с обстоятельственным значением в художественной прозе А. С. Пушкина. — В кн.: Вопросы истории и теории русского языка. Тула, 1968, стр. 132—145. (Тульский пед. ин-т им. Л. Н. Толстого).

Пушкинский вечер в школе. Инсценировки. Музыкальные произведения. М., «Детская литература», 1968, 190 стр. (Школьная б-ка).

Содерж.: стр. 3—8.: В. Непомнящий. На пути к Пушкину.

Инсценировки. «Сказка о попе и о работнике его Балде». Инсценировка Ф. Каверина. «Сказка о рыбаке и рыбке». Инсценировка В. Ганшина. «Дубровский». Инсценировка и советы исполнителям Н. Сухоцкой; Сцена из драмы «Борис Годунов» — Корчма на Литовской границе. Советы исполнителям Ф. Каверина. «Капитанская дочка». Инсценировка и советы исполнителям Н. Сухоцкой. — Музыкальные произведения.

Пушкинский сборник. Псков, 1968, 205 стр. (Псковский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова. Кафедра литературы).

Доклады II и III Пушкинских межвузовских научных конференций, проходивших в г. Пскове в 1966 и 1967 гг.

Содерж.: Л. С. Сидяков. Поэма «Домик в Коломне» и художественные искания Пушкина рубежа 30-х годов XIX века. — М. Т. Ефимова. Тема «Пушкин и славянофилы» в пушкиноведении. — Б. Ф. Егоров. Ап. Григорьев о Пушкине. — Н. Я. Соловей. Эволюция темы большого света в VIII главе «Евгения Онегина». (К вопросу о принципах публикации рукописных материалов). — М. Т. Ефимова. Юрий Самарин в его отношении к Лермонтову. — Н. М. Владимирская. Пугачевское восстание в художественной прозе Пушкина и Лермонтова. — Т. Ю. Мальцева. С. Михайловское в переписке родителей А. С. Пушкина с их дочерью О. С. Павлицевой в 1828—1835 гг. — Е. А. Маймин. Хомяков как поэт. — Л. И. Вольперт. Пушкин после восстания декабристов и книга Мадам де Сталь о французской революции. — Э. В. Сливина. Чехов и Пушкин. — В. С. Белькинд. Образ «маленького человека» у Пушкина и Достоевского (Самсон Вырин и

Макар Девушкин). — А. И. Голышева. Американская пушкиниана 60-х годов. — Е. А. Маймин. Еще о Пушкине и «Московском вестнике». — В. П. Голицына. Анна Ахматова как исследователь Пушкина.

Пушкинский сборник. Рига, 1968, 136 стр. (Ученые записки Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки, т. 106).

Содерж.: От редакции. — Л. С. Сидяков. Начальный этап формирования пушкинской прозы (1815—1822). — Л. С. Флейшман. Из истории элгии в пушкинскую эпоху. — З. В. Кирилук. Формирование принципов создания реалистического характера в творчестве Пушкина. — Н. Я. Соловей. Из истории создания XXIII—XXVI строф восьмой главы «Евгения Онегина». — Е. А. Тоддес. К изучению «Медного всадника». — Т. В. Кочеткова. Стендаль в личной библиотеке Пушкина. — Р. Д. Тименчик. Ахматова и Пушкин. — Указатель произведений Пушкина. — Указатель имен.

Резз. Я. Изучение лирических произведений в школе. (IV—VII классы). Л., «Просвещение», 1968, 176 стр.

Стр. 28—30: «Гонимы вешними лучами». Стр. 56—60: «Узник». Стр. 60—64: «В Сибирь». Стр. 91—98: «Песнь о вещем Олеге».

Руднев П. А. Из истории метрического репертуара русских поэтов XIX—начала XX в. (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Брюсов, Блок). — В кн.: Теория стиха. Л., «Наука», 1968, стр. 107—144. (Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).

Суслов И. М. Памятник Пушкину в Москве. М., «Просвещение», 1968, 94 стр. с илл.

Скульптор А. М. Опекушин.

Томашевский Б. Пушкин. — В кн.: Пушкин А. С. Избранные произведения. Л., 1968, стр. 3—36.

Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. Отв. ред. В. В. Виноградов. Сост. и подгот. текста В. А. Каверина и З. А. Никитиной. Коммент. А. Л. Гришунина и А. П. Чудакова. М., «Наука», 1968, 424 стр.

Содерж.: В. В. Виноградов. О трудах Ю. Н. Тынянова по истории русской литературы первой половины XIX в. — Архаисты и Пушкин. [Впервые в кн.: Пушкин в мировой литературе Л., 1926, стр. 215—286]. — Пушкин. [Впервые в кн.: Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 228—291]. — Пушкин и Тютчев. [Впервые в кн.: Поэтика. Временник отдела словесных искусств ГИИ. Вып. 1. Л., 1926, стр. 107—126. — О «Путешествии в Арзрум». [Впервые в кн.: Временник Пушкинской комиссии. Т. 2. М.—Л., 1936, стр. 57—73]. — Безыменная любовь. [Впервые в кн.: Лит. современник, 1939, № 5—6, стр. 243—262]. — Пушкин и Кюхельбекер. [Впервые: Лит. наследство, т. 16—18. М., 1934, стр. 321—372]. — Французские отношения Кюхельбекера. [Впервые: Лит. наследство, т. 33—34. М., 1939, стр. 331—378]. — Сюжет «Горя от ума». [Впервые: Лит. наследство, т. 47—48. М., 1946, стр. 147—188].

Урнов М. В., Урнов Д. М. Споры о Шекспире. Пушкин и Шекспир. — В кн.: Урнов М. В., Урнов Д. М. Шекспир. Движение во времени. М., «Наука», 1968, стр. 116—148.

Ухалов Е. С. История русской журналистики XIX века. Ч. 1. Журналистика 1800—1840-х годов. Учебно-метод. пособие для студентов заоч. отделений факультетов и отделений журналистики гос. университетов. Изд. 2-е, испр. Под ред. Е. П. Прохорова. М., 1968, 99 стр. (Науч.-метод. кабинет по заоч. и веч обучению Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова).

Стр. 60—62: «А. С. Пушкин и журналистика 30-х годов». Стр. 62—68: «„Современник“ Пушкина».

- Февчук Л. П. Личные вещи А. С. Пушкина. (Из собрания Всесоюзного музея А. С. Пушкина). Л., «Советский художник», 1968, 76 стр. с илл.
- Фельдман О. «Борис Годунов» в Художественном театре (1907). — В кн.: Вопросы театра. Сборник статей и материалов. 1967. М., ВТО, 1968, стр. 131—143. (М-во культуры СССР. Ин-т истории искусств).
- Хазин М. Кишиневу посвящается. Забытый труд пушкиниста. [«Календарь дней Пушкина» Е. Неговского]. — В кн.: Хазин М. Труженики слова. Статьи и заметки. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1968, стр. 158—166.
- Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., «Мысль», 1968, 383 стр.
Стр. 11—56: Очерк 1. Историческая действительность первой трети XIX в. и взгляды на историю А. С. Пушкина.
- Чичерин А. В. Путь Пушкина к прозаическому роману. — В кн.: Чичерин А. В. Идеи и стиль. О природе поэтического слова. Изд. 2-е, доп. М., «Советский писатель», 1968, стр. 105—155.
- Шаламов Варлам. Пушкинская премия Академии наук. — В кн.: День поэзии. 1968. М., «Советский писатель», 1968, стр. 233—236.
О работе Комитета по пушкинским премиям Отделения русского языка и словесности Академии наук с 1881 по 1919 г.
-

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

1. К ДАТИРОВКЕ ПОСЛАНИЯ ПУШКИНА «К ЧААДАЕВУ»

До самого последнего времени дата создания послания «Любви, надежды, тихой славы» не вызывала сомнений. Основываясь на первых публикациях стихотворения (прежде всего на издании П. В. Анненкова) и на некоторых списках послания (автограф его неизвестен), пушкинисты относили послание к 1818 г. Под этой датой оно напечатано и в академическом издании собрания сочинений Пушкина.¹

Если текст стихотворения, его политическое звучание (и даже его авторство) вызывали споры, то в определении времени написания произведения исследователи были единодушны. Правда, некоторые пушкинисты обратили внимание на несовпадение умеренно-либеральных политических взглядов поэта в 1818 г. с явно революционным посланием «К Чаадаеву». Но сомнений в правильности датировки 1818 г. это не вызывало. Объяснения давались другие.

Так, М. Гофман утверждал, что сопоставление политических взглядов Пушкина и послания «К Чаадаеву» «гораздо более намекает на авторство революционера К. Ф. Рылеева, чем на авторство вольнолюбивого Пушкина... Пушкин... оставался на почве либерализма и законности и ждал освобождения сверху... Рылеев призывал к насильственному, террористическому ниспровержению существующего строя».² Другое объяснение дал Д. Д. Благой: «... Пушкин вкладывал в свое послание, написанное в период между „Вольностью“ и „Деревней“, очевидно, все тот же политический смысл — уничтожение „самовластья“ — самодержавия, т. е. ограни-

¹ Акад., II, 72.

² М. Гофман. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Изд. второе, дополн. «Атеией», Пб., 1922, стр. 124—125. — Еще раньше, в 1918 г., в небольшой книге «Пушкин» М. Л. Гофман писал: «... Вопрос об авторе послания „Любви, надежды, тихой славы“ продолжает оставаться спорным, и нельзя на основании спорного стихотворения делать построения о политических взглядах Пушкина» (М. Л. Гофман. Пушкин. Его общественно-политические взгляды и настроения. Чернягов, 1918, стр. 46—47). В 1924 г. с этой гипотезой полностью согласился В. Я. Брюсов. Авторство Рылеева опровергнул Л. П. Гроссман, доказавший несомненную принадлежность стихотворения Пушкину («Пушкин или Рылеев?», альманах «Недра», 1925, кн. 6, стр. 210—229). См. также: М. П. Алексеев. Л. П. Гроссман (некролог). В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1964. Изд. «Наука», Л., 1967, стр. 66.

чения власти царя „законносвободными“ (в терминах того времени), конституционными установлениями».³

Но сам 1818 г. казался бесспорным. Даже Б. В. Томашевский, признавший, что нет точных данных для определения времени создания послания, не считал нужным усомниться в этой дате: «Датировка этого стихотворения по существу неизвестна. По традиции, начиная с первых публикаций, оно датируется 1818 г. Эту дату мы находим под восемью списками и публикациями из числа названных в академическом издании. У нас нет доводов достаточных, чтобы отступить от этой даты. Можно лишь думать, что по времени создания оно близко к созданию „Вольности“... И здесь гражданская поэзия («отчизны призыванье») противопоставляется поэзии нежной, славе тихой, характеризует элегического поэта. Стихи послания более зрелые, чем в оде, но тема та же. Вряд ли Пушкин повторил бы ее после большого промежутка времени. С другой стороны, употребление слова „надежда“ в значении синонима к любви и „тихой славе“ вряд ли было бы возможно для Пушкина в 1819 г. в период собраний „Зеленой лампы“, когда слово „надежда“ приобретает определенный политический характер, о котором постоянно напоминала эмблема общества и его девиз: „свет и надежда“».⁴

Лишь в 1955 г. на VII Всесоюзной пушкинской конференции была высказана новая точка зрения. Поскольку в политике не декабристы шли за Пушкиным, а Пушкин за декабристами, постольку и революционное по своему характеру послание «К Чаадаеву» не могло появиться раньше начала 1820 г. — только к этому времени Союз Благочестия встал на революционные позиции. И Пушкин, вслед за декабристами, переходит от умеренно-либеральных взглядов к революционным, что и нашло отражение в послании «К Чаадаеву». Именно в начале 1820 г. Чаадаев понадобился Союзу Благочестия как крупный теоретик. Началась борьба за него. Пушкинское послание — один из эпизодов этой борьбы.⁵ Мы полностью согласны с этим. Аргументация Б. В. Томашевского за 1818 г. как дату написания «Послания» представляется необидительной. Автографа нет. В нашем распоряжении лишь многочисленные списки и ранние публикации.⁶

Традиция, идущая от первых публикаций, вряд ли может быть признана бесспорной. В распоряжении первых публикаторов было очень мало точных фактических данных. Они основывались, как правило, на воспоминаниях, устных рассказах — источнике крайне ненадежном, если речь идет о *точных* датах. Поэтому в ранних изданиях сочинений Пушкина хронология стихотворений была *приблизительной*. Думается, что это относится и к первым публикациям «Любви, надежды, тихой славы». Датировка стихотворения 1818 годом в списках не решает спора — на списки влияли те же устные предания.⁷

³ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1826). Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 175.

⁴ Б. Томашевский. Пушкин. Книга первая (1813—1824). Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 190.

⁵ См.: «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XV, вып. 1, 1956, стр. 86; ср.: В. В. Пугачев. Эволюция общественно-политических взглядов Пушкина. Горький, 1967, стр. 202. [Мин-во высш. и средн. спец. образования РСФСР].

⁶ См. обзор их М. А. Цявловского (Акад., II, 1042—1045).

⁷ Даже друзья Пушкина не всегда помнили время написания его стихотворений. И. И. Пущин, вспоминая о начале 1818 г., перечисляя популярные в то время пушкинские стихотворения, называет «Деревню», написанную летом 1819 г. (И. И. Пущин. Записки о Пушкине. ГИХЛ, М., 1934, стр. 68).

И уж совсем не подтверждает 1818 г. содержание послания. Вопреки мнению Б. В. Томашевского тема начальных стихов «Вольности» и послания «К Чаадаеву» — разная. Никакого противопоставления гражданской поэзии поэзии нежной в послании «К Чаадаеву» (в отличие от «Вольности») нет. Вряд ли слова «любви, надежды, тихой славы» характеризуют «элегического поэта». Далее идет: «Недолго нежил нас обман». *Нас*. Не только Пушкина, но и Чаадаева. А уж ему-то отречься от элегической поэзии было незачем.⁸

«Тихой славе» гражданская поэзия противопоставляться не могла, «тихая слава» отнюдь не была синонимом «поэзии нежной», элегичности, отсутствия гражданственности. «Тихая слава» — тоже гражданственность, но только не революционная.⁹ Ей противопоставляется революционность — вплоть до действий, после которых останутся лишь «обломки самовластья». А «Вольность» говорила о «троне», стражей которого станут «народов вольность и покой». Это не продолжение темы, а полемика. И чтобы она возникла, между двумя стихотворениями должно было пройти немало времени. Что касается употребления слова «надежда» в значении синонима «тихой славы», то и это говорит о политическом оттенке «надежды» в послании. Других доводов в пользу 1818 г. не приводится. Но есть серьезные основания датировать послание «К Чаадаеву» началом 1820 г.

«К Чаадаеву» — революционное стихотворение. Революционных идей не было ни в «Вольности», ни в «Деревне». Они появились у поэта позже — тогда же, когда у декабристов — в начале 1820 г. под влиянием испанской революции. Вслед за декабристами и Пушкин пришел к революционным идеям, отказался от либеральных иллюзий. В этом смысл первых строк:

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман.

Что такое «тихая слава»? Это мирная слава. Под «тишиной» подразумевается мир, спокойное состояние. М. В. Ломоносов, прославляя мир, писал:

Царей и царств земных отрада
Возлюбленная тишина.

В словаре 1847 г. тишина объяснялась как «тихое, безмятежное, спокойное состояние, мир».¹⁰

В том же словаре давались следующие значения слова «тихий, -ая»: «1) смирный, кроткий, скромный; 2) медленный, нескорый...; 3) слабый, легкий; 4) церк[овный], безбурный, безмятежный, спокойный...».¹¹

Думается, что слово «тихая» Пушкин употребляет в последнем значении. Слова «тихий, тишина» как синонимы мира, спокойного состояния встречаются у Пушкина неоднократно. Это показал М. П. Алексеев в статье «Пушкин и проблема „вечного мира“».¹² Анализируя строки из стихотворения «Мечтатель» (1815 г. — Акад., I, 123—125):

Пускай, удара в звучный щит
И с видом дерзновенным,

⁸ Не случайно, что «любовник молодой», ждущий «минуты верного свиданья», фигурирует только как сравнение. Любовная тема очень далека даже от начала послания.

⁹ На это обратил внимание М. А. Цявловский (см.: М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы, Изд. АН СССР. Изд. 2-е, М., 1951, стр. 587, прим. 406; соображений М. В. Нечкиной, стр. 272—273).

¹⁰ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный II Отделением имп. Академии наук, т. IV. СПб., 1847, стр. 281.

¹¹ Там же.

¹² «Русская литература», 1958, № 3.

Мне Слава издали грозит
Перстом окровавленным,
И бранны вьются знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за славой, —

М. П. Алексеев пишет: «Эта „тишина“ мечталась шестнадцатилетнему поэту не только как личное стремление, но и как международный идеал, в конкретно-поэтическом противопоставлении шуму, брани». Вывод этот подкрепляется рядом других пушкинских текстов. В оде «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» Пушкин, обращаясь к царю, писал:

Излей пред Янусом священну мира чашу,
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной.¹³

В другом стихотворении «Из письма В. Л. Пушкину» говорилось:

Дай бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина...¹⁴

Характерно, что в «Аквилоне», стихотворении явно политическом, индикаторном, читаем:

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостно блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо вылетят тростник.¹⁵

В 1821 г. в послании В. Л. Давыдову говорилось:

Народы тишины хотят
И долго их ярем не треснет.¹⁶

Думается, что в послании «К Чаадаеву» «тихая слава» означает спокойную, безмятежную славу, не связанную с тревожностями, опасностями. Ей противопоставляется активная революционная деятельность, результатом которой будут «обломки самовластья».

Разочарование в «тихой славе» означало разочарование в мирной, легальной политической деятельности. И это произошло не только с Пушкиным, но и с Союзом Благоденствия. В 1818—1819 гг. тайная организация

¹³ Акад., I, 147.

¹⁴ Там же, стр. 181. — Очень интересное, хотя и спорное, толкование семантики слова «тишина» выдвинул Ю. М. Лотман: «В публицистике XVIII—XIX вв. термины «тишина» и «устройство» приобрели отрицательную семантику... Для Радищева они были синонимом деспотического гнета. Радицев писал: «Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство... Устройство на счет свободы столь же противно блаженству нашему, как и самые узы...» (Ю. М. Лотман. П. А. Вяземский и движение декабристов. Уч. зап. Тартуского унив., вып. 98, Тарту, 1960, стр. 128—129). Однако Радицев не расшифровывает слово «тишина». Он просто подчеркивает, что внешний «порядок» еще не означает блаженства народа.

¹⁵ Акад., II, 365.

¹⁶ Там же, стр. 179. — «Словарь языка Пушкина» свидетельствует об употреблении Пушкиным слов «тишина», «тихий» в значении «мирный, спокойный, безмятежный» (т. IV, М., 1961, стр. 520).

декабристов не придерживалась революционной тактики. Ставка делалась на завоевание общественного мнения, которое бы заставило правящий класс и правительство изменить политику. Но к концу 1819 г. декабристы разочаровались в легальных формах борьбы. Испанская революция привела к возникновению в Союзе Благоденствия тактики «военной революции».

Возникают идеи царевубийства. В январе-феврале 1820 г. на заседании Коренной Думы Союза Благоденствия на квартире И. Шипова обсуждался вопрос о царевубийстве.¹⁷ Под влиянием членов тайного общества революционные, в том числе «царевубийственные», идеи захватили и Пушкина. В ноябре 1819 г. он познакомился с пионером декабристского терроризма — М. С. Луниным, в январе 1820 г. — с И. Д. Якушкиным, вызывавшимся в 1817 г. на царевубийство.¹⁸ С осени 1819 г. Пушкина все больше интересовал этот круг мыслей. 30 октября 1819 г., рассказывая в театре о медвежонке, сорвавшемся с цепи в Царском Селе и побежавшем по саду, где мог встретиться с Александром I, Пушкин воскликнул: «Нашелся один добрый человек, да и тот медведь».¹⁹ Конечно, это была шутка, но шутка характерная. Позже, в апреле 1820 г., Пушкин показывал в театре литографированный портрет Лувеля (убившего герцога Беррийского) с надписью «Урок царям».²⁰ Радикализация политических взглядов Пушкина отражала революционизирование декабристов. Весной 1820 г. к этому прибавился эмоционально-личный момент. В январе 1820 г. Пушкин узнал от Катенина о толках, будто поэта высекли в тайной канцелярии. Нелепый слух пустил гр. Ф. И. Толстой. Но Пушкин, не зная этого, подозревал правительство. Впоследствии, в 1825 г., он рассказывал в черновике письма Александру I: «Необдуманные речи, сатирические стихи обратили на меня внимание в обществе, распространились сплетни, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен. До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние — дрался на дуэли — мне было 20 лет в 1820 году — я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убить — В. В первом случае я только подтвердил бы сплетни, меня бесчестившие, во втором — я не отомстил бы за себя, потому что оскорбления не было, я совершил бы преступление, я принес бы в жертву мнению света, которое я презираю, человека, от которого зависело все и дарования которого внушали мне почтение. Таковы были мои размышления. Я поделился ими с одним другом, и он вполне согласился со мной. — Он посоветовал мне предпринять шаги перед властями в целях реабилитации — я чувствовал бесполезность этого. Я решил тогда вкладывать в свои речи и писания столько неприличия, столько дерзости, что власть вынуждена была бы отнестись ко мне, как к преступнику; я [надеялся] [жаждал] [добивался] Сибири или крепости, как средства к восстановлению чести».²¹

«В» (во французском оригинале — V) — вероятно, «Ваше Величество». Пушкин на этот раз писал настолько отчаянно-откровенно, что готов был признаваться даже в замыслах царевубийства. «Друг» — П. Я. Чаадаев.²² Разговоры с ним, споры на политические темы, вероятно, и послужили

¹⁷ См. показания С. И. Муравьева-Апостола. В кн.: Восстание декабристов. IV. ГИЗ, М.—Л., 1925, стр. 291, 292, 301.

¹⁸ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 165.

¹⁹ Там же, стр. 193—194; ср.: И. И. Пущин. Записки о Пушкине, стр. 69.

²⁰ Летопись, стр. 210.

²¹ Акад., XIII, 574

²² См.: П. Анненков. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. «Вестник Европы», 1873, № 12, стр. 486—488; Ф. Н. Глинка.

поводом к написанию знаменитого послания. Споры с Чаадаевым подняты здесь на принципиальную высоту — о роли революционного насилия вообще, а не только убийства Александра I. Пушкин явно убеждает Чаадаева:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

По-видимому, Чаадаев не верил в пробуждение России и считал поэтому революционное выступление бесполезным. Пушкин пытался переубедить Чаадаева. Вероятно, не без совета со стороны руководителей тайного общества, прежде всего Н. И. Тургенева. Чаадаев, крупный теоретик, был очень нужен Союзу Благочестия. Но скептическое отношение к насильственной революции разделяло декабристов и Чаадаева. Пушкинское стихотворение должно было явиться одной из попыток переубедить Чаадаева. И хотя с Пушкиным, не членом тайного общества, не могли говорить откровенно о делах Союза Благочестия, его включили все же в борьбу за Чаадаева. Послание «К Чаадаеву» как пропагандистский элемент оказалось настолько удачным, что далеко переросло первоначальную цель, став одним из лучших агитационных стихотворений 1820 г.

Но сам поэт не забыл первоначальную цель стихотворения. В послании «К Чаадаеву» в 1821 г. он вспоминал их споры, беседы начала 1820 г.:

Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомленный;
В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял ее советом или укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
Уж голос клеветы не мог меня обидеть,
Умел я презирать, умея ненавидеть.²³

Концовка послания «К Чаадаеву» в 1820 г. говорила и о царевбийстве, и о революционном насилии вообще. Именно в этом смысле писалось:

И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

В более позднем послании к Чаадаеву (обычно датируемом 1824 г.) Пушкин писал о своем разочаровании в этих надеждах:

Чаадаев, помнишь ли былое?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,

Удаление А. С. Пушкина из Петербурга в 1820 г. «Русский архив», 1880, № 6, стр. 918. См. также: «Литературное наследство», т. 16—18. Изд. журн.-газ. объедин., М., 1934, стр. 674.

²³ Акад., II, 188.

Теперь и лень и тишина,
И, в умиленьи вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.²⁴

Пушкин опять вернулся к «тишине». К той самой «тишине», от которой он отказался в 1820 г., хотя в это понятие вкладывалось теперь новое содержание.

Обо всем этом вспоминал не только Пушкин, но и П. Я. Чаадаев. В 1854 г. в «Московских ведомостях» были напечатаны две первые главы работы П. И. Бартенева «Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии». Не называя фамилии Чаадаева, Бартнев писал о Пушкине: «Кроме лицейских товарищей, кроме знакомств литературных, у него был особенный кружок, в котором нередко проводил он свои досуги и который состоял отчасти из офицеров лейб-гусарского полка, стоявшего в Царском Селе. Один из сих последних был почти ежедневным собеседником его».²⁵ Далее Бартнев сообщил, что Карамзин спас его в одну из решительных минут его жизни. О Чаадаеве на этот раз умалчивалось. Около 15 октября 1854 г. П. Я. Чаадаев писал С. П. Шевыреву про статью Бартенева: «Описывая молодость Пушкина и годы, проведенные в Лицее, автор статей ни слова не упоминает обо мне, хотя в то же время и выписывает несколько стихов из его ко мне послания и даже намекает на известное приключение в его жизни, в котором я имел участие, но приписывал это участие исключительно другому лицу... Пушкин гордился моею дружбою, он говорит, что я спас от гибели его и его чувства, что я воспламенял в нем любовь к высокому...»²⁶

Что имел в виду Чаадаев? Только ли свое участие в смягчении участи Пушкина? Думается, что нет. Это подтверждают следующие слова: «Г. Бартнев находит, что до этого никому нет дела, полагая, вероятно, что обращенное потомство вместо стихов Пушкина будет читать его *Материалы*. Надеюсь, однако, что будущие биографы поэта заглянут и в его стихотворения».²⁷

Вероятно, имелось в виду и послание «Любви, надежды, тихой славы». Чаадаев вспоминал споры о революции, о царевбийстве, происходившие между ним и Пушкиным весной 1820 г. Споры, послужившие поводом к написанию послания.

В. В. Пугачев

²⁴ Там же.

²⁵ «Московские ведомости», №№ 71—119. Глава 2. Лицей, стр. 53.

²⁶ Сочинения и письма П. Я. Чаадаева, под ред. М. Гершензона, т. 1, М., 1913, стр. 306—307. — В постскриптуме к этому же письму Чаадаев отметил: «Написав эти строки, узнал, что Г. Б. оправдывает себя тем, что, говоря о лицейских годах друга моего, он не полагал нужным говорить о его отношении со мною, предоставляя себе упомянуть обо мне в последующих статьях. Но неужто Г. Б. думает, что встреча Пушкина, в то время когда его могучие силы только что стали развиваться, с человеком, которого впоследствии он назвал лучшим своим другом, не имела никакого влияния на его развитие. Если не ошибаюсь, то первое условие биографа, есть знание человеческого сердца» (стр. 307).

²⁷ Там же.

2. «АРАП ПЕТРА ВЕЛИКОГО» А. С. ПУШКИНА И «АНДРЕЙ БЕЗЫМЕННЫЙ» А. О. КОРНИЛОВИЧА

В 1822—1824 г. в альманахе «Полярная звезда», издававшемся А. Бестужевым и К. Рылеевым, были помещены два очерка А. О. Корниловича, посвященные Петровской эпохе. Эти очерки, с добавлением еще двух, были перепечатаны в альманахе «Русская старина» на 1825 г.,¹ издателем которого был сам Корнилович вместе с В. Д. Сухоруковым. Успех «Русской старины» заставил издателей в следующем году выпустить его «вторым тиснением». Очерки Корниловича сразу же обратили внимание Пушкина. Познакомившись с «Полярной звездой» на 1824 г., он писал Бестужеву: «Корнилович славный малый и много обещает» (Акад., XIII, 87).

Штабс-капитан гвардии Генерального штаба, член Южного общества декабристов А. О. Корнилович был единственным среди декабристов специалистом-историком. «Он был человек очень скромный и правдивый, настоящий тип кропотливого ученого, всегда сам хлопотавший о разъяснении каждого факта до мелочности», — писал о нем Д. И. Завалишин.² Исследовательское внимание Корниловича было обращено главным образом на личность Петра как царя-просветителя, двинувшего Россию вперед. Очерки написаны на основе большого числа первоисточников, среди которых известный труд И. И. Голикова «Деяние Петра Великого», записки А. К. Нартова, И. И. Неплюева, побывавших в России иностранцев.

Значительным элементом этих источников был исторический анекдот, т. е. особый вид неизданного исторического свидетельства, передающего характерные для эпохи бытовые эпизоды и раскрывающего черты характера, ума или поведения исторического деятеля. В сфере быта, образа жизни Петровской эпохи Корнилович видел наиболее последовательное проявление ее основного противоречия: борьбу старого уклада жизни с реформаторскими устремлениями Петра.

Очерки Корниловича были вдвойне привлекательны для Пушкина, задумавшего роман из жизни своего прадеда — воспитанника и сподвижника Петра: трактовка образа Петра в них соответствовала пушкинским «Стансам»; кроме того, они представляли как бы антологию, в которой собраны подробности частной жизни ушедших времен. Известно, что в романах В. Скотта Пушкин особенно ценил обращение к «домашней стороне» истории (XI, 195), т. е. показ исторических событий через будничную жизнь эпохи. Очерки Корниловича, обращенные к «домашней стороне» Петровского времени, были своего рода конспектом для исторического романиста. Они послужили основным документальным материалом для написания глав «Арапа Петра Великого». Публикуя главу из романа в альманахе «Северные цветы» на 1829 г., Пушкин сделал примечание: «См. Голикова и Русскую старину». В 1831 г. сам Корнилович, будучи уже узником Петропавловской крепости, на основе своих очерков написал повесть «Андрей Безыменный» (СПб., 1832).

Использование и интерпретация очерков Корниловича в «Арапе Петра Великого» освещались в пушкиноведении,³ однако до сих пор не было

¹ В «Полярной звезде» на 1823 г. (СПб., 1822) напечатан очерк «О первых балах в России», в «Полярной звезде» на 1824 г. (СПб., 1824) — «Об увеселениях российского двора при Петре I». В «Русскую старину» (СПб., 1824; 2-е изд., СПб., 1825) дополнительно включены очерки «О частной жизни императора Петра I» и «О частной жизни русских при Петре I».

² Д. И. Завалишин. Записки декабриста. СПб., 1906, стр. 241.

³ См.: Д. П. Якубович. Пушкин в работе над прозой. «Литературная учеба», 1930, № 4.

обращено внимание на обратную зависимость, т. е. на то, что отрывки из пушкинского романа, напечатанные в «Северных цветах» на 1829 г. (СПб., 1828) и «Литературной газете» (1830, № 13), в свою очередь послужили источником для повести Корниловича.⁴

«Андрей Безыменный» — рассказ о судьбе честного дворянина Андрея Горбунова, который унаследовал имение своего деда, но корыстолюбивый Меншиков и его управляющий отняли у него это имение, представив ложные доказательства, что Андрей подкидыш и не дворянин. Вмешательство Петра восстановило справедливость.

Ядро повествования почерпнуто Корниловичем у Голикова (анекдот о часовом и неправом суде), бытовые детали и фон берутся из очерков самого Корниловича. При этом в повесть включены некоторые моменты, отсутствующие в очерках, но совпадающие с пушкинской обработкой их в «Арапе». Так, например, в сцене ассамблеи использован один и тот же сюжетный прием: бывалый петербуржец, знаток светских обычаев, приводит на ассамблею новичка, недавно приехавшего в Петербург. У Пушкина — это Ибрагим и Корсаков, у Корниловича — Желтов (друг Андрея) и Горбунов. Герои переходят из одной комнаты в другую и таким образом знакомятся с порядком ассамблеи. У Пушкина заимствованы и некоторые детали. Вот, например, как в «Арапе» описывается приезд Ибрагима с Корсаковым во дворец: «Между тем они подъехали ко дворцу. Множество длинных саней, старых колымаг и раззолоченных карет стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера в ливрее и в усах, скороходы, блистающие мишурою, в перьях и с булавами, гусары, пажы, неуклюжие гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своих господ: свита необходимая по понятиям бояр тогдашнего времени» (VIII, 15—16).

Всех этих «пажей, скороходов, гайдуков» в очерках Корниловича нет. Встреча императрицы там изображена иначе: «В 6 часов приезжал император и немного спустя — государыня с великими княжнами, ей одной козян выходил навстречу и ее одну провожал до кареты».⁵

А вот сцена приезда на ассамблею в «Андрее Безыменном»: «Пажи у пристани, камер-юнкеры у крыльца, скороходы на ступеньках лестницы, камергеры наверху, в синих ливреях, увитых серебром, стояли для встречи царицы. У дверей находились два гайдука, великаны вершков в тринадцать, которым приказано было принимать всех и никого не выпускать прежде девяти часов».⁶ Слуги при входе в дом Меншикова, очевидно, появились после чтения Пушкина, но у Пушкина вся эта пестрая челядь вместе с гайдуками, «навьюченными шубами своих господ», создает реалистически живописную сценку, у Корниловича картина, точная в историко-бытовом отношении (каждой из названных категорий слуг отведено определенное место на подходах к дому Меншикова), проигрывает в живописности.

⁴ В осторожной форме такое предположение высказано в статье Б. Б. Кафенгауза и А. Г. Грумм-Гржимайло «Декабрист А. О. Корнилович» (в кн.: А. О. Корнилович. Сочинения и письма. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 449): «Не исключена возможность, что Корнилович в свой черед знал пушкинского «Арапа Петра Великого», из которого глава об ассамблее была напечатана в 1830 г. в «Литературной газете», а глава IV, изображающая обед у боярина и приезд к нему Петра I, напечатана Пушкиным в 1829 г. в альманахе «Северные цветы». В это время Корнилович находился в Петропавловской крепости, куда по распоряжению Бенкендорфа ему присылали книги и журналы, по крайней мере он читал в крепости «Сын отечества» и «Северную пчелу». Если предположить, что Корнилович знал эти отрывки из «Арапа», то они могли послужить толчком к написанию им повести «Андрей Безыменный».

⁵ А. О. Корнилович. Сочинения и письма, стр. 181.

⁶ Там же, стр. 119.

Приведем еще по отрывку из «Русской старины», «Арапа Петра Великого» и «Андрея Безыменного», которые, как нам кажется, подкрепляют высказанное предположение.

«Русская старина»:

«Ассамблеи устроены были следующим образом. В одной комнате ганцевали, в другой находились шахматы и шашки, в третьей трубки с деревянными спичками для закуривания, табак, рассыпанный на столах, и бутылки с винами.⁷

«Арап Петра Великого»:

«Государь был в другой комнате... Там сидели большею частью иностранцы, важно покуривая свои глиняные трубки и опорожняя глиняные кружки. На столах расставлены были бутылки пива и вина, кожаные мешки с табаком, стаканы с пуншем и шахматные доски. За одним из сих столов Петр играл в шашки с одним широкоплечим английским шкипером. Они усердно салютовали друг другу залпами табачного дыма...» (VIII, 16).

«Андрей Безыменный»:

«Разительную противоположность представляла третья комната. На столах вместо вина — пиво и пунш. Осененные облаком, с глиняными трубками в зубах собеседники также пьют, но молча и отдыхая только, чтоб всасывать и выпускать из себя табачный дым. „Здесь, брат! — сказал Желтов Горбунову, — муха пролетит, услышишь, а если кто и обмолвится, то верно не по-нашему“⁸. Действительно, пировавшие тут были исключительно иностранцы: офицеры, служившие в нашей армии и флоте, шкипера, оставшиеся на зиму в Петербурге, иноземные купцы».⁸

Сухое, протокольное сообщение очерка развернуто Пушкиным в полноценный реалистический эпизод. В комнату, где на столах рассыпан табак, Пушкин вводит иностранцев (в России табак еще не очень привычен), упомянутое Корниловичем вино он дополняет пивом и пуншем. Трубки становятся глиняными, т. е. материально осязаемыми. И в эту же комнату с западным, морским колоритом он помещает Петра за один стол со шкипером. Каждую из этих деталей в отдельности — и пунш, и пиво, и глиняные трубки, и шкиперов — Пушкин нашел в очерках Корниловича, подлинность деталей делает сцену документально убедительной. Лучшее доказательство этого — использование этой же комнаты в повести Корниловича, подсказанное Пушкиным и вполне согласное с его собственным представлением об эпохе.

Корнилович, так же как и Пушкин, заселяет эту характерную для эпохи Петра комнату иностранцами, также заполняет ее клубами табачного дыма, ставит на столы пиво и пунш, но заимствованные у Пушкина детали уточняет («вместо вина — пиво и пунш», не просто «шкиперы», а «шкиперы, оставшиеся на зиму в Петербурге»). В отличие от Пушкина, в комнате нет Петра, это обусловлено движением сюжета. В то время когда Андрей осматривает ассамблею, Петр еще не появился в доме Меншикова, придя же он сразу бросается к хозяину, чтобы свершить правый суд (только так и должен был поступить идеальный монарх), а автор от документального «фона», к которому относится, в известной степени, описание ассамблеи, переходит к романтической истории, и исторические детали уступают место изображению чувств героев.

Очерки Корниловича раскрывали историю «домашним» образом, в повести же он не смог вырваться за пределы романтического штампа в способах подачи документального материала.⁹ Сам Корнилович чувство-

⁷ Там же, стр. 180.

⁸ Там же, стр. 122.

⁹ Подробнее см. мою статью «Принципы документального повествования в прозе 20—30-х гг. XIX века» (в кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VI. Изд. АН СССР, М.—Л., 1969, стр. 296).

вал недостатки своей повести и объяснял их отсутствием необходимых материалов. «Я... шесть лет с лишним не занимался историею, — писал он брату из крепости, — не имею ни одной книги о времени Петра I, писал все на память».¹⁰ Однако текст «Андрея Безыменного» показывает, что материалы своих очерков Корнилович знал и помнил хорошо, а неудовлетворенность его повестью скорее объясняется тем, что у него перед глазами был образец, с которым он мог ее сравнивать, — напечатанные отрывки из романа Пушкина.

— Я. Л. Левкович

3. МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ

Завершая девятилетний труд над «Евгением Онегиным», поэт выразил свои чувства словами легкой грусти:

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще неясно различал.

В «Пушкинологических этюдах» Н. О. Лернера было впервые показано, что *магический кристалл*, восприимчивый нашими современниками как беспредметный образ удивительной свежести и чистоты, был для предыдущих поколений привычной бытовой реальностью — в конце прошлого века он продавался в посудных лавках Петербурга и представлял собой стеклянный шар диаметром 2—3 вершка, использовавшийся в оккультных целях.¹ Это объяснение — шар из прозрачного стекла, употребляющийся при гаданье — вошло в лексикологический канон пушкинныи.²

Удачная находка комментатора все же не была надлежащим образом доследована, и В. Набоков имел известные основания назвать его публикацию «довольно наивным эссе» (a rather naive little essay).³ Основной недоработкой является, на наш взгляд, неосторожный перенос торгового ассортимента посудных лавок конца XIX в. в дворянскую культуру первой четверти XIX в., без поправки на весьма вероятную эволюцию понятия и предмета. Кроме того, нельзя оставлять без объяснения смысловую неувязку — ведь стекло является по своей физической природе веществом аморфным, а не кристаллическим, и даже по своей внешней форме стеклянный шар не имитирует природный кристалл, который, как известно, имеет только плоские грани. Именно это дает право предполагать, что

¹⁰ А. О. Корнилович. Сочинения и письма, стр. 296.

¹ Н. О. Лернер. Пушкинологические этюды. В сб. «Звенья», т. 5, Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 105—108.

² Словарь языка Пушкина, т. 2. Гос. изд. иностр. и научн. словарей, М., 1957, стр. 406; Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. М., 1966, стр. 614.

³ Eugene Oegin. A Novel in Verse by A. Pushkin. Translated from the Russian, with a Commentary, by V. Nabokov, vol. 3. N. Y., 1964, p. 245.

первоначальный облик магического кристалла не имел никакого отношения к сфере.

Гадание с помощью кристаллов имеет очень давнюю традицию; совершенно непропорционально акцентировать внимание на его модности в пушкинское время. Уже в эллинистической литературе гекзаметры псевдоорфической «Литики» (последняя четверть IV в. н. э.⁴) дают исчерпывающие наставления по этому виду магии,⁵ использовавшему некий драгоценный камень — кажется, бриллиант.⁶ Расцвет кристалломантии приходится на эпоху Возрождения. Красноречивой французской иллюстрацией к этому повальному увлечению является смех Рабле. Вот описание увиденного Панургом храма божественной Бутылки:

«Круглая капелла, сделанная из прозрачных камней селенита; из-за их большой прозрачности солнечный свет, несмотря на отсутствие окна или иного отверстия... проникал сюда легко и в таком количестве, что казалось, будто свет рождается внутри, а не приходит извне... Строение этой круглой капеллы обладало столь совершенной симметрией, что диаметр плана был равен высоте свода. Посреди нее находился фонтан из тонкого алебаstra, имевший семигранную форму и неповторимо красивую лещку, наполненный водой столь прозрачной, какой только может быть первородная стихия, а внутрь была поставлена наполовину погруженная священная Бутылка, в оболочке из чистого и прекрасного кристалла, яйцевидной формы».

Когда после жреческих священнодействий бутылка-оракул произнесла мистическое «Trinc», Панург вскричал: «Она разбилась, ей-богу, или треснула! Я не лгу, именно так говорят кристалльные бутылки нашего отечества, когда они лопаются вблизи огня!» (Гаргантюа и Пантагрюэль, кн. V, 44—45).

Это является ключом к каламбуру, вложенному в уста брата Жава (IV, 54): «Я не боюсь бородача, даже если он доктор в области кристаллов (что я говорю! Папских декреталий)». В подлиннике: Je n'en crains homme portant barbe, fust il docteur de crystalin (je dis decretalin).

Немецкий XVI век изобилует свидетельствами популярности кристалломантии. В Старой пинаколке Мюнхена есть картина Ганса Бальдунга (1529 г.) — обнаженная женщина вперила тяжелый взгляд в магический кристалл, блестящую полусферу величиной с человеческую голову.⁷ Это дает наглядное представление о том, как прорицали будущее, раскрывали тайны прошлого и настоящего, рассматривали далеко происходящие события. Об этом же писал нюрнбергский мейстерзингер Ганс Сакс:

In der christall und der parill
kan ich auch sehen viel gesicht,
was über etlich meil geschicht.⁸

В «Фаусте» Гёте, в сцене пасхального гулянья, девушки сообщают друг дружке, что колдунья показала им суженых, одной — при гадании в ночь на праздник св. Андрея, другой — в кристалле.

⁴ Pauly-Wissowa. Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft. 36. Halbband. Stuttgart, 1942, Sp. 1338.

⁵ Orphei Lithica, rec. E. Abel. Berlin, 1881, Verse 357—389.

⁶ Pauly-Wissowa. Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft. 25. Halbband. Stuttgart, 1926, Sp. 771—774; R. Gansiniec. Kryształomancja. Lud, t. 41. Warszawa, 1954, pp. 257—339.

⁷ Alte Pinakothek München. Katalog II. Altdeutsche Malerei. München, 1963, SS. 43—44, 265. Цветная репродукция: Encyclopedia of world Art, vol. 9. Venezia—Roma, 1964, pl. 255.

⁸ J. Grimm, W. Grimm. Deutsches Wörterbuch. 5. Bd. Leipzig, 1873, Sp. 2482. — В кристалле и берилле я могу увидеть многое такое, что происходит за несколько миль отсюда.

Стеклянные шары, заполненные водой сферические сосуды либо обыкновенные бутылки являлись всего лишь суррогатами «настоящих» магических кристаллов, изготовлявшихся, как правило, из горного хрусталя, т. е. кристаллического кварца, реже — из берилла, а в единичных случаях из яшмы.⁹ Сферическая или полусферическая формы были отнюдь не обязательными — кристаллы для магии делались также цилиндрическими, призматическими либо в виде геммы или камней, вправленных в перстни.¹⁰ На последний вариант эффектный пример имеется в Четвертом бдении сказки Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок» (1814 г.), где Линдхорст беседует с юношей Ансельмом:

«Быстро сняв с левой руки перчатку и поднеся к глазам студента перстень с драгоценным камнем, сверкавшим удивительными искрами и огнями, он сказал:

— Смотрите сюда, дорогой господин Ансельм, то, что вы увидите, может доставить вам удовольствие.

Студент Ансельм посмотрел, и — о чудо! — из драгоценного камня, как из пылающего фокуса, брызнули во все стороны лучи и сплелись, образовав светлое, блестящее хрустальное зеркало, а в нем танцевали, подпрыгивали и затейливо крутились, то разбегаясь, то свиваясь, три зелено-золотые змейки. Когда их сверкающие тысячами искр гибкие тела соприкасались, звучали предельные аккорды, будто излучаемые хрустальными колокольчиками, а средняя змейка вытягивала, словно преисполненная страсти и желания, свою головку к зеркалу, и ее синие глаза говорили:

— Знаешь ли ты меня, веришь ли ты в меня, Ансельм? Любовь есть только в вере — а можешь ли ты любить?

— О Серпентина, Серпентина! — воскликнул в безумном восхищении студент Ансельм, но архивариус Линдхорст быстро дунул на зеркало, и лучи с электрическим треском скрылись в фокусе, а на руке снова блеснул лишь маленький изумруд, на который архивариус натянул перчатку».

Большую известность как кристалломант приобрел английский математик Джон Ди (John Dee, 1527—1608). Его инструмент представлял собой тщательно отполированный кусок шотландского антрацита.¹¹ Магическому кристаллу зеркальный блеск был необходим для того, чтобы привести гадающего индивида в состояние, которое Пушкин выразительно назвал в процитированной нами строфе *смутным сном*, за неимением появившегося позже (во второй половине XIX в.) термина *гипноз*. Зеркало тоже выполняет в гаданиях роль завораживающего магического кристалла, и хотя, по остроумному замечанию Н. Л. Бродского, «Пушкин не пытался объяснить странного соединения в своем мировоззрении элементов материализма с темными суевериями»,¹² в обществе XIX в., хорошо знакомом с гаданиями, вызванный зеркалом кошмарный сон Татьяны, предсказавший гибель Ленского,¹³ с полным основанием воспринимался серьезнее, чем современным читателем, не знающим гипнотических состояний. Тем более это относится к художественной функции вещего сна в предшествующие эпохи мировой литературы, начиная с античности (сон Клитемнестры у Стесихора, Эсхила, Софокла, Еврипида).

⁹ Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, hg. von H. Bächtold — Stäubli. 5. Bd. Berlin—Leipzig, 1933, Sp. 579.

¹⁰ Там же.

¹¹ G. L. Kittredge. Witchcraft in old and New England. Cambridge, Mass., 1929.

¹² Н. Л. Бродский. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина. Изд. 5-е. Изд. «Просвещение», М., 1964, стр. 232.

¹³ E. Tangl. Tatjanas Traum. «Zeitschrift für slawische Philologie». 25. Bd. Heidelberg, 1956, SS. 230—260; L. Müller. Tatjanas Traum. «Die Welt der Slaven», 7. Jg. Wiesbaden, 1962, SS. 387—394.

Нельзя не согласиться с В. Набоковым, усматривающим первый намек на знакомство Пушкина с магическим кристаллом уже в стихотворении 1821 г. «К моей чернильнице»:

Заветный твой кристалл
Хранит огонь небесный.¹⁴

Следует указать на ассоциативность с магическим кристаллом еще одной пушкинской метафоры из V главы «Евгения Онегина», не имеющей аналогий и обращенной к юной Евпраксии Вульф:

Зизи, кристалл души моей.

М. Ф. Мурьянов

4. «КОЛЛЕКТИВНАЯ ЗАПИСКА» К. П. БРЮЛЛОВУ

Коллективная записка, отправленная К. П. Брюллову Никитиным, И. С. Мальцовым, С. А. Соболевским, Пушкиным и Ф. И. Доливо-Добровольским летом 1836 г.,¹ занимает особое место среди весьма скудных документальных свидетельств о петербургских встречах Пушкина и Брюллова. Между тем обстоятельства ее написания и ряд содержащихся в ней указаний до сих пор не объяснены. Л. Б. Модзалевский, впервые в 1936 г. опубликовавший и прокомментировавший эту записку, датировал ее маем—июлем 1836 г., но не высказал никаких соображений о поводе написания.² Последующие комментаторы ее внесли лишь отдельные уточнения в комментарий Модзалевского; так, М. И. Яшин, сопоставив время пребывания в Петербурге авторов записки, предложил альтернативную датировку ее 10—25 июня или 6—23 июля 1836 г.³ Датировка эта была принята и в последнем комментированном издании писем Пушкина 1834—1837 гг.⁴ Здесь произведена расшифровка затруднявшего Л. Б. Модзалевского таинственного «Romano» («Римлянин» — Брюллов), но какое-либо толкование записки также отсутствует. Между тем обследование печатных и архивных материалов о Брюллове позволяет высказать ряд предположений о назначении записки, с чем связано и дальнейшее уточнение данных предшествующих комментариев.

3 или 4 мая 1836 г. в Москве Пушкин впервые посетил К. П. Брюллова, жившего тогда у Витали. Знакомство быстро переросло в дружбу. Пушкин писал жене: «Зазываю Брюлова к себе в Петер». Б. «ург»...» (Акад., XVI, 116). Столица нетерпеливо ждала художника: еще в марте в Академии начались переговоры о торжественной встрече прославленного маэстро.⁵ Но Брюллов медлил, одолеваемый мрачными мыслями о петербургском «климате» и приступами малярии, подхваченной в Афинах.

Он выехал из Москвы вечером 18 мая, после прощального обеда в Кремле (у Е. И. Маковского), куда он написал письмо, датированное

¹⁴ Eugene Onegin. Commentary, by V. Nabokov, vol. 3, p. 245.

¹ Акад., XVI, 144 (№ 1236). Подлинник — *ИРЛИ*, ф. 244, т. I, 677, л. 1 (оборот листа Брюллов использовал для своих набросков).

² Л. Б. Модзалевский. Коллективная записка к К. П. Брюллову. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 17—19.

³ Михаил Яшин. Дача на Каменном острове. «Нева», 1965, № 2, стр. 193.

⁴ Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Изд. «Наука», Л., 1969, стр. 321 (с комм. В. Э. Вацура).

⁵ ЦГИА, ф. 789, оп. 20, ед. хр. 9, лл. 1—2.

18 мая 1836 г.: «Любезные друзья! Надеюсь, что не откажетесь принять меня и накормить обедом, после которого немедленно отправляюсь в Питер...».⁶

Сообщив жене (в письме 18 мая) об отъезде Брюллова, Пушкин отправился следом и вернулся в Петербург в ночь с 23 на 24 мая, в то время как Брюллов, очевидно, приехал в ночь с 22 на 23 мая.⁷

Петербургский адрес Брюллова записан рукой С. А. Соболевского на листке с коллективным приветствием: «на Невском проспекте, в доме Таля, против Малой Морской, на квартире Мальцова». С. А. Соболевский был дружен с Брюлловым со времени их совместного пребывания в Италии. В начале 1830-х годов Брюллов исполнил с него два портрета (шаржированный карандашный набросок и акварель).⁸ Блестящий «организатор контактов», Соболевский стал первым звеном, заочно связавшим Брюллова и Пушкина.

Ко времени приезда Брюллова в Петербург Соболевский жил в доме Таля, у своего друга И. С. Мальцова и вновь собирался за границу.⁹ Уступив прибывшему художнику квартиру, Соболевский уехал на несколько дней в Ригу.¹⁰ 8 августа он был в Кронштадте, откуда направился в Англию, где уже ждал его Мальцов.¹¹

Брюллов в первых числах августа¹² переехал наконец в квартиру покойного Мартоса, в здании Академии (хлопоты о которой велись еще в марте). Следственно, в доме Таля, на Невском проспекте, против Малой Морской (ныне дом № 6), Брюллов жил свыше двух месяцев.

Этот период отмечен важным событием в жизни Брюллова.

Еще 11 марта 1836 г. А. Н. Оленин подал П. М. Волконскому доклад для представления царю. Название его было заурядное: «Об учреждении добровольной кассы для вдов и сирот художников, воспитывавшихся в императорской Академии художеств».¹³ Но суть — необычна. Оленин писал: «Наставники, соученики и товарищи Почетного Вольного Общника <Карла> Брюллова желают изъявить ему особое их уважение»; Президент испрашивал разрешения устроить торжественный обед в честь Брюллова в парадных залах Академии; попутно, в ознаменование события, он просил позволения основать («во время обеда») кассу пожертвований.¹⁴ Николай I, согласившись «на составление особой кассы из добровольных пожертвований для вдов и сирот художников, воспитывавшихся в Акаде-

⁶ ГТГ, фонд рисунка, № 6600. Письмо написано Брюлловым, хранится среди рисунков из собрания Е. И. Маковского.

⁷ Выдвинутая недавно гипотеза о совместном возвращении Пушкина и Брюллова в столицу (см.: М. Яшин. Дача на Каменном острове, стр. 192; ср.: Пушкин. Письма последних лет, стр. 311) несостоятельна еще и потому, что Пушкин (как то известно из письма Нащокину 27 мая) ехал в коляске; а Брюллов — в дилижансе (Н. А. Рамазанов. Воспоминания о Брюллове. «Москвитянин», 1852, № 16, август, стр. 110).

⁸ А. К. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928, стр. 270.

⁹ Там же, стр. 53, 67.

¹⁰ В «Прибавлении к Санктпетербургским ведомостям» (№ 1110 7 июня 1836 г.) под числами 23, 24, 25, 26, 27 и 28 мая значатся приезд Брюллова и отъезд Соболевского.

¹¹ А. К. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому, стр. 67.

¹² ЦГИА, ф. 489, оп. 1, ед. хр. 2017, л. 6 об. (отношение П. М. Волконского от 26 июля) и 10 об. (отношение А. Н. Оленина от 28 июля); «Русский художественный архив», 1892, стр. 178 (письмо А. И. Иванова сыну от 8 августа 1836 г.).

¹³ ЦГИА, ф. 789, оп. 20, ед. хр. 9, л. 3.

¹⁴ Там же, л. 3 об.

ми»,¹⁵ невольно утвердил замаскированный таким образом проект торжества.

Академический праздник в честь Брюллова состоялся 11 июня (от 4 до 7 часов вечера). Кроме художников, на нем присутствовали Жуковский и Крылов.¹⁶ Пресса безмолствовала. «Происшествия сего дня. — писал А. И. Иванов сыну, — казалось, будут пропечатаны в каком-либо журнале или газетах, ибо делались к тому приготовления (...) но о нем не было объявлено».¹⁷

Тем не менее о чествовании Брюллова говорил весь Петербург. Друзья и почитатели художника, не присутствовавшие на торжествах, поздравили его лично. Нет сомнения, что записка, написанная на пушкинской даче, была одним из таких поздравлений. Ее следует датировать, таким образом, 11 или 12 июня — днем чествования или следующим днем. Трое из авторов записки были знакомыми Брюллова; Доливо-Добровольский, владелец дачи, также принял участие в коллективном приветствии.

Данные о «подпоручике Никитине», авторе первой подписи на рассматриваемой записке, собраны Л. А. Черейским в готовящемся к печати словаре «Пушкин и его окружение». Алексей Поликарпович Никитин (1801—1849) — воспитанник Академии художеств с 1813 по 1824 г. и, следовательно, младший соученик Брюллова. В 1836 г. он служил подпоручиком в Гидрографическом депо Морского министерства. Присутствие А. П. Никитина на Каменноостровской даче можно объяснить, допустив, что он был родственником коллежского советника Никитина, владевшего дачей по дороге от Крестовского моста к Елагину острову.¹⁸

Е. И. Гаврилова

---

5. ПУШКИН И ПАВЕЛ ЗУБОВ

Какая же самая насущная потребность народа, как не просвещение?

П. Zubov. 1865

Во второй половине 50-х годов XIX в. Вятка переживала, как и вся Россия, замечательный подъем умственной жизни. Общественные вопросы стали привлекать всеобщее внимание. Только что вышедшие «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, написанные на вятском материале, пользовались здесь широкой известностью. Даже казенные «Ведомости» решились осуждать недавние порядки. В одной из статей прямо указывалось, что для провинции главная обновляющая сила — в развитии общественной жизни, ибо, в противном случае, «всегда будет царствовать лень и апатия, грубость нравов, узость понятий и ограниченность».¹

¹⁵ Там же, л. 4.

¹⁶ Там же, лл. 6—7.

¹⁷ «Русский художественный архив», 1892, стр. 178, 182.

¹⁸ См.: С. Аллер. Руководство к отысканию жилищ по Санкт-Петербургу, или Прибавление к адресной книге: Указатель жилищ и зданий в С.-Петербурге. СПб., 1824, стр. 546. — На это обстоятельство указал мне В. Э. Вацуро.

¹ «Вятские губернские ведомости», 1859, № 10, стр. 68—70.

Вятка менялась. Здесь появились новые и весьма активные культурные деятели, открылась знаменитая «академия» вятских нигилистов — библиотека А. А. Красовского; сильно повысился интерес к литературе и театру. Кончилась полоса русской жизни, когда, по выражению Герцена, «все было прибито к земле». Новая эпоха, полная надежд и иллюзий, «омолодила» даже некоторых усердных служаек. Одним из таких чиновников был Павел Алексеевич Зубов — председатель Вятской палаты гражданских и уголовных дел. Он особенно выделялся «своей инициаторской деятельностью, энергией и просвещенным сочувствием к новым явлениям».²

Зубов — коренной воложанин. Отец его — прокурор, имел в Вологодской губернии две тысячи десятин земли и около двухсот крепостных (потом — временнообязанных) крестьян.³ Учился Павел Зубов в Петербургском университете, состоял пансионером; но с 1835 г. «по причине перемены домашних обстоятельств» (видимо, из-за смерти отца) перешел в «своекостные студенты».⁴

В 1838 г., окончив университет со степенью действительного студента, Зубов начал службу в петербургской таможне. Его братья — Петр, Михаил и Сергей — тоже были чиновниками. Впоследствии Петр стал сенатором и видным законоведом.⁵

После таможни (с 1841 г.) Павел Зубов состоял секретарем в департаменте сената, в 1850—1856 гг. был губернским прокурором в Вологде, а в 1858 г. получил назначение в Вятку. Уже вскоре он стал здесь принимать деятельное участие в работе Совета Публичной библиотеки и музея, играл в спектаклях, сотрудничал в вятских изданиях.⁶

В декабре 1860 г. Министерство внутренних дел разослало по всем губерниям печатное извещение: «Бывшие воспитанники всех курсов императорского Александровского лицея, уверенные в глубоком сочувствии соотечественников к памяти питомца сего заведения Александра Пушкина, обратились с просьбою о дозволении открыть повсеместно подписку для сооружения памятника этому поэту, достойного народной его славы». Далее указывалось, что император «соизволил» открыть подписку и «повелел» поставить памятник в Царском Селе в бывшем Лицейском саду. Вятский губернатор разослал извещения по уездам, но все ответы исправников и заседателей были однотипны: «желающих жертвовать на памятник Пушкину не оказалось».⁷

В Вятке дело пошло по-иному. Зубов предложил устроить для сбора денег специальный литературный вечер. В подготовке его приняли участие, кроме Зубова, управляющий удельной конторой П. В. Алабин, его помощник В. А. Кандауров и учитель гимназии Я. Г. Рождественский.

Как вспоминал сверстник-соученик, «Зубов был страшным поклонником Пушкина: он им бредил, читая кстати и некстати восторженные его стихи, становясь в позу импровизатора. Стоило было, хоть в шутку, намекнуть о каком-нибудь несовершенстве пушкинских стихов, как Зубов приходил в азарт. Таким он остался до старости и смерти. Он превос-

² Столетие Вятской губернии, т. I. Вятка, 1880, хроника, стр. 23.

³ ЦГИАЛ, ф. 574, оп. 7, ед. хр. 825, лл. 204—221.

⁴ Исторический архив Ленинградской обл., ф. 14, оп. 3, ед. хр. 5275, л. 1.

⁵ М. И. Семевский. Петр Алексеевич Зубов. «Русская старина», 1880, август, стр. 809—815.

⁶ «Вятские губернские ведомости», 1861, № 47, стр. 384. — См. также: П. Зубов. Ломоносовский юбилей в Вятке. «Вятские епархиальные ведомости», 1865, № 10.

⁷ Кировский обл. гос. архив (КОГА), ф. 582, оп. 52, ед. хр. 170, лл. 1—5 и след.

ходно играл из „Горя от ума“ роль Фамусова и, по заявлению знатоков, после Щепкина был только Zubov».⁸

С Пушкиным Zubov был знаком и лично, встречаясь с ним в доме своего университетского наставника П. А. Плетнева, который столь же восторженно относился к Пушкину. Известно, что поэт посвятил своего «Евгения Онегина» П. А. Плетневу. Однажды Zubov узнал у Плетнева, что Пушкин с Жуковским и Плетневым будут на лекции у Гоголя. Предупрежденные Zubовым студенты с нетерпением ждали этого дня и многие смогли увидеть тогда Пушкина в университете.

Zubov стал «пушкинистом» под влиянием Плетнева, который едва ли не все лекции свои «начинал и кончал Пушкиным». В нем он видел не только гениального поэта, но и глубокого философа, одаренного высшим знанием человеческой природы... Смерть А. С. Пушкина... оплакана была Плетневым на кафедре горячими слезами.⁹

Со студенческих лет Zubov много занимался переводами с иностранных языков, и Плетнев весьма сочувственно относился к этим опытам. «Ты слышал, — писал он Я. К. Гроту в феврале 1842 г., — что несколько молодых людей переводят на русский язык прозою все сочинения Гёте. Тут участвует известный тебе приятель мой Zubov. Он приносит мне прочесть статью Гёте о Шекспире его перевода. Статья умная и переведена недурно».¹⁰

Вятский вечер назначили на масленице, через неделю после манифеста «Об освобождении крестьян», 27 февраля 1861 г. В разосланных приглашениях говорилось: «Вечер — дело общественное, и хотя цены местам назначены (от 25 копеек до 1 руб. 50 коп.), плата за билеты от желающих принимается и в большем размере».

В первой части вечера Я. Г. Рождественский сделал доклад: «О Пушкине как о человеке и его влиянии на развитие отечественной литературы». Во второй части были прочитаны: отрывок из «Полтавы» (П. В. Алабин), два стихотворения Пушкина (П. А. Zubov), сцена из «Бориса Годунова» (П. А. Zubov и В. А. Кандауров) и отрывок из «Евгения Онегина» (В. А. Кандауров). Третья часть вечера включала «рассказ» П. А. Zubова «Последние минуты жизни Пушкина». В заключение П. В. Алабин прочел «Памятник» Пушкина.

О литературном вечере «Вятские губернские ведомости» напечатали восторженную заметку. Газета назвала его «замечательным, почти необыкновенным в эдшей общественной жизни явлением». «Нельзя умолчать, — писал автор заметки Н. И. Золотницкий, — что поистине отрадное впечатление оставил по себе этот вечер многолюдством бывших на нем посетителей: в большой танцевальной зале благородного собрания, в которой происходило чтение, несмотря на приставку стульев, не достало мест, и значительная часть публики должна была поместиться в соседних комнатах. На этот вечер собрались и высший класс вятского общества, и городское духовенство, и учителя гимназии, семинарии и разных училищ, и чиновники, и офицеры, и кушцы, и ученики гимназии, семинарии, канцелярского училища, и приказчики из магазинов, а всего отраднее и знаменательнее то, что на этом вечере было, кажется, больше двадцати дам».¹¹

⁸ Н. М. Колмаков. Очерки и воспоминания... «Русская старина», 1891, май, стр. 460.

⁹ Там же, стр. 462.

¹⁰ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 1. СПб., 1896, стр. 439. — Статья «Шекспир» действительно напечатана в «Сочинениях» Гёте (СПб., 1842, вып. II, стр. 29—46). Перевод ее ошибочно приписывался И. Бочарову (см.: Б. Бухштаб. Русские переводы Гёте. «Литературное наследство», т. 4—6. М., 1932, стр. 962). Видимо, этому же Павлу Zubову принадлежал перевод драмы «Джарвис», изданной в Петербурге в 1841 г.

¹¹ «Вятские губернские ведомости», 1861, № 10, стр. 95.

В архиве П. А. Плетнева в Пушкинском доме сохранилась программа вечера и два письма П. А. Зубова. Первое письмо имеет пометку Плетнева: «Получено 10 марта 1861 г., отвечено в тот же день».

Под свежим впечатлением от вечера Зубов писал своему учителю:

«Милостивый государь Петр Александрович,

Позвольте мне, пользуясь обстоятельством, которое, может быть, не лишено интереса и для Вашего превосходительства, напомнить вам о существовании моем, как человека, хотя уже и очень давно лишенного счастья пользоваться личным Вашим знакомством, но до сих пор преданного Вам всей душой. Из прилагаемой к сему программы изволите увидеть, в чем дело; прибавлю только, что дело, задуманное мною и исполненное при помощи нескольких приятелей, удалось вполне. Даже и те, которые отправились на вечер с предубеждением, остались им вполне довольны. Сбор не мог быть очень велик по малочисленности вятского общества и по значительности расходов на устройство вечера. Надеемся, однако, внести в местное казначейство более ста рублей, да, может быть, мысль моя найдет подражание и в других местностях.¹²

«Рассказ мой о последних минутах жизни Пушкина составлен был по письму Жуковского и биографическим статьям Вашего превосходительства, Бантыш-Каменского и другим и пополнен отчасти личными воспоминаниями, воспоминаниями, которыми я обязан тому счастливому времени когда пользовался столь лестным для меня знакомством Вашим.

«Будьте совершенно уверены, милостивый государь, что то счастливое время, время моей юности, в воспоминаниях которого самая светлая для меня черта — отношения мои к Вам и к лицам, в круг которых я введен был в Вашем доме, — не изгладятся никогда из благодарного моего сердца.

С совершенным уважением и глубочайшей преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою

Павел Зубов.¹³

Вятка, 2 марта 1861 г.»

Ответное письмо пока не найдено. Зубов опубликовал из него только строки о Пушкине.

«Вы, конечно, не забыли, — писал Плетнев, — что дуэль его была в среду. Это день, в который он обыкновенно являлся у меня. В роковую среду я по какому-то предчувствию сам заехал за ним, возвращаясь домой с Васильевского острова. За минуту до меня внесли его раненого. В этот вечер ему тяжело было принять меня к себе, где он все на себе должен был переменять и мучился. Я оставался у его жены и тетки, но в четверг, рано утром, когда я еще не успел встать, уже он, прислав свою карету, просил меня к себе, а в пятницу его не стало.

Когда я начинаю перебирать в мыслях, сколько и каких друзей судьба лишила меня, то мне свет становится чужим».¹⁴

Во втором письме Зубов сообщал:

«24 марта 1861, г. Вятка

Милостивый государь Петр Александрович!

Еще раз решаюсь обеспокоить Вас моим писанием и, согласитесь сами, можно ли мне не отозваться на любезное и благосклонное внимание

¹² «Вятские губернские ведомости» (1861, № 11, стр. 103) сообщили, что на вечере было собрано 180 рублей 70 коп., употреблено в расход на портрет и прочую обстановку вечера, печатание афиш и билетов и на плату прислуге и рабочим 80 рублей 20 коп., а остальные 100 рублей 50 коп. отправлены в Вятское уездное казначейство.

¹³ ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 257.

¹⁴ «Вятские губернские ведомости», 1866, № 4, стр. 27.

Ваше; если в первом письме я не вошел в подробности о бывшем у нас литературном вечере, то после письма Вашего превосходительства считаю себя обязанным ответить на все предложенные Вами вопросы.

«Г. Рождественский намерен статью свою напечатать здесь в Вятке. Я не премину сообщить ее Вам тотчас по отпечатании, и тогда Вы сами поймете, почему я умолчал о достоинствах и недостатках этого сочинения — общий взгляд автора на поэзию, а также отдельные оценки его некоторых из русских поэтов диаметрально противоположны тем убеждениям, какие вынес я и навеки себе усвоил из университетской аудитории.

«Прочитанные мною два стихотворения Пушкина были: „Полководец“ и „Перед гробницею святой“; содержание этих стихотворений и рельефная красочность казались мне вполне доступными пониманию разнообразной толпы, наполнившей залу, притом же я знал их наизусть, а это немалая выгода для публичного чтения.

«Что касается до рассказа моего о последних минутах жизни Пушкина, то, конечно, он не мог прибавить много нового к тому, что известно из письма Жуковского, но специальное назначение вечера, казалось мне, требовало подобного возобновления в памяти присутствовавших горестных подробностей рокового события: я не мог забыть, что событие произошло в среду, так как в эту самую среду я был у Вас, нас собралось человек пять или шесть, мы сидели в кабинете и поджидали Вашего возвращения с Пушкиным, который при всех нас за неделю перед тем обещал быть у Вас и в эту среду; скоро Вы, возвратившись, как громом поразили страшною вестию. В память нежной дружбы Жуковского с Пушкиным я ввел в рассказ мой страницу поэтической прозы первого — о том впечатлении, какое произвел на него вид Пушкина в первую минуту после смерти. . .

«Если случится устроить еще раз подобное чтение, то по совету Вашему, милостивый государь, и по собственному влечению, позабочусь занять своих слушателей Жуковским.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас за благосклонное письмо Ваше. Остаюсь навсегда душевно преданный слуга

П. Зубов». ¹⁵

Рассказ Зубова напомнил вятичам не только о Пушкине, но и о Жуковском, посетившем Вятку в 1837 г.

О том, что гибель Пушкина глубоко взволновала в свое время вятских его читателей, можно судить по тому, что известное письмо Жуковского к отцу поэта здесь расходилось во многих списках. Один из них до недавнего времени находился в бумагах местных старожиллов Спасских. По дикой случайности список был сожжен рукой невежественного человека. . . в 1968 году. Осталась только папка, на которой сохранилось название уничтоженной рукописи.

На первое посмертное собрание сочинений Пушкина под редакцией Жуковского и Плетнева (в 6 томах) в Вятской губернии нашлось сравнительно много по тем временам (1837 год) подписчиков: чиновники Заев, Лазарев, Протопопов, Попов и Стульчинский, купцы Веляев, Бульчев, Ворожцов, Косарев, Матвеев, Машковцев и Синцов. ¹⁶ Публичная библиотека на подписку средств не имела, пополнялась за счет подарков. А. О. Ишимова, которой Пушкин адресовал предсмертное свое письмо, подарила Вятской библиотеке четыре свои сочинения (29 книг). ¹⁷ Зубов знал писательницу, и подарок, видимо, был ответом на его обращение.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 257.

¹⁶ КОГА, ф. 582, оп. 82, ед. хр. 42, л. 21. Сообщено З. В. Подаловой.

¹⁷ Отчеты Вятской Публичной библиотеки. 1864—1917. (Кировская областная библиотека им. А. И. Герцена. № 57941).

Вятский пушкинский вечер был памятен еще потому, что на нем здесь впервые публично встретились «отцы и дети». Молодой педагог Я. Г. Рождественский представлял «новых» людей, учеников Добролюбова и Чернышевского. По воспоминаниям гимназистов, Рождественский был «благороднейший, искреннейший, яркий и сильный представитель много давшего нам просветительного движения 60-х годов».¹⁸

Зубов, человек старой школы, конечно, весьма критически относился к взглядам Рождественского, хотя и был убежденным просветителем.

Газета пыталась занять среднюю позицию: «Отзыву о речи Я. Г. Рождественского, как о произведении самобытном, „Губернские ведомости“ может быть, скоро получат возможность дать место на своих страницах».¹⁹ Но места почему-то не нашлось.

Летом 1862 г. Зубов сменил свою судебную палату на более спокойную должность управляющего акцизными сборами Вятской губернии, а в конце 1864 г. получил чин действительного статского советника.

Он, как и раньше, дружил с судейскими чиновниками и некоторых из них переманил в свое управление.

По служебным и личным делам Зубов много лет был связан с сенатором А. Ф. Веймарном (1791—1882). Они были знакомы, вероятно, еще в 30-х годах в Петербурге. Почти двадцать лет Веймарн служил в Вятке губернским прокурором, а позже был одним из ближайших сотрудников М. М. Сперанского.²⁰ Последний раз Веймарн приезжал в Вятку в 1844 г. и до конца своих дней поддерживал дружбу с вятчанами. В частности, он хлопотал об освобождении даже лично ему неизвестного М. Е. Салтыкова-Щедрина из вятской ссылки. Жена Веймарна, Елизавета Викентьевна (урожденная Шемиот), приходилась двоюродной сестрой А. С. Пушкину.²¹ Это была еще одна из линий связи Вятки и Зубова с Пушкиным.

За три года до приезда Зубова в Вятку здесь несколько месяцев жила Н. Н. Ланская (в первом браке — жена Пушкина). Имеются сведения, что она подарила гимназии том Байрона (видимо, на французском языке), «весь испещренный пометками самого Пушкина».²²

При участии Зубова Вятская Публичная библиотека существенно пополнилась, в частности, сочинениями Пушкина. А в музей тогда поступил рисунок пером, сделанный писателем Бергом. На рисунке изображен дом генерала И. Н. Инзова в Кишиневе.²³ Как известно, в этом доме Пушкин написал ряд произведений.²⁴

Казалось, что карьере Зубова не грозили никакие катастрофы. Но, как писал П. А. Плетнев, все умные люди знают: «без некоторых слабостей никто не совершит земного странствования».²⁵

В 1868—1870 гг. Зубов каждое лето проводил отпуск в Западной Европе. Возвращаясь в Вятку, он продолжал служить. Хлопотал, как и раньше, о сборе денег на памятник Пушкину, который решено уже было

¹⁸ А. К. Лопатин. Воспоминания. В кн.: М. Г. Васильев. История Вятской гимназии. Вятка, 1911, стр. 135. — См. также: П. А. Голубев. Гимназические тени прошлого. «Вятская речь», 1911, № 250.

¹⁹ «Вятские губернские ведомости», 1861, № 10, стр. 95.

²⁰ «Голос», 1882, № 97.

²¹ ГПБ, XVIII, № 5, л. 9; Л. Павлицев. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890.

²² КОГА, ф. 3702, ед. хр. 4, л. 30

²³ «Вятские губернские ведомости», 1866, № 3.

²⁴ Пока ни рисунок Берга, ни книга Байрона не найдены. Удалось только узнать, что Н. Н. Ланская, покидая Вятку, оставила семье чиновника Драверта свой веер, будто бы — подарок Пушкина. Веер много лет находился у известного сибирского поэта и ученого П. Л. Драверта, а потом был передан в Омский краеведческий музей.

²⁵ П. А. Плетнев, Сочинения и переписка, т. 3. СПб., 1883, стр. 655.

поставить в Москве... Но заграничные встречи, книги и впечатления сделали Зубова совсем иным. В марте 1871 г. на вечере в благородном собрании, в присутствии всего вятского «высшего общества», Зубов произнес красноречивый и зажигательный тост... за победу и процветание французской коммуны. Столь явная «либеральная слабость» не прошла даром: оратор был немедленно уволен.²⁶

Дальнейшая судьба его и его потомков пока неизвестны.²⁷ В 1909 г. некая Парасковья Петровна Зубова, начальница епархиального училища в Пскове, подарила Публичной библиотеке в Петербурге два письма Пушкина 1830—1831 гг. к П. А. Осиповой. Эти письма вошли теперь в Собрание сочинений Пушкина.²⁸ Дарительница была как будто племянницей «вятского» Зубова. Интересно, что дочь П. А. Осиповой, Екатерина Ивановна, знакомая Пушкина, стала женой сына вятского лесничего Фока. Другой сын лесничего был декабристом.

У потомков Зубова могли сохраниться его воспоминания — доклад на вятском пушкинском вечере с еще неизвестными письмами П. А. Плетнева и другими подробностями.

Памятник Пушкину был открыт в июне 1880 г. Он, действительно, получил, как было задумано, «значение вполне народного достояния». В числе первых на сооружение этого памятника внесли свой вклад Павел Зубов и его вятские друзья — почитатели великого русского поэта.

Е. Д. Петряев

6. ОГЮСТЕН ГРИЗЬЕ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ФЕХТОВАНИЯ ПУШКИНА

Согласно многочисленным свидетельствам, Пушкин с юношеских лет уделял время разного рода физическим упражнениям и занятиям, носившим спортивно-прикладной характер.¹ Известно, что в числе таких увлечений Пушкина едва ли не первое место всегда занимала стрельба из пистолета, а еще в лицейский период он «отлично дрался на эспадронах, считаясь чуть ли не первым учеником у известного фехтовального учителя Вальвиля».² Это сведение подтверждается учебными табелями, в которых

²⁶ К. Кушнеров. Пламя Парижской коммуны. «Кировская правда», 1960, № 88, 13 апреля.

²⁷ Зубов был женат на Елене Павловне Храповицкой. Дочь Софья у них родилась 29 мая 1858 г. Отец Е. П. Зубовой П. П. Храповицкий, действительный статский советник, состоял членом совета крестьянского поземельного банка (умер 30 декабря 1888 г., см. некролог: «Новое время», 1889, № 4612).

²⁸ Акад., XIV, №№ 535, 644.

¹ На эту тему см.: И. Саркисов-Серазини. Солнечный геней. «Физкультура и спорт», 1958, № 5, стр. 8—10.

² П. В. Анненков. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. В издании: Сочинения Пушкина, т. 1. СПб., 1855, стр. 42. — Об Александре Вальвиле (Alexandre Valville), первом учителе фехтования Пушкина, известно мало. Уроженец Франции, Вальвиль прибыл в Россию в конце XVIII или начале XIX в. Это можно заключить из того, что, как отмечено в его книге, он осуществил постановку батальных эпизодов в трагедии В. А. Озерова «Фингал», шедшей на петербургской сцене с конца 1805 г. Заслуживает упоминания тот факт, что в этот период в составе французской драматической труппы в Петербурге играла коме-

Пушкин значится среди немногих лицеистов, получавших по фехтованию высшую оценку.³

Имеется указание на то, что и в последующие годы Пушкин проявлял интерес к фехтованию, тренируясь у Огюстена Гризье, одного из лучших европейских мастеров первой половины XIX в. Этот факт отмечен в «Заметке о Гризье», предваряющей его сочинение «Фехтование и дуэль» — выдающийся труд по истории, теории и практике фехтования, обобщивший богатый педагогический и жизненный опыт автора.⁴ Этот биографический очерк, написанный другом и учеником Гризье Роже де Бовуаром,⁵ справочные издания,⁶ а также сведения, рассеянные в работе самого

дидная актриса г-жа Вальвиль, возможно жена фехтмейстера (см., например: С. П. Жихарев. Записки современника, т. II. Изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 126, 259). 12 июля 1812 г. он был уже зачислен в штат Лицея в качестве учителя фехтования; службу здесь он окончил в 1824 г. профессором нравственных и политических наук (!) с чином статского советника. Хотя «гимнастические упражнения», включая фехтование, входили в учебную программу с основания Лицея, занятия фехтованием стали проводиться, видимо, лишь с конца 1812 г., причем демонстрация умения фехтовать была включена в программу переводных экзаменов 1815 г. По окончании выпускных экзаменов в 1817 г. Вальвиль был от имени царя награжден драгоценным перстнем (см.: Памятная книжка императорского Александровского лицея на 1856—1857 год. Материалы для истории Лицея, СПб., 1856, стр. 17, 43, 55, 73, 93, 107, 113; Д. Кобеко. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. СПб., 1811, стр. 28, 527). В 1817 г. был опубликован краткий трактат Вальвиля по фехтованию, изданный en regard на русском и французском языках: «Рассуждение о искусстве владеть шпагою» — «Traité sur la contre-pointe» (СПб., типография Карла Крайя). Из содержащихся в книге сведений (дающих, кстати, представление о школе фехтования Вальвиля) можно заключить, что с 1816 г. автор руководил также подготовкой учителей фехтования в гвардейских кавалерийских полках. К началу 1820-х годов Вальвиль, в чине капитана, продолжал ту же деятельность и проводил ежегодные смотры-соревнования фехтовальщиков гвардии в Михайловском манеже (Воспоминания Ивана Меньшого. «Русская старина», т. X, СПб., 1874 г., стр. 58—59). Около 1825 г., занимая прежнюю должность в Гвардейском корпусе, Вальвиль имел уже чин майора и много наград. Об этом говорится в романе А. Дюма «Учитель фехтования» и в книге О. Гризье (см. прим. 4), который в специальном разделе «Le sabre» подвергает резкой и, надо признать, убедительной критике как сочинение Вальвиля, так и его самого как фехтовальщика. Судя по словам Гризье, в середине 1840-х годов Вальвиль находился уже в Париже.

³ Пользуясь случаем поблагодарить научного сотрудника Всесоюзного музея А. С. Пушкина М. П. Руденскую, ознакомившую меня с фотокопиями некоторых лицейских документов.

⁴ A. Grisier. Les armes et le duel. Paris, Garnier frères, 1847. — Второе издание вышло в том же году, а третье и четвертое — в 1863—1864 гг. В библиографическом справочнике Брюне О. Гризье ошибочно отождествлен с его учеником графом Людовиком д'Орбур, подписавшим помещенный в конце книги Гризье (стр. 567—572) отзыв на этот труд (см.: J.-G. Brunet. Manuel du libraire et de l'amateur de livres. Paris, t. II, 1861, p. 1759; т. VI, 1865, p. 626, No 10314).

⁵ Roger de Beauvoir — псевдоним журналиста, писателя и поста-романтика Э.-Р. д'Бюлли (Edouard-Roger de Bully, 1809—1866).

⁶ P. Larousse. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. Paris, [1864—1876], t. VIII, p. 1540. — Nouveau Larousse illustré. Paris [1897—1906], t. IV, p. 963. — Cf. Duchaussoy. Augustin Grisier et l'escrime en Russie. «Escrime française», No. 142 (Paris, mars 1960, pp. 3—4). Здесь поме-

Огюстен Гризье. Литография Эмиля Лассаля.

Н. М. Смирнов. Акварель Е. Беккера. 1849. ИРЛИ АН СССР.

Гризье, позволяют восстановить, в основных чертах, биографию этого преподавателя фехтования. Значительную помощь в этой задаче оказывает роман близкого друга Гризье Александра Дюма «Учитель фехтования»⁷ — беллетризованная повесть о пребывании Гризье в России.⁸

Огюстен Гризье (Augustin-Edme-François Grisier) родился 26 ноября 1791 г. в семье коммерсантов. В двадцатилетнем возрасте он настолько увлекся фехтованием, что решил, оставив профессию родителей, посвятить себя изучению искусства боя на холодном оружии. Своим первым учителем на этом поприще Гризье называет фехтовальщика Гомара; впоследствии он совершенствовал свое мастерство, осваивая опыт лучших фехтовальных школ Европы и тренируясь с одним из сильнейших фехтовальщиков Франции — Казелли. В 1814—1815 гг. Гризье служил в Национальной гвардии, в период Ста дней сражался под Парижем и был ранен в правую руку, однако поправился и сумел вернуться к прежним занятиям. Достигнув в них значительных успехов, он вместе с известным фехтовальщиком Бертрамом предпринял путешествие по Франции и Бельгии, популяризируя фехтование и завоевывая известность в многочисленных показательных боях.

Несмотря на то что Гризье быстро снискал репутацию блестящего мастера и стал успешно преподавать в Париже, через некоторое время он решил уехать за границу. Причины этого решения не ясны, однако можно предпологать, что в какой-то мере оно было вызвано крайне реакционной атмосферой, воцарившейся во Франции после вторичной реставрации Бурбонов. Гризье же, судя по ряду замечаний в его книге, явно питал симпатии к Наполеону и его сподвижникам.⁹

В своем труде Гризье неоднократно отмечает, что он пробыл в России десять лет, и то же самое сообщают обе заметки в энциклопедиях Лярусс.

ицены лишь некоторые биографические сведения о Гризье, почерпнутые главным образом из его же книги; в статье встречается ряд существенных хронологических ошибок.

⁷ A. Dumas. Le maître d'armes. Paris, Dumont éd., 3 vols, 1840—1841. — Поскольку роман явно вызывал чувства симпатии к декабристам, в России он сразу же подвергся запрещению и на русском языке впервые был издан лишь в 1925 г., правда, со значительными сокращениями (А. Дюма. Учитель фехтования. Исторический роман из времен декабристов. Изд. «Время», Л., 1925; Второе издание по тексту изд. 1925 г.: А. Дюма. Учитель фехтования. Роман из времен декабристов. Горький, 1957).

⁸ В энциклопедиях Лярусс (s. v. Grisier) об этом романе сказано, что он является родом мемуаров или автобиографии Гризье, который снабдил романиста соответствующими сведениями. Роман начинается эпизодом в доме Гризье на улице Фобур Монмартр, 4 (где он действительно проживал в 1834—1850 гг.), причем Дюма замечает, обращаясь к Гризье: «Вы мне пятьдесят раз рассказывали о путешествии в Россию». В предисловии к труду Гризье, написанном в форме беседы с автором, Дюма шутиливо спрашивает своего друга: «У вас есть для меня какая-нибудь интересная история? Вторая *Полина*, еще один *Учитель фехтования*? На сей раз я сделаю из них не один и не два тома, а двадцать или двадцать пять...» (A. Grisier. Les armes et le duel, p. 19). Наконец, один из учеников и почитателей Гризье граф д'Орбур пишет в своем отзыве: «Александр Дюма опубликовал *Полину* и эти знаменитые *Записки учителя фехтования*, которые Жанен (писатель и театральный критик, — Л. Т.) всегда ставил вам в упрек за то, что вы их подарили... Я проглотил три тома *Записок*, я следовал за вами по пути из Парижа в Петербург... Двадцать раз я перечитывал это произведение, написанное Дюма под вашу диктовку...» (там же, стр. 568—569).

⁹ A. Grisier. Les armes et le duel, pp. 437, 499, 503, 521.

Относительно же времени приезда Гризье в Россию назывались две даты. Современный исследователь писал недавно, что вероятной датой прибытия Гризье в Петербург является 1822 г. По-видимому, эта дата была выведена чисто арифметическим путем на основании лишь того факта, что с 1832 по 1834 г. в Париже, на улице Тиволи, существовал фехтовальный зал Гризье.¹⁰ С другой стороны, энциклопедия, изданная в третьей четверти XIX в., определенно относит приезд Гризье в Россию к 1819 г.,¹¹ из чего следует, что в 1829 г. он должен был уже вернуться во Францию. Неоспоримым подтверждением правильности именно этих дат служит следующее обстоятельство. 30 ноября 1829 г. в Париже был застрелен на дуэли двадцатидвухлетний поэт и журналист Шарль Доваль,¹² а в номере «Парижской газеты» («Journal de Paris») от 2 декабря, т. е. через день, была уже напечатана статья Гризье, написанная под влиянием этой драмы и направленная против дуэлей.¹³ Таким образом, можно с уверенностью принять указанный в энциклопедии 1819 г. как дату приезда Гризье в Россию, а 1829 г. — как время его возвращения на родину.

В Петербурге Гризье начал свою деятельность с организации невиданного еще здесь зрелища — открытого показательного выступления, подготовленного при содействии французского посла графа Лафеттоне. Это выступление, в котором в качестве партнеров Гризье испробовали свои силы местные любители фехтования, с огромным успехом прошло в присутствии столичной знати, сразу давшей французскому преподавателю ряд учеников. Впоследствии такие открытые вольные бои устраивались им неоднократно. Вероятно, желание сделать свое материальное положение менее зависимым от частных уроков побудило Гризье спустя какое-то время искать также государственной службы. Поданное им Александру I соответствующее прошение было удовлетворено, и Гризье получил должность преподавателя фехтования, с чином капитана, в Главном военно-инженерном училище.¹⁴

Узнав, что Гризье хороший пловец, герцог Вюртембергский, ведавший с 1822 г. общественными зданиями, поручил ему организовать армейскую школу плавания. Такая школа была устроена по планам Гризье в здании на Невской набережной, причем ее основатель руководил и подготовкой первых пловцов.¹⁵ Гризье был очевидцем двух трагических событий —

---

¹⁰ R. Duchaussoy. Augustin Grisier et l'escrime en Russie, p. 4. — Автор явно не читал заметок о Гризье в энциклопедиях Лярусс.

¹¹ Grand dictionnaire universel..., t. VIII, p. 1540. — Похоже, что материалы для этого тома были собраны еще при жизни Гризье, так как здесь не указана дата его смерти. Nouveau Larousse illustré (t. IV, p. 963) не называет интересующей нас даты, но дает год смерти Гризье (1865).

¹² Grand dictionnaire universel..., t. VI, p. 1169.

¹³ A. Grisier. Les armes et le duel, p. 85. — В статье содержатся в частности, следующие строки, несомненно отражающие впечатления Гризье о России: «Русские обычно дерутся на пистолетах, но они доходят до этой жестокой крайности лишь будучи сильно оскорбленными...»

¹⁴ Согласно биографу Гризье (A. Grisier. Les armes et le duel, p. 60) этому назначению содействовал ученик Гризье герцог Александр Вюртембергский, дядя Александра I. Если верить пересказу этого эпизода в романе Дюма и указанию в «Grand dictionnaire universel...» (t. VIII, p. 1540), Гризье вначале обратился к вел. кн. Константину Павловичу с просьбой подкрепить его прошение на имя царя своей письменной рекомендацией. Эта просьба была удовлетворена, но лишь после весьма драматической (и весьма правдоподобно описанной у Дюма) сцены, в которой Гризье при шлох доказывать цесаревичу свое мастерство, вначале фехтуя на учебных рапирах, а затем — защищаясь шпагой против кавалерийской пики.

¹⁵ A. Grisier. Les armes et le duel, p. 60; Grand dictionnaire universel..., t. VIII, p. 1540. — Очевидно, эти факты были впоследствии забыты,

наводнения в ноябре 1824 г. и восстания декабристов. В промежутке между ними он посетил Москву, где благодаря разрешению генерал-губернатора князя Д. В. Голицына провел в императорском Кремлевском театре открытые спортивные бои. Это выступление имело не меньший успех, чем в Петербурге.

Возвратившись в Париж, Гризье открыл свою школу — знаменитый «Фехтовальный зал Гризье», неоспоримо пользовавшийся в столице наибольшей популярностью вплоть до 1850 г., когда шестидесятилетний преподаватель удалился от дел.¹⁶ В этот период он преподавал также в ряде учебных заведений и в семье короля, участвовал во многих театральных постановках в качестве фехтмейстера. Дом Гризье был не только первоклассной школой фехтовального искусства, но и светским салоном, куда приходили потренироваться и побеседовать выдающиеся представители литературно-художественных и политических кругов. Среди постоянных посетителей зала Гризье можно было встретить, например, писателя Эжена Сю, художника Ораса Верне, актера и скульптора Этьена Меленга, актрис Дезире и Дежазе, генералов Фуа и Бришамбо.

Еще находясь в русской столице, Гризье начал свой большой труд, который был завершен, в основном, в 1830-х годах в Париже. Выражая благодарность гостеприимной России, автор посвятил книгу Николаю I и в 1837 г. направил ему рукопись на формальную апробацию. Свое удовлетворение по этому поводу царь выразил бриллиантовым перстнем, врученным Гризье через русское посольство в Париже в 1842 г.¹⁷ В литературном и художественном оформлении издания труда Гризье приняли участие ближайшие друзья и ученики автора: уже упоминавшиеся писатели А. Дюма и Р. де Бовуар, художник-график Эдуар де Бомон, литограф Эмиль Лассаль, пост-романтик Эмиль Дешан, драматург и поэт Жозеф Мери.

Теплые слова воспоминаний о России и русские имена часто встречаются на страницах книги Гризье. В числе своих учеников он называет Шарля де Лаферроне (сына посла), герцога Вюртембергского и его сыновей, графов Вобринского, Самойлова, Чернышева и Орлова, князей Салтыкова и Куракина, Горголи, Нарышкина, Людова, Яковлева и, самое для нас главное, поэта Пушкина.¹⁸ Обращает на себя внимание то, что биограф

ибо И. Саркисов-Серазини («Солнечный гений», стр. 9) называет основателем столичной школы плавания педагога Г. Паули, который, однако, согласно «Русскому биографическому словарю» (s. v. Паули, 1902, стр. 399), прибыл из Финляндии в Петербург лишь в 1834 г. и в том же году основал на Неве, близ Летнего сада, «первое заведение для обучения плаванию по своей системе». Очевидно, это «заведение» было организовано Паули в стенах уже существовавшей со времен Гризье школы плавания.

¹⁶ Р. Дюшосуа (ук. соч., стр. 3—4) ошибочно считает эту дату годом смерти Гризье. В действительности он умер в 1865 г.

¹⁷ A. G r i s i e r. Les armes et le duel, pp. 1—5, 471.

¹⁸ Там же, стр. 59—62, 523—524. — В романе «Учитель фехтования» в качестве учеников французского преподавателя называются некоторые из этих лиц, а также не упоминаемые в книге Гризье князь Трубецкой — «командир Преображенского полка» и полковник Муравьев. Рассказчик говорит, что наряду с ними у него брали уроки еще несколько человек «из высшей петербургской знати и два-три польских офицера». Очевидно, графа Орлова (в романе А. Дюма — «граф Алексей Орлов») следует отождествлять с командиром I бригады Гвардейской кирасирской дивизии графом А. Ф. Орловым. «Князь Трубецкой» — это наверняка будущий декабрист С. П. Трубецкой, полковник Преображенского полка. Весьма возможно, что в «полковнике Муравьеве» следует видеть декабриста А. Н. Муравьева, полковника в отставке. Эта гипотеза подкрепляется следующими соображениями. Как выше отмечалось, в книге Гризье упомянуты те же его ученики, что и в романе, назван даже еще ряд лиц, однако имена

Гризе, очевидно следуя рассказам своего друга, особо выделяет трех «благородных вельмож» из общего круга петербургских учеников Гризье. После перечня некоторых из них де Бовуар пишет: «Е. и. в. герцог Вюртембергский — брат императрицы-матери, поэт Пушкин, граф Орлов приглашали его [Гризе] к себе, чтобы поупражняться с ним в этом искусстве, которое они любили».¹⁹ Эта фраза наводит на мысль, что Пушкин как фехтовальщик оставил у Гризье примерно такое же впечатление, как и два опытных кавалерийских офицера, увлекавшихся фехтованием и, несомненно, хорошо владевших холодным оружием. Такой вывод не кажется чересчур смелым, если учесть отмеченные еще в Лицее успехи Пушкина в занятиях фехтованием, отличное телосложение и задорный темперамент поэта, его постоянную заботу о своей «физкультурной» форме.

Установить с полной достоверностью то время, в течение которого Пушкин встречался и тренировался с Гризье, крайне затруднительно, во всяком случае на основании имеющихся у меня данных. Исходя из итинерария Пушкина в период пребывания французского преподавателя в России, следует прежде всего отметить, что такие встречи могли происходить лишь тогда, когда Пушкин находился в Петербурге одновременно с Гризье, т. е. в следующие периоды: а) часть 1819—начало мая 1820 г.; б) конец мая—конец июля 1827 г.; в) октябрь 1827—октябрь 1828 г. Хотя при решении этого вопроса нельзя, по-видимому, исключать ни одного из данных периодов, первый из них представляется мне наиболее вероятным временем тренировок Пушкина у Гризье (или начала таких занятий). Молодой поэт вел тогда сравнительно свободный от забот, светский образ жизни. Еще недавно он занимался фехтованием у Вальвиля и выдвинулся в число лучших фехтовальщиков Лицея. Приезд французского мастера, вызвавшего сенсацию своими блестящими выступлениями, наверняка привлек внимание Пушкина и мог всколыхнуть в нем желание улучшить свои познания в фехтовальном искусстве, да и просто попрактиковаться, «подраться» с таким замечательным мастером, как Гризье. Возможно, что и впоследствии, приезжая в Петербург, Пушкин возобновлял свои контакты с Гризье.

Почва для таких контактов существовала, пожалуй, и независимо от профессии и высокого мастерства Гризье. В своей книге и отзывах современников он предстает как умный и обаятельный человек, отличавшийся прямодушием, чувством собственного достоинства и порядочностью в поступках и суждениях. Характерно, например, что Гризье, фехтовальщик-профессионал, последовательно выступал против дуэлей и первым пропагандировал фехтование прежде всего как полезную для здоровья спортивно-гигиеническую дисциплину. Он привлекал себе друзей и как прекрасный рассказчик, много повпдавший во время своих путешествий, и как образованный собеседник, в круг интеллектуальных интересов которого входили театр, литература и музыка. Судя по некоторым фактам, Гризье придерживался гуманных, либеральных общественно-политических взглядов. Его биограф сообщает, в частности, что в присутствии одного из членов царской семьи он высказался против наказаний ссылкой в Сибирь. Согласно тому же источнику, желая оставить о себе еще одно хорошее воспоминание у своих русских друзей, Гризье перед отъездом из России выкупил на свободу за тысячу рублей крепостную девушку по имени Машенька.²⁰ Роман «Учитель фехтования» позволяет заключить, что Гризье

Трубецкого и Муравьева опущены. Объяснить такое умолчание можно тем обстоятельством, что Гризье официально посвятил свой труд Николаю I и даже направил ему рукопись, оставив здесь, очевидно из чувства такта, одиозные для царя фамилии «государственных преступников».

¹⁹ Там же, стр. 62.

²⁰ Там же, стр. 61, 64.

был знаком с некоторыми из будущих декабристов и поддерживал с ними дружеские и профессиональные связи.²¹

Таким образом, и личность Гризье, и его социальное положение дают основу для предположения, что между ним и Пушкиным существовали отношения, выходящие за чисто деловые рамки фехтовальных тренировок и вольных боев. Как бы то ни было, смерть поэта, о которой его преподаватель узнал из прессы²² и, очевидно, из личной переписки с русскими друзьями, вызвала патетические слова Гризье: «Дуэль знаменитого поэта Пушкина с его шурином — одно из самых бедственных событий такого рода, известных истории. Жена и дети Пушкина остались лишенными средств к существованию. Щедрость и благожелательность императора вырвали из несомненной нищеты эту пораженную горем семью».²³

Этим вторичным упоминанием о Пушкине в книге Гризье ограничиваются, к сожалению, имеющиеся ныне сведения об одном эпизоде, иллюстрирующем спортивные увлечения поэта.

Л. И. Тарасюк

7. Н. М. СМЕРНОВ В РИСУНКЕ ПУШКИНА

Молодой человек в очках нарисован Пушкиным в альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой,¹ младшей из двух сестер, близких приятельниц поэта. В альбоме этом мы находим портреты и тех, кого Ушаковы никогда не видали (восточных людей, встреченных Пушкиным во время путешествия в Арзрум, женщин, которых он любил), и общих знакомых, которых вспоминал он с Ушаковыми за беседой. В этих последних рисунках нередко чувствуется легкий шарж, подтрунивание, насмешка.

Воспроизводимый здесь портрет изображает Николая Михайловича Смирнова,² записки которого о Пушкине печатаются в настоящем сборнике. (Кто такой горбоносый человек, карикатурный профиль которого пытался изобразить Пушкин чернилами на том же листе, — неизвестно. По-видимому, ему не удалось передать сходства — он перечеркнул профиль и набросал рядом исправленный вариант).

²¹ Известно, что прототипами героев романа Алексея Ваненкова и Луизы Дюпюи явились декабрист Иван Анненков и его возлюбленная, а затем жена, Полина Гельб, в биографиях которых А. Дюма допустил определенные искажения, вызвав этим упрек со стороны Ф. М. Достоевского («Дневник писателя за 1876 г.». Полное собрание сочинений, т. XI, СПб., 1905, стр. 36). В своих воспоминаниях П. Гельб пишет, что и И. А. Анненков брал уроки фехтования у Гризье (см.: С. Н. Дурыйлин. Александр Дюма-отец и Россия. «Литературное наследство», т. 31—32. Изд. АН СССР, М., 1937, стр. 504 и сл.).

²² См.: Л. Гроссман. Французские свидетельства о дуэли Пушкина. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», № 4—5. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 417 и сл.

²³ A. Grisier. Les armes et le duel, p. 121.

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, 1723, л. 24 об. Рисунок исполнен карандашом в 1829—1830 году. Публикуется впервые.

² Определение портрета Н. М. Смирнова в рисунке Пушкина сделано независимо друг от друга М. Д. Беляевым и пишущей эти строки. Сообщения об этом портрете и демонстрация его входили в мой доклад «Пушкин-портретист» 25 марта 1941 г. в Пушкинской комиссии Союза советских писателей в Москве.

Н. М. Смирнов. Рисунок Пушкина. ИРЛИ АН СССР.

Как и все портреты в рисунках Пушкина, Смирнов изображен заочно, по памяти. Как и все рисунки в альбоме Ушаковой, он возник во время разговоров, шуток.

Мы знали Смирнова приятным молодым человеком с локонами падо лбом.

Так изображен он в 1835 г. Крюгером.³

На акварельном портрете 1849 г. Е. Беккера⁴ Смирнов предстает холемым господином с тщательными начесами волос, искусно маскирующими лысину.

³ Литография Вернера с портрета Крюгера, в оригинале неизвестного, воспроизведена в «Альбоме Пушкинской выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в залах Исторического музея в Москве» (М., 1899, табл. 73).

⁴ Хранится в Пушкинском доме АН СССР. Воспроизводится впервые.

Знали мы Смирнова и пятидесятилетним располневшим мужчиной, которому уже не приходилось скрывать свои залысины. Таков он на литографии Бухгейстера, 1857 г.⁵

Теперь пред нами его новый облик, исполненный Пушкиным. Он — самый ранний, 1829—1830 года. Портрет этот несколько неожидан. Смирнову всего двадцать один—двадцать два года. Юноша лысоват, волосы у него прямые, редкие. Кудри, оказывается, были завитые. Нет у него в физиономии и значительности, — она была мнимой. Таков был жених «черноокой Россети»...

Быстрый, небрежный рисунок Пушкина весьма тонко схваченными чертами дополняет психологической остротой облик этого человека, который нам известен из портретов художников-профессионалов.

Т. Г. Цявловская

8. НЕМЕЦКАЯ «ПИКОВАЯ ДАМА»

Публикуемая ниже заметка представляет собой фрагмент статьи, писавшейся под этим заглавием покойным А. Н. Егуновым (1895—1968) для настоящего выпуска «Временника Пушкинской комиссии» и оставшейся незаконченной из-за неожиданной кончины автора.¹ Эта работа А. Н. Егунова была только начата; ему удалось раздобыть подлинный немецкий текст повести Ламотт Фуке (1771—1843) «Пиковая дама. Сообщения из дома для умалишенных в письмах. С шведского языка. Берлиа, 1826» (эта книга отсутствует в государственных библиотеках Ленинграда и Москвы), и он предполагал, вслед за изложением этого произведения, перейти к сопоставлениям его с повестью Пушкина. Эта вторая часть статьи, к сожалению, осталась ненаписанной; в рукописи сохранился лишь краткий пересказ содержания немецкой повести; между тем задуманная покойным исследователем параллель представляет несомненный историко-литературный интерес.

А. Н. Егунову осталось неизвестным, что на повесть Ламотт Фуке как на любопытную аналогию пушкинской «Пиковой даме» уже указал В. Набоков в примечании к комментированному им изданию «Евгения Онегина»; по его предположению, «данная повесть Ламотт Фуке была известна Пушкину по французскому или русскому переводу».² В связи с этим В. Набоков сообщил о своем намерении посвятить этому вопросу особую заметку; впрочем, сколько знаем, это намерение осуществлено им не было. Что касается русского перевода «Пиковой дамы» Ламотт Фуке, то его не существовало, французский же нам неизвестен. Тем не менее Ламотт Фуке был в России довольно популярен в пушкинское время; его знали здесь по русским переводам других его произведений, и прежде всего романа «Ундипа» (1811), русским изданием которого интересовался Пушкин.³

⁵ Литография Бухгейстера 1857 г. воспроизведена в «Альбоме Пушкинской юбилейной выставки в имп. Академии наук в С.-Петербурге» под редакцией Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевского (М., 1899, табл. 40). Известен еще один портрет Смирнова — акварель Г. Алексеева (1851) — во Всесоюзном музее Пушкина в Ленинграде.

¹ См. некролог А. Н. Егунову. «Русская литература», 1969, № 1, стр. 252—255.

² Eugene Oegin. A Novel in Verse by A. Pushkin. Translated from the Russian, with a Commentary, by V. Nabokov, vol. 3. N. Y., 1964, p. 97.

³ Поводом для указания на «Пиковую даму» Ламотт Фуке в комментарии к «Евгению Онегину» послужило для В. Набокова то обстоятель-

Таким образом, предположение, что тем или иным путем Пушкин мог познакомиться с «Пиковой дамой» Ламотт Фуке, представляется достаточно правдоподобным, хотя точных сведений об этом у нас не имеется. Поэтому привлечение повести Ламотт Фуке к литературному гениезу пушкинской «Пиковой дамы» представляется вполне оправданным. Немецкая «Пиковая дама», по мысли А. Н. Егунова, — насколько удастся проследить по черновикам его незаконченной работы, — могла быть названа среди многих других произведений зарубежной литературы, открывающих известные сюжетные соответствия пушкинской повести. Наибольшее количество параллелей, указывавшихся как в русской, так и в новейшей зарубежной пушкиниане, приходится на долю Э. Т. А. Гофмана, произведения которого, как например «Эликсир сатаны» (карта, превращающаяся в портрет) или «Счастье игрока» (характеристика главного действующего лица и манера его карточной игры на «убитой даме»), были хорошо известны Пушкину по французским переводам.⁴ Однако сопоставления эти по большей части носят общий характер и основаны на присущей картам символической двойственности их значений. Значительно более доказательным явилось исследование Д. П. Якубовича, обнаружившего сходство ряда мотивов «Пиковой дамы» с произведениями, бывшими непосредственно в сфере внимания Пушкина: мелодрамой Дюканжа и Дино «30 лет, или Жизнь игрока», шедшей в русских театрах с 1828 г., и особенно с романом Фан дер Фельде «Арвед Гилленштиерна», частично переведенным у нас, в котором имеется мотив чудесного предсказания «верной карты»; заглавие этого романа («Арвед Гилленштиерна») записано Пушкиным на одной из его рукописей; немецкий его подлинник был в библиотеке села Тригорского.⁵ Сделанный А. Н. Егуновым краткий пересказ малоизвестной повести Ламотт Фуке позволил теперь включить ее в число указанных выше произведений, составляющих «фон» пушкин-

ство, что в черновом варианте к XX строфе седьмой главы «Евгения Онегина» назван Ламот (Акад., VI, 438). Комментатор указал, что Пушкин имел здесь в виду либо Антуана Удар де ла Мотта (A. Houdar de la Motte, 1672—1731), французского критика и драматурга, либо Ламотт Фуке (Heinrich-Karl, Baron de la Motte Fouqué), немецкого поэта и романиста. Второе из этих предположений не обосновано. У Пушкина «Ламот» упомянут среди писателей, которых читал Онегин, и для рифмы с «Дидрот», рядом с которым стоит Фонтенель. В «Справочном томе» к большому академическому изданию Полного собрания сочинений Пушкина (1959, стр. 259) имя Ламот раскрыто как Удар де Ламот (ср. VI, стр. 669). Однако Пушкин приобрел в 1834 г. в лавке А. Ф. Смирдина книгу: «Ундина. Волшебная повесть. Сочинения де ла Мот-Фуке. Перевод Ал. Влидге. СПб., 1831. (см.: Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. Новые материалы. «Литературное наследство», т. 16—18. Изд. газ.-журн. объедин., М., 1934, стр. 1000: под псевдонимом Влидге укрывался А. Дельвиг, племянник поэта. Ср. также: «Литературная газета», 1831, № 23). Стихотворное переложение «Ундины» Жуковского появилось лишь в «Библиотеке для чтения» (1837, т. XX, № 1). Известны были, однако, другие произведения Ламотт Фуке в русских переводах: 1) «Остров дружбы», М., 1820; 2) «Любовный напиток» («Невский зритель», 1821, № 5; 3) «Кинжал», М., 1830; 4) «Розаура и ее родственники» («Рассказчик», ч. II, СПб., 1832, стр. 1—65) и др.

⁴ См., например: M. Gorlin et R. Bloch-Gorlina. Etudes littéraires et historiques. Paris, 1957, pp. 198—199; V. Gibelli. E. A. T. Hoffmann. Fortuna di un poeta tedesca in terra di Russia. Milano, 1964, pp. 65—72; Ch. E. Passage. The Russian Hoffmanists. The Hague, 1963, pp. 131—139.

⁵ Рукою Пушкина. М., 1935, стр. 313; Д. П. Якубович. Литературный фон «Пиковой дамы». «Литературный современник», 1935, № 1,

ской «Пиковой дамы» и интересных для изучения не только ее художественной структуры, но и особенностей восприятия ее современниками Пушкина.

Ред.

«ПИКОВАЯ ДАМА» ЛАМОТТ ФУКЕ

L. M. Fouqué

PIQUE-DAME

Berichte aus dem Irrenhause in Briefen
Nach dem Schwedischen

Berlin 1826

(XVI+ 200 SS.)

Повесть состоит из писем, найденных в доме для умалишенных после смерти одного из его обитателей и никуда не посылавшихся, так как они адресовались к заведомо покойнику — утонувшему другу автора писем. Это дневник сердечных излияний в духе вергеризма и штурм-унд-дранга, усугубленных экзотическими видениями.

Действие повести происходит в Швеции. Летом 1820 г. студент Упсальского университета Закхей Шенандер прибывает в дом горнозаводчика в качестве учителя его детей. Там же проживает и юная девушка Мария — племянница горнозаводчика. Сюжет разворачивается по обычной линии взаимной любви неимущего учителя и богатой барышни. Сцены с картами являются не побочными, а главными в повести. Хотя Шенандер никогда не был игроком, карты вдруг получают для него роковое значение — жена горнозаводчика, важная дама с претензиями на принадлежность к высшему свету, вскоре по приезду Шенандера гадают на картах.

«— Поддай-ка мне колоду карт, — сказала она девушке, — мне надо узнать, будут ли у нас завтра гости... Какую масть выберете вы себе, сударь?»

— Пики, — возразил я и в тихой ярости на порядки в этом доме подумал про себя: ведь пики означают колья и оружие.

— А ты, Мария, будешь, как обычно, пиковой дамой?

— Да, — отвечала девушка...

— Добрая (gute) пиковая дама, — говорил я сам себе...

— Однако, — вдруг воскликнула Ее Милость, — что бы это значило? Между пиковой дамой и пиковым королем лег червонный туз, червонная десятка и червонная дама — то есть любовная переписка, доверие и дружба, это прямо-таки великолепно. Да, так. Но пиковая десятка легла тоже сюда, а это означает смерть.

— Смерть, смерть! А что значит смерть? — спросил я сам себя...

— По-моему, пиковая дама покраснела, — так было угодно выразиться Ее Милости. В самом деле пиковая дама выглядела наподобие расцветающей розы» (стр. 35—38).

В ближайшие затем дни Шенандер пишет в своем дневнике:

«Чего я хочу от карт? Вот уже почти два часа я не выпускаю их из рук. Неужели я должен играть с судьбой в излюбленную игру Grob-

---

стр. 206—212; см. также: П. Бицилли. Заметки о Пушкине. «Slavia», 1932, XI, 3—4, стр. 557—560 (глава «Символика „Пиковой дамы“»); В. В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы». «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 74—147.

häusern (в дурачки?), ставя на карту мое будущее? Но пиковая дама не трефовый валет, который для этого преимущественно требуется... Нет! лучше уж играть в фараон! Это-то я и хочу испытывать. Если даже я проиграю мою ставку, ну что же, тогда я погибну! Погибну! Ах, этот образ на карте (Kartenbild) здесь... Светла ли любовь меня с ума?.. Ах, пиковая дама, пиковая дама! В сиянии твоего образа моя душа становится настолько ясновидящей, что замечает сеть над моей головой. Не безумие ли угрожает охватить меня или обоих нас?» (стр. 44—51).

К Марии сватается капитан Лейонбраак. После бурного объяснения с горнозаводчиком и капитаном Шенандеру отказывают от дома.

«Я нищенствую, — пишет он в своем дневнике, — теперь уже не ради милостыни в виде мелкой монеты: я требую золота... Я хочу обмениваться поделулами, осуществлять свои надежды. И при этом я не задумываюсь над тем, что банк — земля — пуст: там нет подлинной монеты» (стр. 80).

Во время скитаний Шенандера его принимают за вора, привлекают к суду, но отпускают, признав сумасшедшим. Наконец он получает письмо от Марии.

«Вот оно лежит передо мной, что может оно содержать? Это решающая карта для всей жизненной игры (Es ist die Entscheidungskarte für ein ganzes Lebensspiel). Червонный туз или десятка пик? Блаженство или смерть?» (стр. 144—145).

Оказывается, Мария уже жена капитана. Хотя Шенандера перед ней оклеветали, она все же уверена в его невинности; письма его и ее ответы перехватывались; в обморочном состоянии она была обвенчана с капитаном, которому были нужны деньги: он уже успел продать ее именье, чтобы покрыть свои долги.

Проходит год, Шенандер учителевствует в деревне. Однажды, будучи в городе, он случайно заходит в дом, где идет карточная игра. Лейонбраак, теперь уже майор, сидит там за столом. Шенандера предупреждают, что Лейонбраак заманивает неопытных молодых людей и обыгрывает их. У Шенандера вовсе нет денег. Он снимает с себя рубашку, продает ее за два талера и, в сюртуке на голое тело, подходит к столу. кладет свои последние деньги, а поверх них — пиковую даму.

«— Пиковая дама выиграла! — сказал майор Лейонбраак.

— Я загнул пароли.

— Пиковая дама выиграла все четыре раза! — вздохнул майор по окончании талы.

— Я не хочу брать выигрыш, — говорил я. — Пусть это останется до следующей талы.

— Совсем диковинный оборот принимает сегодня дело с этой дамой! — сказал майор, когда карта в шестой раз выпала в сторону выигрыша. То же самое случилось с ней и в седьмой и в восьмой раз...

— Возьми, по крайней мере, другую карту, — сказал мне один благодетель.

— Бери деньги и уходи, — просил меня старик.

— Я тебе помогу. То-то будет мне радость! — громко засмеялся один молодой человек, который уже давно молча наблюдал за игроками: его остановившийся взор и грустная внимательность выдавали, что его деньги уже находились в кармане Лейонбраака.

— Не по твоему совету, а потому, что беда велика, а утешение пока еще незначительно, раскину я эту приманку, — крикнул я бледному человеку, сидящему рядом с Лейонбрааком...

— Это сумасшедший школьный учитель, — шептали некоторые.

— Attention! — приказал Лейонбраак, и игра пошла дальше.

— Это уже в девятый раз! — сказал Лейонбраак, когда дама выиграла.

Некоторые из тех, кто тем временем выиграл, потребовали выплаты им денег.

— Берите выигрыш, потому что банк сорвется, если вы выиграете, — шептали некоторые мне.

— Тише! — простонал Лейонбраак.

— Тише! — сказал его сосед.

— Тише! — приказывали некоторые усатые господа.

— Я прошу тебя, перестань! — сказал старик.

Но я ответил ему:

— Невесту или смерть! Беднякам нечего робеть!

Игра продолжалась. Моя пиковая дама все еще лежала тихо на столе. В руке у банкомата были всего лишь четыре карты.

Кругом болтали, шептались.

— Attention! — простонал Лейонбраак и сделал тихое движение рукой.

— Десятка пик! — продолжал он.

— Ох, она означает смерть, так сказала когда-то восприемница трупного червя! — воскликнул я. (Шенандер имеет в виду жену горнозаводчика, гадавшую ему на картах в начале повести, — А. Е.).

Майор сделал еще парочку неприметных движений рукой и закричал торжествуя:

— Пиковая дама проиграла!

— Нечестная игра, — раздалось теперь несколько голосов...» (стр. 176—179).

Не называя Марию, Шенандер кричит майору:

«Карта, на которую я ставил, была ее. Выигрыш предназначался ей. Мой саван лежал перед тобой на столе... Горе тебе и мне, если мы когда-либо еще встретимся!» (стр. 180).

При общем смятении Шенандер убегает.

Он имел еще встречу с майором, стрелял в него и считает, что убил этого короля пик. На самом же деле Лейонбраак не то лишился чувств, не то упал нарочно, чтобы спастись от сумасшедшего. Дальнейшая судьба Лейонбраака неизвестна. Шенандера помещают в дом для умалишенных. Мария однажды посетила его там и вскоре затем умерла. Вслед за ней умер и Шенандер.

А. Н. Егунцов

9. ВЕРОНСКОЕ ИЗДАНИЕ «МЕДНОГО ВСАДНИКА»

В начале 1968 г. в г. Вероне издан «Медный всадник» Пушкина.¹ Это двуязычное (на итальянском и русском языках), не иллюстрированное издание, рассчитанное на узкий круг библиофилов:

Aleksandr P U Š K I N

I L C A V A L I E R E D I B R O N Z O

Racconto Pietroburchese

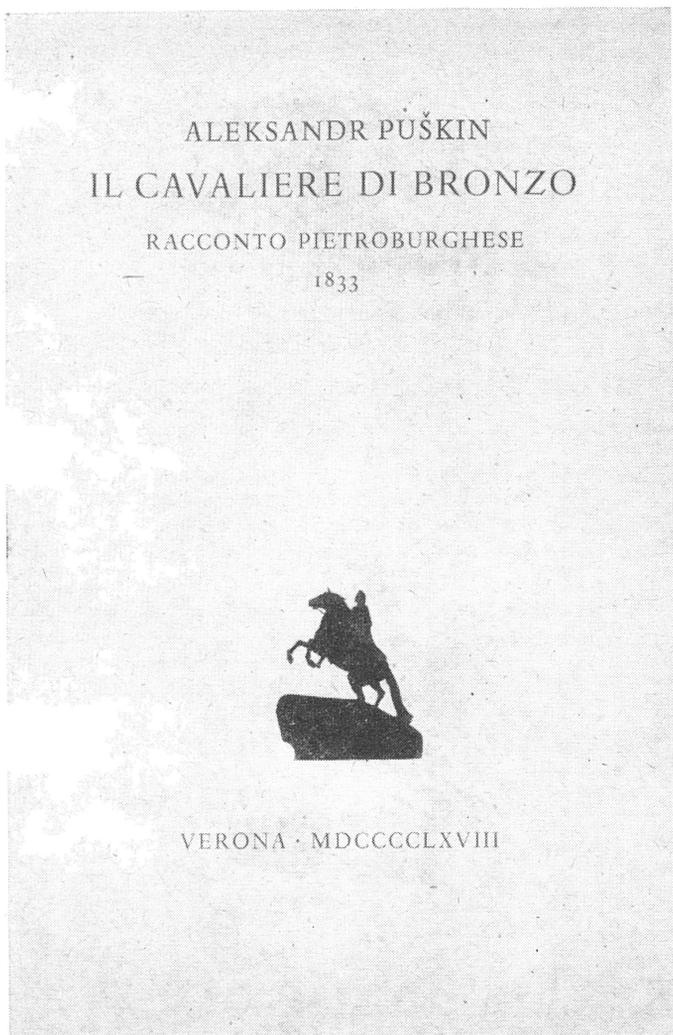
1833

Verona. MDCCCCLXVIII.

Приводим данные о том, как создавалось это издание. Текст «Медного всадника» воспроизводится здесь по русскому (иллюстрированному) изданию, опубликованному издательством «Художественная литература»

¹ См. воспроизведенный здесь титульный лист и колофон этого издания. Разм. 20×29 см; 62 стр.

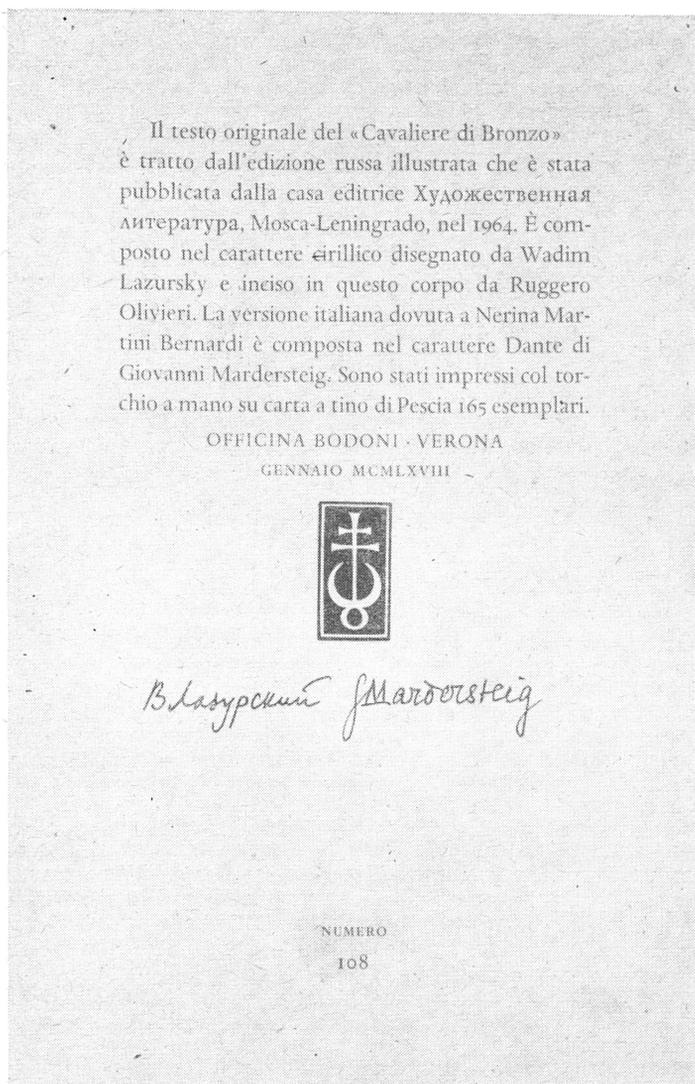
(М.—Л., 1964). В выходных данных (колофоне) веронского издания отмечено, что русский текст (на левых, четных страницах) напечатан ки-

Титульный лист веронского издания «Медного всадника».

риллицей — специальным шрифтом, рисованным московским художником Вадимом Лазурским и награвированным в этом размере Руджеро Оливьери; итальянский текст (на правых, нечетных страницах) напечатан особым шрифтом («Данте») по рисункам Джованни Мардерштейга. Книга отпечатана на ручном прессе, на бумаге, изготовленной в Пешии, в количестве 165 экземпляров, в издательстве Бодони (Editiones Officinae Bodoni).

Джованни Мардерштейг — один из тех энтузиастов книгопечатания, которые, идя по стопам английского поэта Уильяма Морриса (пытавшие

Колофон веронского издания «Медного всадника».

гося возродить красоту первопечатных изданий) и работая по примеру первопечатников на ручных прессах, вернули книге XX века достоинства, утраченные ею с развитием машинной печати в прошлом столетии. Добавим, что издательство «Officina Bodoni» существует уже почти пол-

века, а Дж. Мардерштейг известен как один из лучших печатников нашего времени. Мысль об издании «Медного всадника» принадлежит ему.² По его приглашению (и по командировке Комитета по печати при Совете Министров СССР) я в течение трех недель (в январе 1968 г.) жил в Вероне, работал вместе с Мардерштейгом над макетированием русского и итальянского текстов и наблюдал за ходом печатания книги.

15 января 1968 г., в Венеции, в палаццо Ка-Фоскари, где помещается филиал Падуанского университета (отделение славистики), состоялась публичная демонстрация первых отпечатанных экземпляров издания и чтение отрывков из «Медного всадника» по-итальянски и по-русски. Несколько экземпляров издания поступили и в библиотеки СССР.

В. В. Лазурский

10. НОВЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ «МЕДНОГО ВСАДНИКА»

1

В начале 1968 г. в издательстве «Мастерских Бодони» в г. Вероне вышло в свет итальянское библиофильское издание «Медного всадника» Пушкина в переводе Нерины Мартини-Бернарди.¹ Это рассчитанное на изысканный вкус, богато оформленное издание (отпечатано было на ручном типографском станке всего 165 экземпляров книги) с параллельным русским текстом поэмы предполагалось представить в октябре 1967 г. V Международному съезду библиофилов в Венеции, но оно несколько запоздало, появившись лишь в начале 1968 г. Характерное достоинство типографского оформления книги состоит в том, что в ней использованы недавно созданные шрифты для обоих текстов — русского и итальянского, специально рисованные московским художником В. Лазурским, — шрифт «Пушкин» для русской азбуки и шрифт «Данте» Дж. Мардерштейга. Тем самым в графике книги достигнуто удачное эстетическое равновесие: ведь у обеих гарнитур основа общая, поскольку и В. Лазурский — об этом говорится в предисловии к этой книге — вдохновлялся красотой «антиквы» итальянского Возрождения.

Опубликованный здесь перевод «Медного всадника» имеет предшественников. Еще в 1923 г. на страницах журнала «Russia», сыгравшего большую роль в деле популяризации русской литературы в Италии, появился первый итальянский перевод «Медного всадника», выполненный Вирджилио Нардуччи.² Переводу было предпослано введение главного редактора

² Перевод «Медного всадника» на итальянский язык сделан специально для этого издания и опубликован здесь впервые. Переводчица, поэтесса Нерина Мартини-Бернарди, известна уже в Италии своим переводом с русского «Ста басен Крылова», а также своими лирическими стихотворениями. Отметим, что она происходит (по женской линии) от д-ра Н. Ф. Арендта (лечившего Пушкина после дуэли) и с детства знает русский язык; она окончила университет во Флоренции, где живет и ныне.

¹ Aleksandr Puškin. Il Cavaliere di Bronzo, Racconto pietroburghese, 1833. Verona. MDCCCCLXVIII. Editiones Officinae Bodoni (61 стр.). — К истории этого издания см. выше заметку В. В. Лазурского.

² Alessandro Puškin. Il cavaliere di bronzo, Rivista di letteratura, arte e storia, diretta da Ettore Lo Gatto. «Russia», Napoli, 1923, Anno II, No. 2. — Вирджилио Нардуччи — автор книги «Poeti Russi» (Русские

журнала Э. Ло Гатто, пионера изучения русской литературы в Италии, содержащее в себе обстоятельный анализ идеи и структуры этой «петербургской повести» Пушкина, основанный на изложении истории толкования поэмы от Белинского, Мережковского и Третьяка до Брюсова. Ло Гатто подчеркивал большой, постоянный, деятельный интерес Пушкина к личности и делу Петра I. Что касается самого перевода этой поэмы, то во введении говорится, что он «отличается столь скрупулезной верностью оригиналу, что в состоянии вести читателя по русскому тексту от стиха к стиху, от слова к слову, воспроизводя в то же время изящную краткость оригинала» И действительно, перевод этот, в высшей степени точный, обнаруживает в Нардуччи хорошее знание русского языка и быта, чувство ответственности за переводческое дело, а нередко и чуткое проникновение в пушкинские образы. Тем не менее было бы ошибкой определить его как изящный или тонкий. В погоне за четкостью воспроизведения содержания поэмы³ теряются эстетические качества текста, стиль становится шероховатым, иногда слишком прямолинейным, отдает ученичеством. Однако в 20-е годы, отличавшиеся нараставшим интересом итальянских читателей к произведениям русской литературы, труд Нардуччи должен был обратиться на себя внимание.

Второй перевод «Медного всадника», появившийся в печати, принадлежит итальянскому филологу Джованни Гандольфи, немало работавшему над переводами Пушкина.⁴ На этот раз перевод стихотворный (одинадцатисложные стихи с чередующимися по-разному опоясывающимися, парными и перекрестными рифмами). Перевод течет довольно плавно и непринужденно; тем не менее в нем то и дело проявляется недостаточное понимание пушкинского замысла, стилистического разнообразия языка, то прозаически простого, то мощно и высоко поэтического. Гандольфи пренебрегает характерной особенностью цезур, обозначающих начало с полустиха отдельных узлов развивающейся поэмы. Некоторые места итальянского текста указывают на недостаточное тонкое поэтическое чутье переводчика. Пластическое великолепие изображения всплывающего над водами города —

И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен,

поэты), изданной в Петербурге в 1899 г. и включающей в себя, между прочим, перевод 3-й песни «Руслана и Людмилы» и отрывки из «Евгения Онегина» (письмо Татьяны и отповедь Онегина).

³ Так, например, переводчик считает нужным сообщить в одном из примечаний к переводу, что русский гривенник равен 0.26 довоенной итальянской лиры; стиху «Лотки под мокрой пеленой» он дает чересчур замысловатое, явно неправильное объяснение: «На Неве и каналах, пересекающих Петроград, — пишет он, — имеются баркасы, предназначенные для продажи живой рыбы. Так как у этих баркасов открытая палуба, то при дожде эта палуба как бы покрывается прозрачной пеленой влаги». На самом деле имеются в виду «лотки», плывущие по вздувшейся реке вместе с обломками хижин и «пожитками бледной нищеты». Под «лотками» Пушкин разумел или ящики для товаров у уличных продавцов, или плоские блюда для ношения на голове разносчиками.

⁴ *Poemetti di Alessandro S. Puskin, vol. I (Gli Zingari, Poltava, Il cavaliere di bronzo)*, trad. di Giovanni Gandolfi Lanciano, Carabba, 1937. — Перу Дж. Гандольфи принадлежит также книга «*Lirici russi del secolo aureo*», Lanciano, 1925, заключающая в себе ряд пушкинских стихотворений; еще один том «*Poemetti di Alessandro S. Puškin*», vol. II, содержащий: *Il prigioniero del Caucaso, I fratelli masnadieri, La fontana di Bachisarai, Il conte Nùlin, Galùb, Angelo, Una cassetta a Colomna*. Lanciano, 1937, а также книга «*Poemi drammatici minori*», содержащая в себе «*Il cavaliere avaro*», «*Il convitato di pietra*», «*La russalka*». (Lanciano, 1937).

в переводе Гандольфи досадным образом превращается в описание скорее противоположного действия:

Come Tritone, giù fino alla schiena,
(Как тритон, по самую спину)
Petropoli s'immerse nella piena.
(Петрополь погрузился в наводнение).

В сцене, описывающей «страшное прояснение мыслей» у Евгения, Пушкин многозначительно пользуется местоимением «того», запечатлевая неминуемое присутствие «мощного властелина», тяготеющего над судьбами Евгения и города. Гандольфи здесь же дважды употребляет приторно-романтическое определение «l'Uom fatale» (Роковой муж). Наконец, определение «immondo» (гнусный, подлый) по отношению к горестному бродячему существованию его, когда он уже «Ни зверь, ни человек, Ни то, ни се, ни житель света, Ни призрак мертвый», звучит как резкое отрицание пушкинской мысли, сердечного сочувствия поэта безумному Евгению.

Как видно из сказанного, итальянский читатель все же не получил достойного воссоздания поэмы, созвучного ее величественному замыслу и художественному совершенству.

Своевременность настоящего перевода очевидна. Н. Мартини Бернарди, уже известная в Италии своими стихотворениями и переводом басен Крылова, чутко и продуманно выбрала способ передачи: поэтическую ритмическую прозу. Стараясь представить содержание каждого пушкинского стиха в отдельных строчных единицах, переводчица одновременно ставила перед собой цель не разрушать мелодию поэтического движения поэмы: и действительно, в переводе преобладают единицы с нечетным количеством слогов (в основном одиннадцатисложные, иногда семисложные, девятисложные, пятисложные, в единичных случаях десяти- или восьмисложные).

Лексика и синтаксис очень современны. Поэма читается свободно, но в то же время будит чувство и мысль, вызывает в читателе поэтическое волнение.

Вступление — как и в оригинале — взволнованно приподнято. В изображении Петра, погруженного в думу на берегу пустынных волн, в итальянском переводе отчетливо чувствуешь зародыш грандиозного замысла преобразователя.

Торжество северного чуда — города, перед которым померкла прежняя столица — Москва, — этот триумфальный гимн граду святого Петра — и в переводе звучит вдохновенно:

O creatura di Pietro, t'amo: amo
l'aspetto tuo severo ed armonioso
e della Neva il maestoso corso
e il granito che fregia le tue sponde.
dei cancelli il metallico ricamo,
delle pensose notti lo splendore
illune quale un'alba trasparente,
quando nella mia stanza scrivo e leggo
senza lume, e son chiare le dormienti
strade deserte e luccica di un vivo
fulgor la guglia dell'ammiragliato,
e, non lasciando che per il dorato
orizzonte si spanda la notturna
tenebra, l'una all'altra aurora
succede in fretta,
concedendo alla notte sol mezz'ora.

Неточность в передаче некоторых деталей, одна перестановка дополнения (стих «В их стройном зыблемом строю» переводчица относит не к «лоскуткам сих знамен победных», но к однообразной красавости «пехотных ратей и коней»), два пропуска⁵ не ослабляют наше чувство восхищения и преклонения перед творением Петра.

Первая часть также удалась переводчице: простой, незаметный Евгений со своей скромной мечтой о нехитром счастье не может не вызвать симпатии и сочувствия. Описание страшного наводнения отличается пафосом. Здесь стоило бы отметить один прием переводчицы, повторяющийся и в дальнейшем. Там, где Пушкин описывает все возрастающее возмущение Невы, разделяя каждое звено действия запятыми, и заключает свой рассказ восклицанием «На город кинулась», Мартини Бернарди предпочитает расчленять описание точками, в полном созвучии с современной тенденцией поэтической и прозаической речи. Нам кажется все же, что здесь этого не следовало бы делать. Можно было бы пожелать также и более точного следования чередованию грамматических времен у Пушкина (в этом отрывке в переводе чередуются настоящее время, прошедшее время несовершенного и совершенного вида). Дальнейший ход пушкинского повествования — появление царя на балконе, зрелище хаоса и необузданного разрушительного разгула Невы, от которого бледный, неподвижный, отчаявшийся Евгений спасается «на звере мраморном верхом», — все же воспроизведен неудачно.⁶

Движение второй части также верно и близко по духу к пушкинскому тексту. Однако определенные места отражают непонимание отдельных образов или же неудачный выбор соответствующего словесного выражения в переводе. Где Пушкин говорит: «И тяжело Нева дышала, Как с битвы прибежавший конь...», — итальянская переводчица пишет: «Ansimava la Neva, qual destriero / che fugge di battaglia» (Тяжело дышала Нева, как скакун, убегающий с поля битвы). Где у Пушкина: «Евгений смотрит, видит лодку, Он к ней бежит как на находку», — там Мартини Бернарди переводит: «Eugenio guarda, / vede: „Là c'è una barca!“» (Евгений смотрит, видит: «Там лодка!») «Ad essa corre: E' proprio un Dio mandato!» (Бежит к ней. Она воистину посланный бог!), дважды вводя нечто вроде прямой речи и прибегая к синтаксически и по смыслу неловкому выражению: «Она воистину посланный бог!». У Пушкина: «Чиновный люд, Покинув свой ночной приют, На службу шел». У переводчицы: «Uscivan dai rifugi gli impiegati / e andavano all'ufficio» (Выходили из убежищ чиновники и шли на службу), что непроизвольно вызывает впечатление, как будто во время наводнения были устроены какие-то убежища, тогда как речь идет всего лишь об их жалких лачугах. В самом конце поэмы Пушкин с сердцем, сокрушенным сочувствием, пишет о своем несчастном герое: «И тут же хладный труп его Похоронили ради бога». Мартини Бернарди изменяет духу подлинника и отношению автора к безумному Евгению: «Ed in nome 'di Dio, proprio in quel punto / gli diedero onorata sepoltura» (И во имя бога, как раз тут же похоронили его с честью).

---

⁵ Опуцены определение Марсовых полей — «потешные» и слово «побежденная» в стихах: «Да усмирится же с тобой И побежденная стихия».

⁶

Ma lui come stregato, come al marmo
incatenato, scender tenta invano!
Intorno a lui acqua e nient'altro!
E, con la schiena a lui rivolta,
eretto a incrollabile altezza, con protesa
la mano sulla Neva ammutinata,
sta l'idolo sul bronzeo sul destriero.

На Западе давно утвердилось слово «zar» в применении к русским царям: и действительно, оно вызывает совсем иные ассоциации, чем, например, «ге» (король), когда идет речь о столь характерном полуазиатском характере русского самодержавия. В переводе же, из-за передачи слова «царь» словом «Imperatore», описание восплавленного гневом лица «грозного царя» гораздо слабее и звучит невыразительно: «Il volto del severo Imperatore» (Лицо строгого императора).

Подводя итоги, следует еще отметить одну характерную особенность языка перевода — нередкое опущение итальянского определенного артикля, которое, если и приемлемо, вообще говоря, в стихотворном (в строгом смысле слова) произведении, то в данном случае необоснованно, и звучит необычно, неприятно. См., например, такие выражения, как: «Naviga tutto per strade», «La gente con sua fredda indifferenza», «Era tutto suo cibo un po' di pane» и т. д.

С типографской точки зрения досадны в таком классически оформленном издании одна опечатка в первой части: «ammobile» вместо «immobile» — и отклонение от уже привычной для читающей публики транслитерации русской буквы «ш» как «š».⁷

Несмотря на отмеченные неточности, нельзя не отдать должное объективному успеху рассмотренного нами издания пушкинского «Медного всадника». Необходимо оценить проникновение переводчицы в текст Пушкина. Но именно поэтому нельзя и не высказать сожаления в связи с тем, что это издание является достоянием лишь немногих избранных читателей и не смогло проникнуть в более широкую читательскую среду.

2

В самом конце 1968 г. увидела свет книга «А. Пушкин. Лирика».⁸ подготовленная упомянутым выше профессором Э. Ло Гатто, где в числе прочих его переводов мы находим также перевод «Медного всадника». Этот труд, являющийся своего рода завершающим этапом в осмыслении творчества и значения великого русского поэта, — плод почти пятидесятилетней деятельности итальянского ученого по изучению и популяризации русской литературы вообще и в области творческого наследия Пушкина, где он работает с особым увлечением. Пушкину, своей «первой любви», Ло Гатто уже посвятил интереснейшее исследование, озаглавленное «Пушкин. История одного поэта и его героя» (отмечено премией «Виареджо 1960»).⁹ Эта работа, результат систематического изучения итальянским русистом любимого им поэта, очень оригинальная по замыслу и построению. Исследователь создает в своей книге солидную и цельную монографию о русском поэте, об истории его жизни и творчества.

В «Предупреждении», предворяющем настоящее издание, Ло Гатто указывает на выдержанный им в указанной книге принцип расположения материала в хронологических группах, включающих и лирические стихотворения, и поэмы.¹⁰ Объясняя свой подход к группировке поэтического материала Пушкина, итальянский пушкинист высказывает убеждение, что природа пушкинского творчества преимущественно лирическая.

⁷ В тексте Параша фигурирует как Parasa.

⁸ A. S. Puškin. Lirica. Introduzione, versioni, commenti e note di Ettore Lo Gatto. Sansoni, Firenze, 1968, LX—1201 pp.

⁹ E. Lo Gatto. Puškin. Storia di un poeta e del suo eroe. Mursia ed., Milano, 1959.

¹⁰ «Маленькие трагедии», относящиеся к группе лирических стихотворений и поэм «болдинской осени», были опущены, говорит сам автор, по причинам издательского порядка.

Обширное введение детально освещает сложность процесса формирования поэта.

Обилие вводных и объясняющих примечаний, которыми снабжено это ценное издание во всех своих разделах, наличие канвы биографии Пушкина способствуют разностороннему восприятию читателем творчества Пушкина на общем фоне истории, литературы, политических условий России первой трети XIX в. Что касается, в частности, «Медного всадника», то уже в 1960 г. Ло Гатто опубликовал историю Петербурга, имеющую ближайшее отношение к изучению пушкинской поэмы, историю политическую и социальную, историю нравов и культуры всей России. Это книга, озаглавленная «Миф Петербурга (история, легенда, поэзия)»,¹¹ рисует историческое своеобразие этого города. Отправной пункт исследования — историческая быль Петербурга. Затем, вокруг предания о «чудотворном строителе» и легенды об «окне в Европу», Ло Гатто развертывает живую законченную картину, стержень которой — поэма Пушкина «Медный всадник». Работу Ло Гатто, сопровождаемую многочисленными и иногда редкими иллюстрациями, гравюрами и акварелями старого Петербурга, картинами петербургской жизни,¹² можно по праву назвать энциклопедией сведений об этом городе для западного читателя. Вот с каким запасом знаний, с каким настроением и психологическим зарядом Ло Гатто подошел к переводу «Медного всадника», включенному в настоящее издание.

Переводчик пользуется емким, разнообразным по ритмическому движению итальянским одиннадцатисложным стихом, соблюдает чередование рифм оригинала, только в порядке исключения перестраивая их последовательность для того, чтобы не исказить интонационно-фразовый ряд Пушкина. В «Предупомлении» автор подчеркивает, что он старался избегать, по мере возможности, глагольных рифм, несмотря на их обилие в русских текстах, как замечал сам Пушкин.

Перевод обнаруживает отличное владение техникой итальянского стиха, многолетнюю привычку увлеченно и вдумчиво вчитываться в текст русского поэта.

Уже самое начало вступления сохраняет полностью пушкинскую рифму и по своему тону и ритму удивительно верно и одновременно точно.

D'acque deserte sopra l'erta sponda
stava egli, immerso in un'idea profonda,
fisso lo sguardo al limite lontano
dell'orizzonte. Spaziosa l'onda
della Nevà scorreva e sola e piano
v'arrancava una misera barchetta.
Tra gli acquitrini e i muschi una casetta
qua e là nereggiava, ostello al finno gramo,
e la foresta, dove il sole getta
a stento un raggio di tra ramo e ramo,
rumoreggia (p. 467).

---

¹¹ E. Lo Gatto. Il mito di Pietroburgo. Storia; leggenda, poesia. Feltrinelli ed., Milano, 1960. — Небезынтересно, нам кажется, процитировать здесь названия некоторых глав, позволяющих почувствовать пульс и направленность изложения в этой книге: «От мифа о „Москве — третьем Риме“ до мифа об „Окне в Европу“» (гл. I); «Царь Антихрист и Чудотворный строитель» (гл. II); «Северная Пальмира» (гл. IV); «Медный всадник» (гл. V); «Невский проспект» (гл. VI); «Физиология Петербурга» (гл. VIII); «Белые ночи» (гл. IX) и т. д.

¹² См., например: «Крестьяне на Сенном рынке в Петербурге», «Молочница и продавец булок в Петербурге», «Петербургская простотюдинка» и др.

Очень показательно для переводческого мастерства Ло Гатто ритмическое соответствие в подлиннике и в переводе двух отрывков, исполненных драматического движения. Первый — описание дерзкого нападения Невы (от «Осада! Приступ! Злые волны» до «Где будет взять?»). Второй — начальные стихи второй части поэмы, изображающие постепенное отступление реки после ее разбойничьего разгула, и последующее сравнение. У Пушкина великолепное идейно-художественное единство проявляется в плавном движении первых семи стихов и последних четырех. Центральные три стиха имеют четыре ударения, чего фактически в четырехстопном ямбе почти никогда не бывает. То же чередование ритма имеет место и в итальянском переводе. Итальянский одиннадцатисложный ямб, хотя метрически и менее организованный, чем русский четырехстопный ямб, все же в большинстве случаев не имеет больше трех главных ударений в каждом стихе. Для более эффективной передачи движения четырехстопного ямба с четырьмя ударениями Ло Гатто пользуется одиннадцатисложным стихом с четвертым дополнительным ударением. Приводим параллельные примеры:

Но вбт, насѣтъся разрушѣньем
И наглѣм буйством утомясь,
Невѣ обратнo повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ
И покидая с небреженьемъ
Свою добычу. Так злодѣй,
С свирѣпой шайкою своѣй
В селѣ ворвавшись, ломит,
рѣжет,
Крушит и грабит; вопли,
скрежет,
Насилье, брань, тревога, вѣй!..
И грабежомъ отягощенны,
Боясь погнѣи, утомленны,
Спешатъ разбойники домѣй,
Добычу на пути роняя.

Ma ecco, sázia della distruzione,
spossáta dalla sua sfrontáta fúria
supérba della própria sedizione
La Nevà indietreggiò, con fredda
incúria
la propia préda abandonándo. Tále
un malfattóre con la sua masnáda
feróce in un villággio sí fa stráda
con la fórza, distrúgge, anniénta,
assále
gli inérmi, fa rapína; úrla laménti,
bestémme, allárme, digrignár
di dénti!..
Poi sotto il péso della préda, prési
dalla paura d'essere sorprési,
i banditi rifánno il lor cammíno,
verso cása e abbandónano il bottíno.

(p. 475)

Разнообразие тона, величаво приподнятого при воспевании Петра и приниженного до повседневной интонации по отношению к коломенским чиновникам, воспроизведено переводчиком живо и полноценно. Если Ло Гатто иногда прибегает к enjambements, отсутствующим в данных случаях в оригинале Пушкина, то достигает той же эмоциональной ценности, что и русский текст, хотя и другими средствами (см., например, отрывок о прояснении мыслей у Евгения). Здесь известный пушкинист усиливает впечатление ужасного величия, которым дышит фигура Медного всадника, употреблением больших букв (Colui — Тот; il Fato — Рок) и высоко поэтической формы слова «ugna» (копыто). Но это, собственно, уже индивидуальная область мастера каждого переводчика.

Есть и другие мелкие отступления от Пушкина, как например не параллельная, по положению в стихе, анафора «Люблю..» во взволнованном лирическом гимне Петербургу, которой поэт ритмически разделяет ряд светлых картин любимого им города. Но они многократно окупаются общим достоинством перевода, достигшего у Ло Гатто небывалой высоты.

В заключение хочется выразить уверенность, что такое издание значительнейшей части творчества русского поэта, типографически изящное, исключительно богатое вспомогательными историко-литературными сведениями, послужит мощным средством постижения неповторимой красоты поэзии Пушкина.

К. Ласорса

Ш. ХРОНИКА

НЕКРОЛОГИ

М. М. КАЛАУШИН

10 декабря 1968 г. скончался Матвей Матвеевич Калаушин, член Пушкинской комиссии, бывший директор Всесоюзного музея А. С. Пушкина, видный знаток музейного дела и один из организаторов советских литературных музеев.

М. М. родился в 1904 г. в станице Лабинской б. Кубанской обл. Служение гению Пушкина началось у М. М. еще в студенческие годы: его дипломная работа называлась «Пушкин и его время». Окончив в 1926 г. Ленинградский университет, М. М. представил в аспирантуру на конкурс работу, посвященную теме «Пушкин и русский исторический роман». Позднее М. М. неоднократно принимал участие в массовых изданиях Пушкина как редактор и комментатор.

Особое и главное место в деятельности М. М. Калаушина занимало создание пушкинских музеев, научная популяризация жизни и творчества великого русского поэта.

Более 20 лет М. М. работал в Литературном музее Пушкинского дома АН СССР, сначала научным сотрудником, а затем на посту заведующего музеем, который он возглавлял в течение 14 лет. Он всегда был неутомимым собирателем музейных ценностей, большим специалистом в области пушкинской иконографии и страстным популяризатором пушкинского творческого и материального наследия.

В дни блокады Ленинграда М. М. вместе с немногими музейными сотрудниками бережно хранил музейные реликвии, которые затем были эвакуированы в тыл. В июле 1942 г. М. М. принял участие в эвакуации из Ленинграда ряда академических учреждений. Вскоре после освобождения Ленинграда от вражеской блокады М. М. занялся реэвакуацией музейных ценностей и имущества Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

Огромный вклад внес М. М. в строительство пушкинских музеев Советского Союза. Он участвовал в начале 30-х годов в реорганизации Государственного Пушкинского заповедника в селе Михайловском, много способствовал созданию пушкинских музеев в Болдине, Одессе, Кишиневе. Энергично занимался М. М. и организацией целого ряда таких литературных и литературно-мемориальных музеев, как Дом-музей В. Г. Короленко (Полтава), музей Низами (Баку), музей Некрасова в Ленинграде и в Карабахе. Он был в числе организаторов юбилейных выставок, посвященных Шевченко (1939), Лермонтову (1940), Гоголю (1952), Мицкевичу (1955), открытых в Русском музее. Впоследствии эта работа помогла ему составить ценные альбомы-пособия, посвященные Некрасову, Шевченко, Чехову.

М. М. принимал живейшее участие в организации и подготовке пуш-

кинских дат 1937 и 1949 годов. Он участвовал в восстановлении мемориального облика последней квартиры Пушкина в доме на Мойке 12, открытой в дни, когда отмечалось столетие со дня гибели поэта, в организации юбилейной Пушкинской выставки, развернутой в залах Эрмитажа (см.: М. М. Калаушин. Пушкинская выставка в Ленинграде. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 3. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937). Он был деятельным участником колоссальной работы, предпринятой в связи с подготовкой и организацией празднования столетия со дня рождения Пушкина. Получив поддержку со стороны президента Академии наук СССР С. И. Вавилова, М. М. возглавил работу по передаче ценнейших материалов Всесоюзной Пушкинской выставки, открытой в 1937 г. в Москве, в Ленинграде, где решением правительства создавался Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Музей, открытый в 1949 г. в парадных залах Александровского дворца в г. Пушкине, стал одной из сокровищниц национальной культуры. М. М. вплоть до ухода своего по болезни на пенсию был директором музея (см. вышедший под редакцией М. М. Калаушина каталог — «Всесоюзный музей А. С. Пушкина». Изд. «Искусство», Л.—М., 1957). Одновременно с Всесоюзным музеем А. С. Пушкина был открыт и восстановленный к юбилею Лицей в г. Пушкине, ставший филиалом музея. Впоследствии к числу филиалов музея прибавился и музей-дача Китаевой в Пушкине.

Много труда было вложено М. М. и в восстановление разрушенного в годы войны Пушкинского заповедника, объединившего в себе Михайловское, Тригорское, Петровское и Святогорский монастырь с могилой поэта (см. его выступление на открытии дома-музея А. С. Пушкина в с. Михайловском. В кн.: А. С. Пушкин. Материалы юбилейных торжеств. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951). Среди печатных трудов М. М. Калаушина следует назвать: Методические указания по организации и оформлению массовых юбилейных выставок. В кн.: А. С. Пушкин. Жизнь и творчество. Л., 1937; Пушкинские места. В кн.: А. С. Пушкин. 1837—1937. Л., 1937; Пушкинские места. Пушкинский заповедник Академии наук. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936; Работа Пушкина над «Пиковой дамой». В кн.: «Пиковая дама». Опера П. И. Чайковского. Изд. «Искусство», Л.—М., 1938. Особо нужно отметить: Пушкин в портретах и иллюстрациях. Пособие для учителей средних школ. Учпедгиз, М.—Л., 1951 (вышло несколько изданий); Ранние непубликованные иллюстрации к «Руслану и Людмиле». В кн.: Пушкин и его время. Исследования и материалы, вып. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962. Немаловажны заслуги М. М. как редактора ряда пушкинских изданий, среди них необходимо отметить книги А. М. Гордина «Пушкинский заповедник» («Искусство», М.—Л., 1956), Е. В. Фрейдель «Музей-квартира А. С. Пушкина» (Лениздат, 1956), В. К. Зажурило «Лицей» (Лениздат, 1956) «Пушкин и его время. Исследования и материалы», вып. 1 (Изд. Эрмитажа, Л., 1962), «Здесь жил Пушкин. Пушкинские места Советского Союза» (Лениздат, 1963).

Светлая память о Матвеевиче Калаушине навсегда сохранится в памяти людей, которые знали его и работали с ним.

О. В. Ломан, О. А. Пини

АНДРЕ МЕНЬЕ

15 ноября 1968 г. в г. Лилле безвременно скончался Андре Менье, выдающийся французский пушкиновед, большую часть своей жизни посвятивший изучению и популяризации Пушкина во Франции. Он был хорошо известен и в Советском Союзе, куда он приезжал неоднократно и где напечатаны были (в русских переводах) некоторые из его научных работ.

Андре Менье (Marie-Raymond-André Meunieux) родился 31 января 1910 г. неподалеку от г. Лиможа, в Экс-сюр-Вьенн (Aix-sur-Vienne) и учился сначала в начальной школе родного городка, а затем в Лиможском лицее (с 1918 г.). Специализировавшись на изучении древних языков (греческого и латинского), он выдержал экзамены на степень бакалавра по этим языкам (1927), а в следующем году — по философии (1928) и предполагал первоначально посвятить себя писательской деятельности — беллетриста и драматурга. Однако занятия в Париже в конце 20-х годов русским и китайским языками (в Ecole des langues orientales vivantes и в Сорбонне) увлекли его, и он решил стать ученым-филологом. В 1929 г. А. Менье совершил первую поездку в СССР и находился здесь в течение двух месяцев, изучая русский разговорный язык и литературу. Тридцатье годы А. Менье провел в усиленных занятиях и задумывал свои первые работы по изучению русской поэзии. От этих занятий его оторвала вторая мировая война, во время которой он провел несколько лет в Камеруне (Африка) в качестве преподавателя одной из школ. В этот период своей жизни, когда он был оторван от больших библиотек и обычных занятий, он вновь стал посвящать свои досуги созданию художественных произведений. Еще во Франции Менье издал главы из большого задуманного им тогда романа «L'Orgueil», посвященного памяти его брата Жана, «жертвы немецкой тирании»: Jacques Pintavoine. Les Souvenirs d'enfance et Le choix d'une fiancée (Limoges, 1944).¹ Это — тонкое психологическое повествование, полное автобиографических признаний. За этой книгой последовали «драматическая хроника» («Eveline à Richelbourg. Chronique dramatique en 3 journées», 1946) и написанный еще в 1937 г. «драматический парадокс в одном действии» («La retraite de Don Juan»). Многие из опубликованных им (на обложках указанных книг) романов и сатирических этюдов не были осуществлены и остались в рукописи.

Возвратившись во Францию по окончании войны, А. Менье возобновил свои прерванные занятия русским языком (в 1949 г. он получил Diplôme d'Études supérieures de russe); к этому же времени относятся его переводы из Пушкина и замыслы популяризации русского поэта среди французских читателей; известное значение имело то, что в 1949 г. (как и в 1937 г.) во Франции довольно широко были отмечены пушкинские юбилейные даты.

В 1947 г. в лиможском журнале («Centres. Revue bimestrielle», N 9, Novembre, pp. 5—10) появился первый перевод Менье из Пушкина — «Пир во время чумы». В предисловии переводчик отметил, что эта самая короткая из всех «маленьких трагедий» Пушкина ни разу еще не переведилась на французский язык (за исключением песни Председателя: «Гимн в честь чумы» — «Hymne à la peste»; дважды до того времени он был плохо переведен во Франции, без всякого указания на самую трагедию, куда он вставлен поэтом). Не лишено интереса замечание Менье об ошутительном воздействии, которое «Пир во время чумы» оказал на произведение большого знатока Пушкина Анри Труайя — «Les Vivants». Самый перевод трагедии Пушкина сделан прозой, но две песни (Мери и Председателя) — стихами. Именно этот перевод и с тем же предисловием вошел впоследствии в изданный А. Менье том «Œuvres complètes»

¹ На контртитule этой книги объявлены были как «выходящие в ближайшее время» или «готовящиеся к печати» целый ряд других беллетристических произведений Менье — прежде всего относящиеся к тому же роману «L'Orgueil» — «Le Paradis perdu» (первая его часть), «Cecile, récit» (вставная новелла), «Fiançailles» (последняя часть романа «L'Orgueil»). Здесь же был анонсирован еще роман Менье «Vie et opinions d'Augustin Capitulaire». Сколько мы знаем, ни одно из этих произведений, к сожалению, в печати не появилось. Все эти анонсы, однако, свидетельствовали, что писательская деятельность сильно занимала его в эти годы и что он отдавал ей все свои творческие силы.

Пушкина (Paris, 1953, pp. 165—171). С середины 50-х годов начали появляться статьи А. Менье о Пушкине и, прежде всего, о французских переводах его произведений. Несколько таких статей А. Менье опубликовал в международном журнале ассоциации переводчиков «Вавилон» («Babel. Revue internationale de la traduction»). Уже первая из них была посвящена недостаткам прежних переводов из Пушкина: «Pouchkine traduit, Pouchkine trahi...» («Babel», vol. I, № 2, 1955); вторая хотя и была посвящена русским переводчикам до Пушкина, но провозглашала его великим мастером этого трудного искусства («Les traducteurs en Russie avant Pouchkine». «Babel», vol. III, № 2, 1957). В том же журнале к Пушкину Менье вернулся еще раз, опубликовав свою статью о лирике Пушкина во французских переводах: «A. Pouchkine-poète et sa traduction en français» («Babel», vol. VII, N 3, 1961). В том же году А. Менье опубликовал в журнале «La Table Ronde» (1957, № 119, pp. 90—107) статью «Пушкин и Дон-Жуан», в которой он, анализируя «Каменного гостя», с помощью писем поэта и других документальных данных об истории его жизни, пытается уследить ту психологическую основу, на которой могла быть создана эта маленькая трагедия, внешне обязанная традиционному сюжету мировой литературы, но в еще большей степени связанная с собственными, глубоко личными переживаниями Пушкина накануне его женитьбы. Вскоре А. Менье выпустил в свет отдельным изданием полный перевод «Медного всадника» (Pouchkine. Le Cavalier de bronze. Traduit sur les manuscrits originaux». В серии: Cahiers d'études littéraires, ed. André Bonne, Paris, 1959).

В предисловии к этому изданию автор справедливо отмечает, что до него эта знаменитая поэма Пушкина была полностью переведена на французский язык лишь два раза — в 1847 г. (H. Dupont) и в 1947 г. (J. Chuzzeville), — если не считать небольших отрывков из нее, изредка появлявшихся во французской печати, — и что все эти переводы были очень далеки от русского подлинника, хотя и делались преимущественно в прозе. Поэтому А. Менье не без основания утверждал, что его перевод «Медного всадника» следует считать первым, пытающимся дать полное представление о поэме в целом и действительно приближающим ее к пониманию французского читателя. В данном издании этому способствуем, помимо переведенного текста, также введение и примечания к нему, основанные на хорошем знании русских источников, и даже прекрасные подбор иллюстраций к книге, сделанный с большим вкусом. Что касается самого перевода, то он вызвал несколько осторожное отношение к себе и критические замечания французских славистов. При переводе «Медного всадника» А. Менье, по его собственному замечанию (стр. 13), следовал тем переводческим принципам, которые были изложены им в статьях журнала «Babel» и, в частности, в его полемическом отклике на статью Э. Карри («Sur l'article d'Edmond Carry: Traduction et poésie» «Babel» 1957, vol. III, N 3, pp. 125—140. — В этой статье приведены в русском тексте и французском переводе en regard строфы XXXI—XXXIII первой главы «Евгения Онегина»; перевод сделан восьмисложными белыми стихами).

Подобно многим другим современным французским переводчикам. А. Менье полагал, что при передаче на французский язык иноземного поэтического текста следует вовсе отказываться от рифмы и не слишком затруднять себя также близким следованием ритму подлинника. Именно этот принцип выдержал Менье и в переводе «Медного всадника». У советских поэтов и пушкинистов подобное воззрение на стихотворный перевод также вызвало несогласия и споры. П. Антокольский, например, в статье «Пушкин по-французски» (сб. «Мастерство перевода», изд. «Советский писатель», М., 1965, стр. 332) с осуждением цитировал слова А. Менье из его первой статьи о переводах Пушкина в журнале «Babel»: «Бесполезная для поэтической выразительности рифма вынуждает самого ловкого из версификаторов удаляться от подлинника на любое расстояние.

С другой стороны, такой переводчик, чтобы не слишком уклониться от оригинала, довольствуется рифмами наиболее легкими, иначе говоря, он сочиняет посредственные стихи. Даже и настоящий талант не спасает перевода, за исключением редчайших случаев и в очень коротких стихотворениях. Мы обязаны предрасудку рифмы множеству переводов, нехудожественных или неточных, а то и нехудожественных и неточных одновременно... От стойкого предрасположения переводчиков к рифмованному стиху Пушкин пострадал еще больше, чем от пошлости неоднократных переводов его прозы. «Таким образом, — резюмирует П. Антокольский, — задача А. Менье как поэтического переводчика сознательно ограничена и сводится к тому, чтобы передать смысл и содержание поэтического произведения в свободном стихе. Это означает, что ни внутреннее движение оригинала, ни его интонационное своеобразие, поскольку то и другое непосредственно связано с ритмом, передавать быть не могут. Они вынесены за скобки, как „непереводимое“ — непознаваемое для читателей другого языка». Конечно, эти упрёки, до известной степени справедливы, в особенности с точки зрения русских читателей поэзии Пушкина. Но законы были также сомнения А. Менье, тонкого ценителя французских поэтических традиций и превосходного знатока родной ему французской литературы, и поэтому оправданы были все его усилия и своего рода эксперименты, чтобы содействовать пересадке поэзии Пушкина на французскую почву и совершенствованию его восприятия французскими читателями. Своего рода загадкой для Менье всегда являлось непонимание поэзии Пушкина французами. Ему казалось поистине удивительным то, что Пушкин был и все еще остается менее известным во Франции, чем многие другие русские писатели; между тем именно Пушкин еще в лице прозван был «Французом» его соотечественниками; именно Пушкин и воспитан был на французской поэзии и сам писал «на таком французском языке, который не заставил бы краснеть и самого Волгера»; и тем не менее он был оценен во Франции лишь узким «доверительным» кругом... Эту загадку А. Менье решал всю свою жизнь, выступая и как переводчик-экспериментатор, и как ученый и направляя свое внимание на наследие своих предшественников. Длительные поиски наилучшего метода передачи пушкинского поэтического текста неоднократно приводили А. Менье к изучению старых переводов из Пушкина, примечательных либо по своим достоинствам, либо по значению тех лиц, которые над ними трудились. Примечательно в этом отношении образцовое сравнительно-стилистическое исследование под заглавием: «Три стилиста, переводчики Пушкина: Мериме—Тургенев—Флобер» («Trois stylistes, traducteurs de Pouchkine: Merimée—Tourguénev—Flaubert. Essai de traduction comparée»). Paris, 1962), вышедшее в свет в той же серии («Cahiers d'études littéraires»), что и названный выше перевод «Медного всадника». Автор подверг в этой книге тщательному текстологическому анализу несколько французских переводов стихотворений Пушкина («Посту», «Пророк», «Какая ночь!..»), сделанных И. С. Тургеневым для журнала «Republique des lettres» в 1876 г. и правленных в рукописи Флобером; сопоставительному анализу подвергнуты также два перевода тех же стихотворений Пушкина, ранее Тургенева сделанных П. Мериме (см. отзыв об этой работе П. Р. Заборова в журнале «Русская литература», 1962, № 4, стр. 223—225).

Еще в начале 50-х годов А. Менье, преодолевая огромные трудности, но увлеченный нелегкой задачей, приступил к осуществлению первого на французском языке «Полного собрания сочинений» Пушкина. Вышли два тома — первый в 1953 г., третий — в 1958 г. Это замечательное издание открыло новую эпоху в истории изучения и популяризации Пушкина во Франции. Первый том (Pouchkine. Œuvres complètes. Publié par André Meunieux. Préface de Henri Troyat, ed. A. Bonne, Paris, 1953, 745 pp.) включает в себе «драмы, романы и повести» в переводах А. Менье. Содержание этого большого, превосходно изданного тома шире,

чем обещает подзаголовок. Сюда вошли не только все драматические произведения Пушкина и большая часть его художественной прозы, включая незаконченные наброски. В таком объеме и с такими комментариями прозаические произведения Пушкина издавались во Франции впервые: все они даны в новых переводах, за исключением двух: «Пиковая дама» — в давнем, исправленном переводе П. Мериме, «Капитанская дочка» — в старом переводе Рауля Лабри. Каждому произведению в томе предпослана вводная заметка редактора или сопровождающие текст подстрочные примечания. Том открывается предисловием Анри Труайя (стр. 10—24) и вводным очерком А. Менье «Мятеж Пушкина. Этюд о пушкинском герое» (стр. 26—34). Свое предисловие к этому изданию Анри Труайя заканчивал следующими знаменательными словами: «Пушкин долгое время оставался узником своих границ. Несмотря на то, что его место среди таких писателей, как Данте, Сервантес, Шекспир, Расин, Корнель, Гёте или Байрон, ни один французский издатель не рискнул бы до сегодняшнего дня издать шолное собрание его сочинений. Какова бы ни была судьба настоящего тома, я приветствую его за то, что он исправляет старую несправедливость к одному из самых великих писателей мира» (стр. 24).

Стоит напомнить здесь также то, что сам Менье писал о своем издании в ценной обзорной статье, напечатанной на русском языке, «Пушкин во Франции в 1940—1958 гг.» (в сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 456—457): «В ноябре 1953 г. журнал „Nouvelles littéraires“ поместил повесть „Рославлев“ в моем переводе и известил о предстоящем выходе в свет первого тома „Полного собрания сочинений“ Пушкина во французском переводе. Я готовил это издание несколько лет. После многих испытаний первый том наконец увидел свет... В этот том вошли все драмы Пушкина (исключение составляют некоторые наброски, вроде «Вадима», и некоторые планы) и вся художественная проза, включая и незаконченные наброски. Впервые во Франции художественная проза Пушкина собрана здесь воедино. До сего времени произведения Пушкина были рассеяны по многим изданиям, затеряны в различных журналах, где их было трудно разыскивать. Некоторые произведения не были изданы вовсе. Французские читатели получили возможность познакомиться с „Пиром во время чумы“, так как первая публикация этого перевода в маленьком провинциальном журнале осталась незамеченной. Те же читатели получили французский текст „Сцен из рыцарских времен“, ранее напечатанных лишь одним бельгийским издательством. В этом издании напечатаны никогда не появлявшиеся до того времени во французских переводах „Роман в письмах“, „Гости съезжались на дачу...“, „На углу маленькой площади...“, а также ранее появлявшиеся лишь в отрывках, неточно и произвольно — „История села Горюхина“, „Рославлев“, „Мы проводили вечер на даче...“ (под заглавием: «Условие Клеопатры») и впервые переведенный „Роман на Кавказских водах“, „Русский Пелам“, „Повесть из римской жизни“, „Мария Шонинг“. Завершается том библиографией переводов из Пушкина на французский язык и алфавитным указателем собственных имен, а также русских и иностранных слов. Том иллюстрирован географическими картами, рисунками и портретом Пушкина работы В. А. Тропинина.

Следующий том этого издания, третий по счету, мог появиться лишь пять лет спустя. Он включил в себя дневники и автобиографические отрывки Пушкина, его критические статьи и письма (Pouchkine. Œuvres complètes. Autobiographie. Critique. Correspondance. Paris, 1958, 789 pp.).

Если не для французских читателей вообще, то по крайней мере для всех тех, кто во Франции интересуется русской литературой, этот том «Полного собрания сочинений» великого русского поэта безусловно представил еще больший интерес, чем предшествующий, потому что он

составлен по преимуществу из таких его произведений, которые никогда не переводились на французский язык. Тому предпослан большой вводный очерк А. Менье, озаглавленный «Пушкин-писатель и рождение литературного профессионализма в России» (стр. I—X); затем идут расположенные в хронологической последовательности (с 1815 по 1837 г. включительно) дневники, автобиографические фрагменты, рецензии, журнальные статьи, афоризмы («Мысли, отрывки и замечания») и т. д., перемежаемые письмами поэта (в книге опубликовано 462 письма с краткими объяснениями). К сожалению, в том не вошла «История Пугачева», не столько потому, что это сочинение не относят к художественной литературе, считая научной исторической прозой, сколько по формальным соображениям: этот большой труд чрезвычайно увеличил бы и без того объемистый том. Большая часть переводов сделана самим редактором, но на этот раз ему оказали помощь и поддержку ряд французских писателей и ученых. Как и в первом томе, в третьем весьма ценен справочный аппарат: здесь помещены аннотированный указатель адресатов писем Пушкина (стр. 735—738), а также индекс собственных имен (стр. 739—783).²

Второй том этого издания (рассчитанный на два полутома) был объявлен, но в свет не вышел. Переводы лирики и поэмы Пушкина являлись слишком трудной и ответственной задачей, потребовавшей длительной подготовки. Как мы уже видели, к решению ее А. Менье приступил издавна, с первых лет своих занятий творчеством Пушкина, но то были еще первые опыты, не всегда пользовавшиеся успехом и признанием. Существенно, что они не прерывались. А. Менье пользовался различными поводами, чтобы знакомить французского читателя с отрывками из произведений Пушкина в своем переводе, в том числе и такими, передача которых на французском языке заключает в себе особые трудности. Так, например, в специальной своей филологической статье, посвященной греко-латинской древности в русской культуре со времен Петра I («L'antiquité gréco-latine en Russie de Pierre le Grand à l'âge d'or». «Bulletin de l'Association Guillaume Budé. Revue de culture générale», IV série, 1961, N 3, pp. 360—375). А. Менье привел в своем переводе две строфы (VI и VII) первой главы «Евгения Онегина» для иллюстрации знакомства с античным миром петербургского денди около 1820 г. Шестая строфа читается так:

Le latin est passé de mode:
Mais s'il faut vous dire le vrai,
Il savait assez de latin
Pour déchiffrer les épigraphes,
Épiloguer sur Juvénal,
Mettre en fin de lettre: vale!
etc.

Приведя обе эти строфы, А. Менье заметил тут же: «Но Пушкин — это целый мир. Пушкин и античность могли бы явиться темой для обширного исследования, которому, разумеется, не место в данной статье»;

---

² Следует присоединиться к проф. Жану Перюсу, писавшему в своем кратком отзыве об этом томе: «Во Франции было известно, что имя Пушкина — одно из самых великих имен мировой литературы, но в конце концов оно оставалось лишь именем. Отныне разрушены языковые преграды, мешавшие перенести его в чужую страну... Нельзя не выразить признательности его издателю, который первым на Западе осмелился на такое предприятие, и еще более А. Менье, чей труд делает честь и университету, к которому он принадлежит, и всей нашей стране...» (См.: J. Régus, рец. на «Œuvres complètes» в журнале «Europe». 1958, N 345—349, p. 267).

однако на следующей странице Менье не мог удержаться от искушения привести полностью данное стихотворение Пушкина 1821 г. «К Овидию» «в неизданном еще переводе, который был испрошен у меня по случаю торжеств двухтысячелетия Овидия в Сульмоне два года тому назад; я надеюсь, что этот перевод не слишком искажает оригинал» (стр. 373—375). Напомним начало этого стихотворения:

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пенел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил,
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел
и т. д.

В переводе А. Менье:

Ovide, je demeure près de ces bords tranquilles
Auxquels tu apportas tes dieux lares proscrits,
De ces bords où jadis tu as laissé tes cendres.
Ta plainte désolée rendit ces lieux illustres
Et de la lyre encor vibre la douce voix;
De ta gloire ces contrées sont encor toutes pleines. . .
etc.

Все 104 стихотворных строки этого шедевра пушкинской лирики кинишевского периода воспроизведены А. Менье по-французски с возможной точностью и с соблюдением всех оттенков смысла каждого слова, притом — эквилинеарно: в переводе А. Менье стихотворение состоит также из 104 строк. Конечно, отсутствие рифм и естественная неупорядоченность ритма заметно уменьшают в переводе музыкальность, лиризм этого стихотворения, но эта неизбежная потеря вознаграждается уважением и любовью переводчика к пушкинскому слову и тонким вкусом, с которым любой строке оригинала было найдено полное и, как кажется, единственно возможное французское соответствие.

В следующем году А. Менье представился случай дать в руки французскому читателю целую антологию из произведений Пушкина, поэтических и прозаических, в собственных переводах, и еще раз шпорить до выхода пропущенного тома «Полного собрания сочинений» русского поэта, как воспринимают переводы из Пушкина читатели, не знающие русского языка. Это большой том, входящий в серию «Творений» знаменитых писателей, выпускаемую издательством Люсьена Мазено под редакцией Р. Кено и П. Жоссерана. («Les écrivains célèbres. Œuvres. Éditions d'art Lucien Mazenod. Le romantisme. A. S. Pouchkine. Traduction d'André Meunieux, Paris, 1962, 230 pp. — Приложен альбом иллюстраций на 16 листах). Послесловие к этой превосходно изданной книге написано А. Менье и озаглавлено «О А. С. Пушкине и Петербургской стороне» («Sur A. S. Pouchkine et le côté de Pétersbourg», pp. 207—221).

Сначала А. Менье оправдывает включение этого тома серии в ряд, посвященный поэтам-романтикам (Le Romantisme). Это продиктовано, пишет он, соображениями хронологического характера: «когда Пушкин начал жить, появились „Гиперион“ Гёльдерлина и „баллады“ Кольриджа, когда он умер, вышли „Ночи“ Мюссе и „Внутренние голоса“ Гюго». Несмотря на некоторую произвольность выбранных имен и произведений, а также необязательность для Пушкина их географической пестроты, с этой хронологией приходится согласиться по структурно-издательским основаниям; большой заслугой Менье несомненно явилось то, что он нашел Пушкину особое и почетное место в многотомной серии антологий «знаменитых писателей» мира. Но так как переводчик связан был также

объемом каждого тома серии, он избрал принципом отбора произведений Пушкина принадлежность их к петербургской тематике, что открывало теперь возможность соответственного подбора иллюстраций к книге. Сюда вошли: «Послание к цензору», «Воспоминания в Царском Селе», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Евгений Онегин» (глава первая), «Город пышный, город бедный», «Что в имени тебе моем?», «Домик в Коломне», «Езерский», «Медный всадник», «Моя родословная», «Перед гробницею святой...», «Роман в письмах», «Станционный смотритель», «Пиковая дама», «Египетские ночи», «Условие Клеопатры» (под этим придуманным редактором заглавием печатается перевод отрывка «Мы проводили вечер на даче...»). Таким образом, сборник составлен преимущественно из стихотворных произведений Пушкина. В своем отзыве об этой антологии А. Менье П. Антокольский, признавая, что избранный переводчиком метод передачи русского стихотворного текста на французский язык невольно привнес в утрате некоторых существенных поэтических особенностей оригинала, отмечал все же с полным основанием, в качестве основного вывода: «По добротности словесной ткани, по уважению к пушкинскому творчеству и ко всей нашей культуре переводы Андре Менье образцовы. Иначе объяснить их невозможно» (П. Антокольский. Пушкин по-французски. В сб.: Мастерство перевода. Изд. «Советский писатель», М., 1965, стр. 334).

Последующие годы, несмотря на большую занятость педагогической работой (в течение нескольких лет он вел занятия по русскому языку и литературе на литературном факультете университета г. Пуатье), А. Менье много и сосредоточенно работал над докторской диссертацией, блестяще защищенной им в 1966 г. в Парижском университете: «Пушкин-писатель и профессиональная литература в России» (*Pouchkine, homme de Lettres et la littérature professionnelle en Russie. Thèse pour le Doctorat ès Lettres, Paris, 1966, 695 pp.*). По старой французской традиции к основной представленной на защиту работе приложена была и «дополнительная теза» (*Thèse complémentaire*), излагавшая зарождение и первоначальное развитие профессиональной литературы в России — до Пушкина («*La littérature et le métier d'écrivain en Russie avant Pouchkine, Paris, 1966, 133 pp.*). В этой последней работе, охватывающей время приблизительно с 1740 до 1812 г. и составляющей как бы исторический фон для основного труда, собрано много данных о книжной торговле в России в это время, о профессионализации литературной деятельности на поприще журналистики, о переводчиках, об авторском гонораре и т. д. Восемнадцатый век русской культуры, по мысли Менье, был веком, когда ремесло писателя в России только зарождалось. Но писатель достиг у нас полной независимости и осознал себя как профессиональный труженик только при Пушкине, который и явился в России, по мнению А. Менье, первым русским писателем-профессионалом. Французская критика высоко оценила этот большой труд, который по своему жанру противостоит модным на Западе литературоведческим течениям: основа работы — социологическая; исследователю приходится изучать и различные фазы великосветского литературного любительства, и всевозможные формы меценатства как фактора литературного процесса, и различные способы, к которым прибегали писатели, чтобы добиться материальной независимости. Все это изучено в книге на широком бытовом и литературном фоне (*Jean Pégus. Quelques ouvrages récents sur Pouchkine et son temps. «Europe. Revue Mensuelle», 1967, N 461—462, pp. 286—289*).

В первой части своего труда Менье излагает результаты изучения им начального периода литературной деятельности Пушкина, от осознания им своего поэтического призвания до крупного материального успеха, который принесла ему публикация «Бахчисарайского фонтана». Во второй части книги собран большой материал, характеризующий «словесность и коммерцию» после 1825 г., развитие журнализма, постепенное складывавшееся у нас юридическое понятие о литературной собствен-

ности, вплоть до переписки Пушкина — незадолго до его смерти с Барантом по вопросам кодификации авторского права. Богатая по содержанию, образцовая по форме, основанная на прекрасном знакомстве с русскими первоисточниками, в том числе и с рукописными, «теза» А. Менье не может не привлекать к себе внимания и русских пушкинovedов. Этот французский труд о великом русском поэте и той роли, которую он сыграл в русском обществе, в истории русской общественной мысли и культуры оставляет далеко позади себя все прежние работы о Пушкине, появившиеся на французском языке. Напряженная работа над этой огромной книгой в течение нескольких лет заметно подорвала здоровье автора. Тем не менее он продолжал трудиться, уже тяжело больной, и после публичного диспута и назначения на кафедру литературного факультета университета в г. Лилле. По-прежнему центральной оставалась для него подготовка пропущенного второго тома французского «Полного собрания сочинений» Пушкина, и он упорно совершенствовал его, лишь изредка отвлекаясь занятиями смежными темами, также преимущественно пушкинскими. Так, например, в сборнике к 70-летию П. Н. Беркова А. Менье поместил свои «заметки», озаглавленные «Русский восемнадцатый век и формирование Пушкина» (Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. «XVIII век», сб. 8. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 339—343). Своего рода сенсацией явилась небольшая статья А. Менье, опубликованная в парижском журнале «Revue des études slaves», t. 47 (1967), pp. 22—25. В оглавлении тома она названа: «Альбомы Екатерины Гончаровой»; перед текстом заголовок пространнее: «К вопросу об обращении литературы в русском обществе первой трети XIX в.: описание двух альбомов, принадлежавших Екатерине Гончаровой» («Contribution à l'étude de la circulation de la littérature dans la société russe du premier tiers du Dix-neuvième siècle: description de deux albums ayant appartenu à Catherine Goncharova»).

Речь идет здесь о новых рукописных материалах, найденных в семейном архиве Дантесов (баронов Heckeren d'Anthès), хранящемся в родовом владении этой семьи Soultz (Haut-Rhin), которые живущий ныне барон Клод Дантес предоставил А. Менье для опубликования; и прежде всего — два альбома его прабабушки — Екатерины Николаевны Гончаровой (родной сестры Натальи Николаевны Пушкиной). В статье А. Менье дано краткое предварительное описание этих альбомов. Первый из них, конца 20—начала 30-х гг., имеет 101 лист, на которых вписаны стихотворения Пушкина («К Лиденьке»), Грибоедова («Горе от ума» — полный текст), Веневитинова, И. И. Козлова, Н. Языкова, Е. Баратынского и др. Второй альбом («Разные стихотворения») имеет дату (1833 г.) и указание на место, где он был заполнен («Полотняный завод»). Он начинается копиями семи стихотворений Н. М. Языкова (в том числе стихотворения «Тригорское. К А. С. Пушкину»), А. А. Дельвига, П. Плетнева, К. Рыльева, В. Туманского, А. Пушкина, Д. Давыдова, П. А. Вяземского и других. Пушкин представлен здесь тремя произведениями: «Эпиграмма (из Антологии)», «Домик в Коломне», «Желанье Славы (Елегия)». А. Менье ограничился опубликованием лишь полного перечня заглавий всех произведений, тексты которых находятся на страницах обоих альбомов; текстологическую их экспертизу он предполагал выполнить позже, имея под рукой все необходимые для этого источники. Свою краткую статью он кончал следующие словами о своих будущих задачах по изучению этих альбомов: «Варианты, выявление возможных неизданных текстов, даты опубликования других — все это станет предметом последующих точных определений и кропотливых изысканий». К сожалению, эта интересная работа осталась незавершенной и неопубликованной. . .

Еще в августе 1968 г. А. Менье приехал в Прагу, чтобы принять участие в собравшемся здесь VI Международном съезде славистов. Он привез с собой доклад, озаглавленный «Пушкин и окончание второго Фауста» («Revue des études slaves», t. 47, 1967, pp. 98—108; то же в виде отдель-

ного оттиска с обложкой: VI Congrès International des Slavistes, Communications de la délégation française et de la délégation Suisse, Paris, 1968. Это новые гипотезы по поводу старой проблемы о соотношении гётевского «Фауста» и пушкинской «Сцены из Фауста», как всегда основанные на самом тщательном изучении первоисточников. Однако состояние здоровья А. Менье было таково, что он уже не имел возможности сам огласить свой доклад на съезде, и текст его был лишь роздан присутствующим. Два месяца спустя А. Менье скоропостижно скончался на вокзале г. Лилля, готовясь ехать в Париж...

Мы могли остановиться в этом кратком некрологе А. Менье преимущественно на тех его работах, которые посвящены Пушкину; правда, они были основными из им опубликованных. Он был пушкинистом широкого профиля, уделившим много внимания и текстологической, и переводческой проблематике, и биографии поэта, его бытовому и литературному наследию, и роли его в мировом литературном развитии. В каждой из этих областей он сказал свое слово. Тонкий аналитик и мастер перевода, знаток мирового художественного слова и даровитый историк, Андре Менье всю свою творческую жизнь посвятил Пушкину и русской литературе его времени. Изучение Пушкина было для него не только научной, но и эстетической задачей: он был одним из немногих иностранцев, который своим упорным трудом завоевал ключ к пониманию наследия великого русского поэта. Многие из замыслов покойного исследователя остались незавершенными. Будем надеяться, что его вдова, г-жа Ирен Менье, с избранными ею сотрудниками, закончит и опубликует рукописи покойного и прежде всего выполнит его обещание издать пропущенный второй том французского «Полного собрания сочинений» Пушкина.

М. П. Алексеев

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (МОСКВА) В 1968 г.

Главным видом научной деятельности в 1968 г. являлось изучение материалов, составляющих основной фонд музея. За год составлены научные и учетные паспорта на 553 экспоната. Объектом изучения были портреты современников Пушкина, виды городов и мест, мемориальные комплексы (например, мебель из имения Гончаровых «Полотняный завод») и т. д.

Состоялось 15 открытых научных заседаний. С докладами выступили В. В. Виноградов, Н. Я. Эйдельман, С. С. Ланда, В. В. Лазурский, Н. В. Фридман, И. Л. Фейнберг и другие. Два выступления («Пушкин и Горький», «Пушкин и Тургенев») были подготовлены сотрудниками музея Н. М. Лобиковой и И. А. Гладыш. Большой интерес вызвали доклады, связанные с судьбой реликвий и поэтического наследия Пушкина: И. С. Зильберштейн «Ценная реликвия пушкинской эпохи, возвращенная на родину. История портрета М. Н. Волконской с сыном кисти П. Ф. Соколова (1826 г.). Дар В. Н. Звегинцова (Париж)»; С. М. Лифарь «Моя пушкиниана»; В. В. Лазурский «О веронском издании „Медного всадника“ Пушкина. Новый поэтический перевод Нерины Мартини Бернарди».

В музее прошло 55 литературно-музыкальных вечеров и пушкинских чтений. На вечерах выступили Д. Н. Журавлев, Я. М. Смоленский, В. А. Токарев, А. Я. Кутепов, С. В. Гиацинтова, А. И. Смирнов, М. И. Царев, И. С. Козловский, А. М. Иванов-Крамской, А. В. Яковенко, И. Л. Анд-

роников, Д. Д. Благой, И. Ф. Белза, И. В. Ильинский и многие другие. Продолжались вечера из серии «Артистическая молодежь — Пушкину». Состоялись концерты двух бывших участников молодежной студии художественного слова при музее — Ю. Рапкина и И. Леонтьева, ныне артистов театра «Современник». Большой концерт был посвящен артистической молодежи музыкального училища им. Ипполитова-Иванова, подготовившей пушкинскую программу.

Следует особо отметить пушкинские чтения 10 февраля и 6 июня. К 10 февраля — 131-й годовщина со дня смерти Пушкина — научными сотрудниками музея А. С. Фрумкиной и Н. С. Нечаевой была подготовлена литературно-документальная композиция «Пушкин в Москве» (хроника 1836—1837 гг.), рассказывающая о дружеских и литературных связях Пушкина с Москвой, родиной поэта, в последний год его жизни и реакции московского общества на его гибель. В композицию вошли забытые или малоизвестные воспоминания, дневниковые записи, переписка современников, донесения полицейских агентов. Композиция была представлена на вечере в виде «литературного театра».

6 июня музей принял участие в проведении Всесоюзного пушкинского праздника поэзии. На вечере «Мой Пушкин» выступили многие зарубежные писатели и поэты, приглашенные на празднование пушкинского юбилея.

В 1968 г. значительно пополнились фонды музея. Получены мемориальные вещи из имени Гончаровых «Полотняный завод»; комплекс вещей, связанных с семьями Бакуниных и Олениных, — предметы быта и портреты; портрет С. А. Баратынского, брата известного поэта и знакомого Пушкина; серебряные и золотые часы фирмы «Брегет» 1820-х годов; набор лент русских орденов пушкинской поры и т. д.

Увеличилось собрание советской пушкинианы: Музеем приобретены скульптурные портреты Пушкина работы Н. П. Гаврилова и Ю. Г. Петросяна; эскизы костюмов и декораций М. И. Завдина, А. Я. Головина, И. В. Алексева; иллюстрации к Пушкину работы Н. В. Кузьмина, П. П. Соколова-Скала, К. И. Рудакова и других художников.

Большое место в пополнении фондов занимают дары. По инициативе и при содействии И. С. Зильберштейна получен из Парижа портрет М. Н. Волконской с сыном (см.: И. С. Зильберштейн. Парижские находки. «Огонек», 1966, № 49, стр. 24—27).

Ценнейшим даром является коллекция предметов изобразительного и прикладного искусства в количестве 230 единиц (серебро, фарфор, бисер, мебель и пр.), которую завещала музею врач-офтальмолог А. С. Головина.

Дары занимали большое место и в комплектовании библиотеки музея. К. А. Марцишевская подарила 744 книги в библиотеку И. Н. Розанова. В конце года музей пополнился еще одним ценным даром — библиотекой покойного писателя С. Н. Голубова (дар вдовы писателя, А. В. Голубовой), насчитывающей около 3000 книг. Библиотека представляет собой собрание исторической литературы пушкинской эпохи, редких справочных книг (истории дворянских родов, некрополи, шильдеровские издания, мемуары конца XVIII в. и далее), необходимых в работе музея. Библиотека содержит военные мемуары поэта-партизана Дениса Давыдова, первое издание «Записок Александра» — Надежды Дуровой, участвовавшей в войне 1812 г., первой русской женщины-офицера, и другие интересные материалы.

В течение 1968 г. через агентство печати «Новости» в газетах, а также непосредственно в газетах и журналах было опубликовано около 30 заметок и статей, рассказывающих о музее, об его материалах и вечерах, о наиболее интересных приобретениях и дарах. Состоялось 7 радиопередач по творчеству Пушкина и по материалам и выставкам музея. История многих портретов и экспонатов нашла отражение в цикле телевизионных

передач «Адресаты пушкинской лирики» (автор А. С. Фрумкина). В текущем году прошло 8 передач этого цикла. В публикациях, радио- и телепередачах принимал участие весь научный коллектив музея.

Подготовлены и сданы три статьи для пушкинского номера альманаха «Прометей»: «Прекрасная и добрая» (о портрете Е. М. Хитрово) — Е. В. Павлова; «Месяцеслов с записью о смерти Пушкина» — Н. С. Нечаева; «... и память Каменки любя...» (о неизвестном портрете Е. Н. Давыдовой) — Г. Д. Кропивницкая.

В 1968 г. в музее работали 3 выставки: «Ленинградские художники — Пушкину»; «Дар А. С. Головиной»; «Портреты неизвестных в собрании ГМП», открывшаяся в декабре. Выставка «Портреты неизвестных» — необычна, она представляет собой эксперимент, цель которого — привлечь общественность к изучению музейных вещей, к определению изображенных на портретах людей.

За истекший год музей обслужил экскурсиями, лекциями, вечерами 88 000 человек.

Н. Г. Винокур

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В 1968 г.

Для Всесоюзного музея А. С. Пушкина 1968 год — первый год жизни его новой литературно-монографической экспозиции. Открытая в конце июня 1967 г., она лишь в истекшем году прошла тот полный календарный цикл, который позволяет дать объективную оценку работы музея, в особенности музея нового и к тому же расположенного в пригороде (г. Пушкин), где значительно резче выражается сезонность экскурсионного потока посетителей. Если в ноябре и декабре 1967 г. музей посетило всего 7.500 человек, то в любой летний месяц минувшего года число посетителей той же экспозиции составляло многие тысячи. Годовая же посещаемость музеев, входящих в систему Всесоюзного музея А. С. Пушкина, превысила 300 000 человек.

Небольшой коллектив сотрудников музея провел в 1968 г. более трех тысяч экскурсий (число их — одна из важнейших характеристик массовой работы музея), и нам безусловно ясно, что эти цифры и впредь останутся на высоком уровне.

Не только экскурсии и консультации составляли работу коллектива музея. По материалам коллекций его сотрудниками в плановом порядке и сверх годового плана выполнено 12 исследовательских работ. Следует отметить работы Н. Н. Альтварг о забытом альманахе «Сириус»; Г. И. Назаровой о рисунке Брюллова для известного смирдинского альманаха «Новоселье»; биографические очерки «Владимир Вольховский» и «Александр Горчаков» из серии «Лицейские товарищи А. С. Пушкина», которую готовит к печати хранитель Лицея М. П. Руденская. Вторым дополненным изданием вышел в свет сборник «Литературные памятные места Ленинграда». Быстро разошлась небольшая книжечка хранителя фондов музея Л. П. Февчук «Личные вещи А. С. Пушкина» (1968) — результат многолетней работы автора над пушкинскими реликвиями.

В конце года была проведена итоговая научная конференция музеев. Она выявила творческие возможности коллектива в области его научных интересов. Из сообщений конференции следует отметить работу Н. И. Гошлер: «Духовный поиск декабристского поколения и роман А. С. Пушкина „Евгений Онегин“».

В 1968 г. музеем подготовлен к печати сборник выступлений участников семинара-совещания работников литературно-мемориальных музеев

РСФСР на тему «О новых принципах построения экспозиций литературных музеев и мерах по сохранности мемориальных комплексов».

Совершенно новыми в научной и методической работе музея явились социологические исследования состава и интересов посетителей, проводившиеся в его литературно-монографической экспозиции. С помощью ведущих социологов Ленинграда (социологический сектор философского факультета Ленинградского университета и Ленинградского отделения Института философии АН СССР) была разработана анкета для посетителей. Ответы на нее позволили в конце года сделать предварительные выводы о составе посетителей музея, их социально-культурных характеристиках, степени понимания музейной экспозиции, уровне ее восприятия.

Экспозиционная работа этого года сосредоточилась на будущих литературно-монографическом и мемориальном разделах музея в бывшем царскоевельском Лицее. Само здание его, находящееся на капитальном ремонте, требует проведения значительных восстановительно-реставрационных работ, объемом которых оказалось много больше, чем это ранее представлялось. На основе многих архивных разысканий, архитектурно-археологических исследований, изучения всего корпуса существующих источников Лицею будет возвращен его первоначальный вид 1811—1817 гг. Третий и четвертый этажи с кабинетами, классами, актовым залом и комнатами воспитанников станут мемориальным лицейским комплексом. Второй этаж здания отводится под экспозицию «А. С. Пушкин в русской, советской и мировой культуре», которая продолжит и завершит существующую с 1967 г. литературно-монографическую экспозицию. Для нового отдела музея разработано литературно-тематическое задание и по нему составлены литературно-тематические планы основных тем будущей экспозиции. Проекты воссоздания двух верхних этажей Лицея в плане мемориальном обсуждались Ученым советом музея и получили его одобрение.

Продолжал работу научно-методический семинар музея. В 1968 г. состоялось 25 его занятий, проводившихся главным образом силами сотрудников музея. Кроме них к ведению семинара привлекались и ученые Института русской литературы, Университета, Эрмитажа. Особенный интерес вызвали имевшие глубокий исследовательский и проблемный характер занятия, проведенные доктором филологических наук Н. В. Измайловым по рукописям А. С. Пушкина и библиотеке поэта.

Из других направлений работы музея выделяются массовые вечера, выставки и шефская деятельность. Это и торжественные памятные собрания в дни рождения и смерти А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова, это и широкое участие музея в проведении и подготовке «Второго всесоюзного пушкинского дня поэзии», это научная и методическая помощь родственным музеям А. С. Пушкина в Вильнюсе, Одессе, Кишиневе и Каменке; Н. А. Некрасова в Карабихе и Чудове, ряду других мемориальных музеев. Это «Пушкинские чтения» в Доме культуры города Пушкина, и литературно-музыкальные вечера в зале «Медного всадника», циклы лекций в подшефных пушкинско-ганнибаловских местах Гатчинского района, «Некрасовские пятницы» и «Вечера на Мойке». Из последнего цикла нельзя не вспомнить вечер, посвященный памяти Ю. Н. Тынянова. На нем выступали исследователи творчества Ю. Н. Тынянова, его друзья, ученики. С содержательными докладами выступили литературоведы Т. Ю. Хмельницкая и А. Чудаков. Особенный интерес вызвали воспоминания о Ю. Н. Тынянове его близких друзей — писателей В. Каверина и В. Шкловского. Сестра Ю. Н. Тынянова И. Н. Тынянова привезла на вечер материалы для открытой на нем выставки: «Из рукописного наследия Юрия Тынянова». В цикле литературно-музыкальных вечеров в городе Пушкине выделился вечер лицейской годовщины, проведенный силами общественности, студенчеством и творческой интеллигенцией в экспозиции литературно-монографического музея.

Массовый отдел музея курирует создание в Гатчинском районе народных пушкинских музеев. Один из них будет посвящен няне поэта, Арине Родионовне, и откроется в деревне Кобрينو, в доме, где, по преданию, она некоторое время жила у своего сына. Другой — в здании почтовой станции в том же Гатчинском районе, станции, которую предание, название села Выра и сама дорога из Петербурга в Михайловское, много раз проделанная поэтом, связывают со «Станционным смотрителем».

В течение года музей организовал и передвижные выставки куйбышевского художника А. Н. Михрамяна «Пушкинские места СССР»; познакомил ленинградцев с рисунками московской школьницы Н. Рушевой, графика которой на темы пушкинского творчества не первый год привлекает внимание общественности Москвы.

Остановимся, наконец, на приобретениях музея за прошедший год. Всего приобретено 452 новых экспоната (графика, живопись, миниатюры, рукописи и документы пушкинской эпохи, предметы быта, мебели и убранства и т. д.).

Упомянем серию известных эстампов А. Н. Бенуа к «Медному всаднику» и «Ликовой даме». Листы эти, ставшие классическими, известны широко и представляют значительную художественную ценность. Среди приобретений года и сохранившегося гравюр с видами Петербурга, содержащая свыше 100 листов, и реликвийный экспонат — бюро, принадлежавшее М. Ф. Орлову, и портрет графини С. В. Комаровской, рожденной Веневитиновой, сестры поэта, родственницы и знакомой Пушкина (акварель художника Ж. Вивьена).

Г. Т. Прошин

ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК В 1968 г.

Как и в предшествующие годы, в 1968 г. в Пушкинском заповеднике продолжались реставрационные работы, направленные на установление утраченных после смерти Пушкина элементов исторических парков и усадебных построек. Работниками заповедника совместно с «Леспроектом» были проведены капитальные работы по генеральному устройству заповедника. Произведена новая геодезическая съемка всей заповедной территории, паспортизация мемориальных насаждений (свыше 3000 деревьев), описание ландшафтных участков, маркировка деревьев. Одновременно производились работы по завершению ликвидации урагана 1967 г.: очистка глубинных участков Михайловских роц от бурелома, выкорчевка и вывозка пней, покрытие раненых участков почвы новым дерновым слоем, посев и посадка молодых саженцев взамен погибших деревьев. Большие работы произведены в Святогорском монастыре. На мраморном обелиске на могиле поэта воссоздан накладной бронзовый золоченый крестик. Этот крестик в годы гражданской войны был снят по распоряжению местного начальства во время одного из чествований Пушкина, чтобы таким образом «осовременить» памятник. Восстановление этой детали памятника было произведено в соответствии с архитектурным обмером памятника, исполненным в 1900-х годах архитектором Белогрудом, старшими фотографиями, описаниями и зарисовками. Крестик был изготовлен в мастерской Ленинградского Высшего художественного училища им. Мухомой. В мастерских московского института «Автогемаш» проведена реставрация древних колоколов, разбитых в годы Великой Отечественной войны. В будущем эти колокола предполагается поместить на монастырскую звонницу.

В преддверии памятных мест («Граница владений дедовских», городище Воронич, Савкина Горка, «Дорога, изрытая дождями» и т. д.) поставлены гранитные валуны с высеченными надписями. Такие же валуны-указатели поставлены у дорог, ведущих из Пушкинских Гор

Могила А. С. Пушкина.

в Михайловское, Тригорское, Савкино, Петровское (ранее на этих местах стояли жестяные таблицы-указатели).

С 1967 г. распоряжением Министерства культуры РСФСР в состав Пушкинского заповедника на правах его филиала включена усадьба Н. А. Римского-Корсакова «Вечаша» (в Плюсском районе Псковской области). За 1968 г. здесь проведены большие работы по наведению по-

рядка в парке, подготовлены научно-документальные материалы для восстановления дома композитора и оборудования в нем мемориального музея.

Отличительной чертой деятельности Пушкинского заповедника была массовость экскурсионной работы. В 1968 г. музеи заповедника посетили около 360 000 человек (13 500 экскурсий) со всех концов СССР.

В нынешнем году заповедник был открыт для посещения иностранными туристами. В нем побывало около тысячи человек из 15 стран Европы и Америки. При участии сотрудников заповедника киностудия «Фильм-Экспорт» выпустила два цветных документальных фильма: «Наедине с Пушкиным» (в 3 частях) и «Второй Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии в Михайловском» (в 1 части). Издательство «Советская Россия» выпустило буклет «Пушкинский заповедник», с текстом на четырех языках: русском, английском, французском и немецком. Ленинградский Государственный Монетный Двор выпустил новый тираж памятных настольных медалей, посвященных Михайловскому, Тригорскому и Святогорскому монастырю. Издательство «Художник РСФСР» выпустило подборку офортов художника В. М. Звонцова «Пушкинский заповедник». Издательства «Советский художник» и «Орбита» выпустили наборы открыток с видами памятных мест заповедника с приложением кратких текстов к этим наборам. В выставочных залах Тригорского были развернуты в летнее время художественные выставки «Пушкинские места нашей Родины в гравюрах художника А. И. Мищенко» и Двенадцатая отчетная выставка работ студентов графического факультета Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, проходивших в Пушкинском заповеднике летнюю творческую практику; в городах Ульяновске, Махачкале и райцентре Плюсса заповедник организовал художественные выставки на тему «Пушкинские заповедные места». Эти выставки посетили 60 000 человек.

По примеру прошлых лет в заповеднике проходили летнюю творческую практику студенты-филологи Ленинградского, Одесского и Уральского университетов (30 человек). По традиции, в заповеднике были отмечены три памятные пушкинские даты: 169-я годовщина со дня рождения поэта, 131-я годовщина со дня его смерти и 144-я годовщина со дня его приезда в Михайловскую ссылку. На научных собраниях, «Пушкинских чтениях», посвященных этим датам, с докладами и сообщениями выступили научные сотрудники Института русской литературы АН СССР А. Д. Соймовов, Московского музея Пушкина Е. В. Муза, А. Э. Крейн, Н. С. Нечаева и Т. В. Курочкина.

В феврале в Москве, в Государственном музее А. С. Пушкина, были проведены «Дни Михайловского», в которых приняла участие группа научных работников заповедника в составе С. С. Гейченко, Т. Ю. Мальцевой, Е. Н. Сергеевой и В. Я. Шпинева, выступивших с научными докладами и сообщениями на тему «Деревенские знакомые Пушкина» и «Первые паломники на могилу поэта». 1—2 июня в заповеднике состоялся «2-й Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии». В празднике приняли участие поэты и писатели Советского Союза, а также многих зарубежных стран (Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии, Польши, Чехословакии, Югославии, Монголии, Кубы, Франции, Бельгии, США, Перу, Сан-Сальвадора, Колумбии). В Пскове и Пушкинских Горах состоялись встречи писателей с общественностью, литературные вечера. В Михайловском состоялся традиционный народный праздник, на котором выступили с чтением переводов произведений Пушкина Морис Карем (Бельгия), Луис Энрике Сендоя (Колумбия), Эрст Брыльш (Польша), Инна Кассьян (Румыния), Гафар Мирдзоев (Таджикистан), Ария Элкене (Латвия), Золтан Зелк (Венгрия), Дебора Вааранди (Эстония), Младен Исаев (Болгария), Ибрагим Юсупов (Кара-Калпакия), калмыцкий поэт Давид Кугультинов, Нехватал (Чехословакия) и многие другие.

С чтением своих новых стихов, посвященных Пушкину, и словом о Пушкине выступили поэты и писатели М. Дудин, В. Кобликов, М. Румянцева, И. Кошежева, Р. Казакова, И. Виноградов, Д. Паттерсон, Я. Хемский, Л. Васильева, Ир. Андроников, Вал. Катаев, И. Григорьев, Кайсын Кулпев, Д. Кугультинов.

Зарубежные гости преподнесли в дар заповеднику свои книги с переводами Пушкина на болгарский, французский, сербский, литовский, немецкий языки и различные сувениры. В эти дни в Михайловском был открыт большой книжный базар, на котором было продано несколько тысяч книг Пушкина и о Пушкине. Праздник передавался по Центральному радио и телевидению. В течение года в центральной печати — «Правда», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Известия» — и в «Псковской правде» были опубликованы статьи и заметки, в которых освещалась деятельность заповедника, подготовка и проведение «Пушкинского праздника поэзии» и пр.¹

С. С. Гейченко

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА В БОЛДИНЕ (Горьковская область, 1967—1968 гг.)

По установившейся традиции ежегодно в Болдинском музее широко отмечались дни рождения и смерти поэта и годовщины «Болдинской осени». В эти дни происходили торжественные вечера в районном Доме культуры с участием представителей общественности г. Горького и работников пушкинских музеев других городов.

10 февраля 1967 г. с докладами на вечере выступили директор музея Ю. И. Левина и научный сотрудник Всесоюзного музея А. С. Пушкина Г. И. Назарова.

Двухдневным праздником в начале июня отмечались годовщины рождения Пушкина. Переключаясь с Всесоюзным Пушкинским праздником поэзии в с. Михайловском, праздник в с. Болдино также носил характер «дней

¹ Ираклий Андроников. С любовью к Пушкину. «Правда», 3 мая 1968; В. Михайлов. Пушкинский уголок земли. «Известия», 4 июня 1968; С. Коненков. Вся Россия с Пушкинского холма. «Комсомольская правда», 22 мая 1968; А. Михайлов. Поэзия Пушкина вмещает весь мир. «Псковская правда», 2 июня 1968; А. Морозов. Дань любви и уважения. «Псковская правда», 2 июня 1968; В. Журавлев. Величие Пушкина. «Книжное обозрение», 31 мая 1968; С. Осмина. Свидание. «Известия», 8 июня 1968; Ильгиз Каримов. Всегда с тобой. «Литературная Россия», 7 июня 1968; В. Бозырев. Заповедные пушкинские места. (Пушкинская выставка на Кавказе). «Псковская правда», 18 июля 1968; С. Гейченко. Россия Пушкина (о выставке произведений художника А. И. Мищенко в Тригорском). «Литературная Россия», 2 августа 1968; В. Воинов. Пушкинский заповедник за 50 лет. Краткое изложение доклада директора заповедника С. Гейченко на открытом научном собрании в Московском музее Пушкина. АПН, февраль, 1968; В. Курбатов. Два вечера в Тригорском. «Молодой ленинец» (Псков), 29 августа 1968; Т. Михеева. Деревенские друзья Пушкина. Краткое изложение докладов научных работников Пушкинского заповедника С. С. Гейченко, В. Я. Шпинева, Т. Ю. Мальцевой и Е. Н. Сергеевой на открытом научном собрании в Московском музее Пушкина. АПН, январь 1968.

поэзии». В июне 1967 г. в нем приняли участие поэты и писатели: горьковчане — Н. Бирюков, А. Люкин, Л. Шерешевский, А. Чеботарев, В. Шамшурин и другие; на русском и мордовском языках читали свои стихи поэты Мордовии — Ф. Атянин, В. Юшкин, П. Любаев. Артисты Горьковского ТЮЗа показали спектакль «Сказки Пушкина».

10 февраля 1968 г. старший научный сотрудник Государственного литературного музея Е. Н. Дунаева прочитала доклад «Пушкин и Тургенев», преподаватель Горьковского университета им. Лобачевского, кандидат филологических наук В. А. Грехнев посвятил свое выступление философской лирике Пушкина. Был показан фильм «И снова осень» (о пребывании Пушкина в Болдине), выпущенный горьковской студией телевидения в 1967 г. О работе над его созданием рассказал режиссер фильма — главный режиссер студии М. А. Скворцов.

1—2 июня 1968 г. на празднике выступали московские поэты Н. Панченко, Н. Бялосинская, горьковские поэты В. Кумакшев, Ю. Адрианов; местный поэт А. П. Новиков прочитал свои стихи, посвященные Пушкину; в концерте участвовали артисты горьковской филармонии. На народном гулянье (в роще «Лучинник») выступала самодеятельность района. («В Болдине звучат стихи», «Правда» от 12 июня 1967; «Праздник поэзии в Болдине», «Горьковская правда» от 13 июня 1967; «С Пушкиным в сердце», «Орловская правда» от 4 июня 1968).

16—17 сентября 1967 г. на праздновании «Болдинской осени» выступали артисты Горьковского театра оперы и балета им. А. С. Пушкина, филармонии и капеллы; особенно интересным было выступление хора мальчиков капеллы. Поэты В. Кумакшев, Б. Пильник и Л. Лопухова читали стихи на митинге, происходившем перед Домом-музеем. Был заслушан доклад на торжественном собрании доктора филологических наук Г. В. Краснова «Пушкин и наше время». Состоялись выступления композитора А. А. Нестерова и других. На празднике присутствовал праправнук поэта А. И. Писнячевский, живущий в Горьком. 4 сентября 1968 г. праздник открылся вечером русской народной песни и проходил пять дней. В своем вступительном слове директор музея Ю. Левина отметила естественную закономерность такого начала пушкинского праздника в Болдине — там, где поэт особенно близко соприкасался с народной жизнью и записывал народные песни. Большой интерес вызвали хоры коллективы Сергача, Починок, Болдина и других. 5 сентября на «Вечере поэзии» читали стихи поэты городов Москвы, Горького, Саранска (Ф. Фаломин, Т. Глушкова, Ю. Адрианов, А. Цырульников, А. Мартынов, Э. Симдянова, А. Моро и другие). 6-го был организован «Вечер музыки»; в нем участвовали композиторы (Б. Б. Благовидов и В. В. Владимиров), музыканты и артисты г. Горького; их представлял собравшимся профессор горьковской консерватории, музыковед В. Коллар. 7-го на торжественном вечере выступали представители партийных и советских организаций, писатели, композиторы и работники пушкинских музеев Москвы и Ленинграда.

8 сентября состоялся детский праздник с участием московского писателя-сказочника С. Козлова и детской самодеятельности. В эти же дни в музее были прочитаны сообщения научных сотрудников Государственного музея А. С. Пушкина В. О. Лапиной — «Советские иллюстраторы „Евгения Онегина“» — и Всесоюзного музея А. С. Пушкина А. Г. Пинаевой — «Потомки Пушкина». Для приглашенных гостей были организованы экскурсии по заповеднику и пушкинским местам района (Львовка, Кистеневка, Черповское, Казариново). (См.: «Праздник „болдинской осени“», «Праздник в Болдине», «Горьковская правда» от 16 и 19 сентября 1967; «Болдинская осень», «Горьковский рабочий» от 5 сентября 1968; «Праздник в Болдине», «Праздник „болдинской осени“», «Горьковская правда» от 6 и 10 сентября 1968).

В 1967—1968 гг. работники музея совершили ряд выездов-экспедиций по окрестным деревням (дер. Б. Казариново, Львовка, с. Черновское и др.), где записывали местные предания, песенный фольклор и собирали

предметы старинного крестьянского быта. Подобная работа велась и в самом селе Болдино. Музей поддерживал тесную связь с болдинским народным хором, сохраняющим старые песенные традиции и старый песенный репертуар. В результате от участников хора были записаны в 1968 г. тексты песен, близких пушкинским записям народных песен, переданным Киреевскому (до настоящего времени не установлено, где именно были сделаны эти пушкинские записи). Таковы песни «Тещенька» — «Вздумалось тещеньке на базар гулять, купила тещенька соли да муки, соли муки на четыре рубли...» (у Пушкина см.: «Теща про зятюшку сдобничала...») и некоторые другие. Музей регулярно устраивал выступления хора и встречи с его участниками на пушкинских праздниках и для приезжающей в Болдино творческой интеллигенции.

1—3 июля 1968 г. основной состав хора (12 чел.) приехал в Москву, где по приглашению редакции выступал на «четверге» «Комсомольской правды», в Государственном музее А. С. Пушкина и в Музее музыкальной культуры («Хор в Болдине», «Болдинская песня». «Комсомольская правда» от 28 июня, 9 июля 1968).

Летом и осенью 1968 г. проводились работы по научному изучению заповедного парка усадьбы и составлению проекта его реставрации силами «Леспроекта»: ныне установлен возраст старых деревьев парка, в частности лиственницы, привезенной, по преданию, самим Пушкиным и посаженной в 1833 г.; ей, как определили специалисты, около 150 лет.

В 1967—1968 гг. усилилась собирательская деятельность музея. Были приобретены литографии Дюрана 1840-х годов с изображениями Владимира, Муромы и других мест, по которым проезжал Пушкин из Москвы в Болдино, гравированные и литографированные портреты современников поэта (из коллекции Я. Зака); советский раздел пополнился акварелями П. Ф. Осипова, Б. С. Берендгофа, гравюрами А. И. Мищенко, посвященными пушкинским местам, иллюстрациями В. М. Милашевского к сказкам Пушкина. Из наиболее интересных приобретений следует отметить медный кофейник А. А. Пушкина (сына поэта, из барского дома, дер. Львовка) и полученный в дар рукописный документ 1852 г. «Копия вводного листа на владение деревней Львовкой детьми А. С. Пушкина...» («Подарок музею». «Горьковская правда», 1968, 12 июня; «Тайна сундука». «Известия» 1968, 14 июня. В газетах документ ошибочно называется письмом С. Л. Пушкина, отца поэта. — Ю. Л.).

За это время собрано большое количество предметов старинного народного быта: гончарных изделий, тканей, одежды, домашней утвари. Книжный фонд наряду с искусствоведческой, справочной и пушкинской литературой пополнился такими книгами, как первое издание «Истории пугачевского бунта», 1834 г., «Картины России» П. П. Свиньина, 1839 г., его же «Достопримечательности Санктпетербурга» в 4-х томах, 1816 г., Н. М. Карамзина «Марфа Посадница», 1808 г., «Генриада» Вольтера на русском языке, 1790 г., и другими книгами.

5 ноября 1967 г., к 50-летию Советской власти, в трех комнатах дома-музея был открыт новый раздел «Болдино в советской культуре». Этот раздел, закономерно завершающий основную экспозицию музея («Болдино в жизни и творчестве Пушкина»), включает в себя следующие темы: а) Увековечение памяти Пушкина в Болдине; б) Болдино в работах советских художников; в) Болдино в советском кино и поэзии.

Выставка детских рисунков, организованная музеем в том же году, явилась итогом объявленного конкурса рисунков на пушкинскую тематику.

С 1-го июня по 10 сентября в помещении районного Дома культуры музей развернул персональную выставку горьковского художника В. С. Калинина. Большинство работ художника (живопись, акварель, рисунок, монотипия — всего около 80) посвящены пушкинским местам, и в частности Болдину, где художник бывал неоднократно (см.: каталог «Выставка произведений В. С. Калинина», Горький, 1968; «На полотнах — Болдино». «Горьковский рабочий» от 25 июня 1968).

Посещаемость музея по сравнению с предыдущими годами сильно возросла, увеличился приток туристов из разных городов страны.

Как и в предыдущие годы, музей вел большую лекционную работу по району, отвечал на многочисленные письменные запросы, руководил школьными литературными кружками. Много внимания уделяли работники музея пропаганде пушкинского наследия через местную районную газету и радио; к юбилейным пушкинским дням выпускались специальные страницы, систематически помещалась информация о работе музея, организованы литературно-музыкальные передачи и т. д.

На материале Пушкинского Болдинского заповедника горьковская студия телевидения выпустила три фильма и сделала ряд хроникальных передач. Сообщения о музее передавались по центральному и областному радио; вопросы, связанные с общим положением музея, освещались в печати (см. «Приют трудов и вдохновения». «Правда» от 24 октября 1968). В 1967 г. Волго-Вятское книжное издательство выпустило путеводитель «Музей-заповедник А. С. Пушкина в Болдине» (авторы В. Т. Чеснова, П. П. Маевская). В 1968 г. был издан комплект цветных открыток «Осень в Болдине» («Советский художник», фотографии Т. А. Зверева); в справочнике «Музеи и архитектурные памятники Горьковской области», изданном в том же 1968 г. (г. Горький, Волго-Вятское кн. изд.), помещена статья «Музей-заповедник А. С. Пушкина» (автор Ю. Левина).

Ю. Левина

ПУШКИНСКИЕ ДНИ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Проведение пушкинских дней имеет в г. Бузулуке Оренбургской области давнюю традицию. Здесь с большим подъемом были отмечены пушкинские даты 1937 и 1949 гг.

В апреле 1967 г. на отчетном собрании Оренбургского областного отделения Союза писателей РСФСР по предложению Бузулукской организации было принято решение установить в память приезда А. С. Пушкина в Оренбургский край «День поэзии» Оренбургской области.

В 1967 г. состоялось несколько пушкинских вечеров. Литературные вечера проходили в июне в Летнем театре и парке, носящем имя великого поэта. В связи с 130-летием со дня гибели поэта в Доме культуры «Железнодорожник» 15 февраля состоялся литературный вечер, на котором были прочитаны стихи Пушкина, исполнялись романсы русских композиторов на пушкинские тексты, был показан кинофильм «Метель» (по повести Пушкина). Бузулукские поэты прочитали свои стихи, посвященные Пушкину.

Летом 1968 г. был проведен второй «Пушкинский день поэзии». В Доме культуры им. В. В. Куйбышева читались стихи А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, М. Цветаевой, А. Тарковского, В. Рождественского о Пушкине, был показан кинофильм о селе Михайловском Псковской области. В фойе была открыта книжная выставка, на которой были представлены издания Пушкина и литература о нем.

В связи со 135-летием посещения Пушкиным Оренбургской губернии в июле 1968 г. в парке имени А. С. Пушкина был установлен бюст поэта. На открытии памятника выступали с речами секретарь горкома КПСС Г. М. Юдин и краевед-пушкинист П. С. Филатов. Учащиеся Бузулукского училища № 4 возложили к подножию памятника собранные ими лесные и степные цветы. Осенью того же года состоялись пушкинские вечера на тему «Великий Пушкин в Оренбургском крае» (в Летнем театре, в Доме

культуры машиностроителей, в техническом училище № 33 и др.). На вечерах были показаны сцены из народной драмы «Борис Годунов» (постановка В. И. Измайлова) и спектакль «Капитанская дочка»; читались стихи оренбургских поэтов о Пушкине. Библиотеки Бузулука организовали книжные выставки.

Бузулучане любят великого русского поэта, и пушкинские вечера всегда привлекают множество почитателей гения русской литературы.

П. С. Филатов

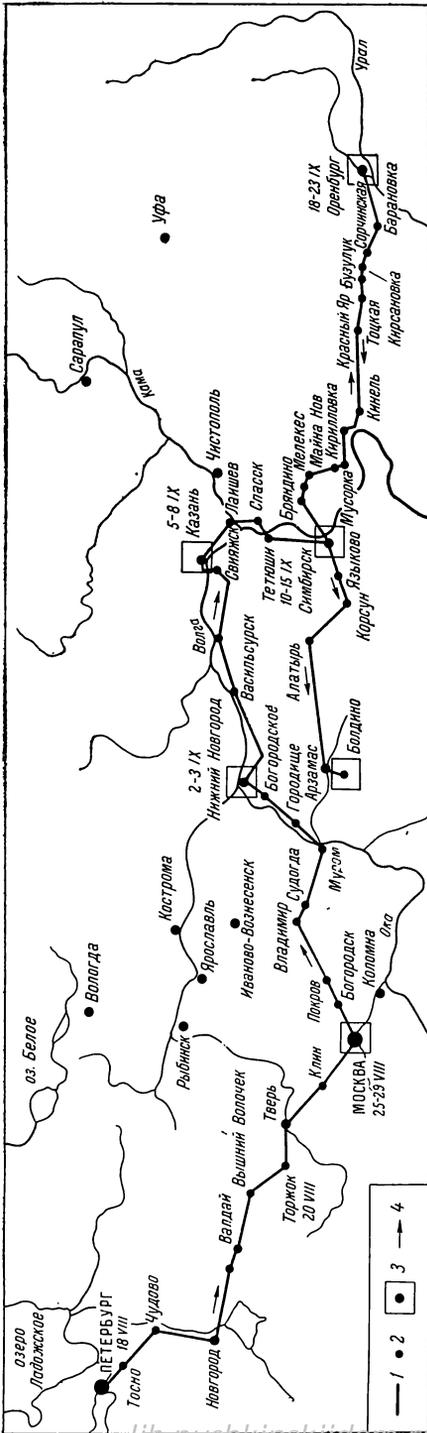
В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ТАТАРСКОЙ АССР

В сентябре 1968 г. исполнилось 135 лет со времени поездки Пушкина по Волге и Уралу. Этой дате было посвящено научное заседание в Государственном музее Татарской АССР (Казань) 2 октября 1968 г.

Член Ученого совета музея краевед Н. А. Васильев выступил на заседании с докладом «Пушкин в Поволжье (по материалам казанских исследователей)». Доклад был посвящен работам ныне покойных знатоков творчества Пушкина и литературного краеведения Казани Н. Ф. Калинина и В. В. Егерева. К сожалению, — как отметил докладчик, — труды эти стали ныне библиографической редкостью и мало известны даже специалистам. Это в особенности относится к богатой по материалам и наблюдениям книге Н. Ф. Калинина «Пушкин в Казани», выпущенной Центральным краеведческим музеем ТАССР в 1942 г. тиражом 1000 экземпляров. По условиям военного времени эта книга не попала даже в крупнейшие хранилища страны и в авторитетном указателе «Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1937—1948» (Изд. АН СССР, М. — Л., 1963), где учтены более ранние, даже газетные публикации Н. Ф. Калинина, значится как невышедшая (см. стр. 533, № 5755). Ценные и оригинальные разыскания Н. Ф. Калинина до сего времени не вошли еще в широкий научный оборот, и это ведет к тому, что в научно-популярной и даже научной литературе иной раз повторяются фактические ошибки, исправленные Калининым более 25 лет назад. Книга его, безусловно, должна быть переиздана.

Более частный характер имеет второе исследование, анализированное докладчиком, — брошюра В. В. Егерева «Дом, связанные с пребыванием А. С. Пушкина в Казани», изданная Гос. музеем ТАССР в 1956 г. тиражом в 500 экземпляров и в продажу не поступавшая.

Работы Н. Ф. Калинина и В. В. Егерева, отметил докладчик, позволяют с большой степенью точности определить места, связанные с пребыванием Пушкина в Казани и Поволжье, и дать в ряде случаев важный исторический и бытовой комментарий к его записям для «Истории Пугачева». Н. Ф. Калинин впервые подверг обследованию под этим углом зрения дорожную записную книжку Пушкина 1833 г., ныне хранящуюся в Пушкинском доме (см.: О. С. Соловьева. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом после 1937 года. Краткое описание. Изд. «Наука», М. — Л., 1964, № 844). Он сумел реконструировать возможные обстоятельства беседы Пушкина с рабочим В. П. Бабиным, давшей материал для «Истории Пугачева», и высказал глубоко аргументированные предположения о социальном облике и настроениях собеседника Пушкина. Место этой встречи нельзя считать точно установленным. Обычно предполагается, что она произошла в Горловом кабаке в Суконой слободе Казани (в Казанском музее экспонируется и небольшая картина маслом «Пушкин и В. П. Бабин в Горловом кабаке»); однако самый характер беседы застав-

Карта путешествия А. С. Пушкина в Казань и Оренбург в 1833 г.
 (Составил Н. А. Васильев по материалам Н. Ф. Калинин. Казань).

1 — путь поэта; 2 — почтовые станции на пути; 3 — места длительных остановок; 4 — направление пути.

ляет отнестись с осторожностью к этой позднейшей традиции, которая, кстати, не была поддержана ни Калининым, ни Егеревым.

В книге Н. Ф. Калинина дан и убедительный комментарий к единственному волжскому пейзажу, набросанному Пушкиным в его дорожной тетради. Рисунок свидетельствует о том, что второй выезд из Симбирска 15 сентября 1833 г. Пушкин сделал, переправившись через Волгу у Симбирска же. Еще живы симбирские старожилы, которые единодушно подтверждают, что зарисовать набросок Симбирска, отметить Смоленский спуск, Смоленскую церковь, часть Старого Венца и дом Карамзина, Пушкин мог только сидя у перевоза на Волге в ожидании парома; спускаться же специально на берег Волги по лестнице в 800 ступеней Пушкин не имел надобности. Рисунок запечатлел вид части бывшего Симбирска (теперь Ульяновска), которая в настоящее время приходится вправо от мемориальной стройки, сооружаемой в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

В результате многолетних разысканий Н. Ф. Калинина оказалось возможным составить карту маршрута Пушкина по Поволжью. Один из вариантов карты Н. Ф. Калинин предполагал поместить в своей книге, но это оказалось невозможным ввиду технических трудностей. В Гос. музее ТАССР хранится чертеж, составленный Н. А. Васильевым по материалам Калинина; чертеж этот воспроизводится в настоящем выпуске «Временника».

Н. А. Васильев остановился также на статьях и заметках, появившихся в местной печати к 130-летию со времени путешествия Пушкина, и обратил внимание на изобразительные материалы, относящиеся к Пушкину и находящиеся в государственных хранилищах, в частности на хранящиеся в Гос. музее ТАССР прекрасные гравюры Турнерелли, отразившие Казань 1830-х годов; особенно интересна зарисовка Симбирской заставы, которой не миновал и Пушкин, побывав 7 сентября 1833 г. в Троицкой Ноксе у места бывшего лагеря Пугачева. Краткое изложение основных положений доклада Н. А. Васильев опубликовал в популярном очерке в газете «Советская Татария» (1969, 11 февраля, № 35).

Участники заседания с интересом прослушали сообщение научного сотрудника Всесоюзного музея А. С. Пушкина Г. И. Назаровой «Изобразительные материалы, связанные с путешествием Пушкина по местам восстания Пугачева (из собрания Всесоюзного музея А. С. Пушкина)». Некоторые из них (в фотокопиях) были продемонстрированы через эпидиаскоп. Были также показаны цветные диапозитивы мест, связанных с пребыванием поэта в Казани в сентябре 1833 г., выполненные доцентом Казанского университета Н. В. Зориным.

В заключение вечера выступили артисты Казанского Большого драматического театра им. В. И. Качалова. В исполнении народной артистки ТАССР Л. Шмидт, заслуженных артистов ТАССР Я. Мацкевича и Е. Кузина прозвучали отрывки из произведений А. С. Пушкина «Метель», «Мозарт и Сальери», «Скупой рыцарь», «Медный всадник» и др. На вечере присутствовало около 300 человек.

С. Писарева

В предшествующем, пятом, выпуске «Временника Пушкинской комиссии» (за 1966 г. — Л., 1969, стр. 49—50) напечатана заметка Р. М. Гороховой «К тексту „Египетских ночей“». В этой заметке приводятся несколько наблюдений над автографом «Египетских ночей» и предлагается новое прочтение одного места рукописи, в котором находятся не вполне ясные исправления и поправки Пушкина. Фразу «секретарь неаполитанского посольства и молодой человек, недавно возвратившийся из путешествия бредя о Флоренции, положили в урну свои свернутые бумажки» (Акад., VIII, 272) Р. Горохова читает следующим образом: «Молодой секретарь неаполитанского посольства, недавно возвратившийся из путешествия бредя о Флоренции...», т. е. подразумевается, что Пушкин имел в виду не итальянского дипломата, а русского, что вызвало сомнения у читателей «Временника». Указанные слова Пушкина обозначают, конечно, прежде всего неаполитанского дипломата в России. Однако автор заметки исходил из предположения, что исправления Пушкина в перебеленной рукописи имели целью расширить характеристику «молодого дипломата, недавно возвратившегося из Неаполя», т. е. русского (см. первоначальный вариант рукописи), а потому и допускал, что Пушкин мог употребить указанное выражение по отношению к русскому дипломату в Неаполе.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Султан Казы Гирей. Портрет работы Г. Г. Гагарина. 1842. Всесоюзный музей А. С. Пушкина. (Стр. 39).
- Огюстен Грizzle. Литография Эмиля Лассаля. (Стр. 104—105).
- Н. М. Смирнов. Акварель Е. Беккера. 1849. ИРЛИ АН СССР. (Стр. 104—105).
- Н. М. Смирнов. Рисунок Пушкина. ИРЛИ АН СССР. (Стр. 110).
- Титульный лист веронского издания «Медного всадника». (Стр. 116).
- Колофон веронского издания «Медного всадника». (Стр. 117).
- Могила А. С. Пушкина. (Стр. 140).
- Карта путешествия А. С. Пушкина в Казань и Оренбург в 1833 г. (Составил Н. А. Васильев по материалам Н. Ф. Калинина. Казань). (Стр. 147).
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
К. П. Богаевская. Из записок Н. М. Смирнова	4
М. И. Гиллельсон. Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон	14
Г. Ф. Турчанинов. Султан Казы Гирей — корреспондент пуш- кинского «Современника»	33
В. Э. Вацуро. Уолпол и Пушкин	47
В. В. Крамер. С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина	58
II. ОБЗОРЫ	
В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1968 года	76
Мелкие заметки.	
1. В. В. Пугачев. К датировке послания Пушкина «К Ча- адаеву»	82
2. Я. Л. Левкович. «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина и «Андрей Безыменный» А. О. Корниловича	89
3. М. Ф. Мурьянов. Магический кристалл	92
4. Е. И. Гаврилова. «Коллективная записка» К. П. Брюл- лову	95
5. Е. Д. Петряев. Пушкин и Павел Зубов	97
6. Л. И. Тарасюк. Огюстен Гризье, преподаватель фехтова- ния Пушкина	103
7. Т. Г. Цявловская. Н. М. Смирнов в рисунке Пушкина	109
8. А. Н. Егунов . Немецкая «Пиковая дама»	111
9. В. В. Лазурский. Веронское издание «Медного всадника»	115
10. К. Ласорса. Новые итальянские переводы «Медного всад- ника»	118

III. ХРОНИКА

Некрологи	125
М. М. Калаушин	125
Андре Менье	126
Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1968 г.	135
Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1968 г.	137
Пушкинский заповедник в 1968 г.	139
Музей-заповедник А. С. Пушкина в Болдине (Горьковская обл., 1967—1968 гг.)	142
Пушкинские дни в Оренбургской области	145
В Государственном музее Татарской АССР	146
Дополнения и поправки	149
Список иллюстраций	150

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ 1967—1968

*Утверждено к печати
Пушкинской комиссией Отделения
литературы и языка АН СССР*

Редатор издательства *К. Н. Феноменов*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *К. И. Видре* и *В. А. Пузиков*

Сдано в набор 23 IV 1970 г. Подписано к печати 30/X 1970 г. Формат
бумаги 60 × 90 ¹/₁₆. Бум. л. 4¹³/₁₆. Печ. л. 9¹/₂ + 1 вкл. (1/8 печ. л.) =
= 29⁹/₈ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11.53, Изд. № 4259. Тип. зак. № 924.
М-30662. Тираж 5200. Бумага № 2. Цена 70 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12